IIL | Индоиранские языки
Indo-Iranian Languages

1 2 2025

УДК 81.52
ББК 811.21/22
И60

Индоиранские языки. 2025. — Том 1. № 2. — 208 с.

Indo-Iranian languages. 2025. — Vol. 1. No. 2. — 208 p.

Учредитель и издатель журнала:
Институт лингвистических исследований РАН

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе
анонимного независимого рецензирования

Материалы журнала доступны в электронном виде по ссылке:
https://indo-iranian.org/iil/issue/archive

Электронный адрес редколлегии журнала: editors@indo-iranian.org

Сайт: https://indo-iranian.org

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-89248 от 17.03.2025

ISSN (печатное издание) 3034-6800
ISSN (электронное издание) 3034-6819
DOI журнала 10.30842/30346800
DOI номера 10.30842/30346800.2025.1.2

© ИЛИ РАН, 2025
© Редколлегия журнала, 2025

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

IIL | Индоиранские языки

Том 1. № 2

2025

Главный редактор:

А. П. Выдрин — к. филол. н., ИЛИ РАН (Санкт-Петербург)

Заместители главного редактора:

О. И. Беляев — к. филол. н., МГУ; ИЯз РАН (Москва)

В. А. Плунгян — д. филол. н., проф., акад. РАН, ИЯз РАН (Москва)

Секретарь редакции и отдела рецензий:

Ю. В. Мазурова — к. филол. н., ИЯз РАН (Москва)

Редакторы:

А. О. Бадеев — ИЯз РАН; НИУ ВШЭ (Москва)

Ю. Ю. Макаров — Кембриджский университет (Великобритания); ИЯз РАН (Москва)

А. Д. Подгорная — МГУ (Москва)

Редакционный совет:

А. Абби — PhD, проф., Университет Джавахарлала Неру (Дели, Индия)

М. Дабир-Мукаддам — PhD, проф., Университет имени Алламе Табатабаи; Академия персидского языка и литературы (Тегеран, Иран)

Ю. А. Дзиццойты — к. филол. н., Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова; Юго-Осетинский НИИ им. З. Ванеева (Цхинвал, Южная Осетия)

Л. Р. Додыхудоева — к. филол. н., ИЯз РАН (Москва)

Б. А. Захарьин — д. филол. н., проф., МГУ (Москва)

В. Б. Иванов — д. филол. н., проф., МГУ (Москва)

Н. Н. Казанский — д. филол. н., проф., акад. РАН, ИЛИ РАН (Санкт-Петербург)

А. И. Коган — д. филол. н., Институт востоковедения РАН (Москва)

А. Корн — PhD, Национальный центр научных исследований (Париж, Франция)

Л. И. Куликов — к. филол. н., Гентский университет; Католический университет Лувена (Бельгия)

П. Б. Лурье — к. филол. н., Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

И. Хегедюш — Dr. habil., проф., Печский университет (Венгрия)

Л. В. Хохлова — к. филол. н., МГУ (Москва)

Т. И. Оранская — проф., Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)

А. В. Росси — проф., Университет Востока (Неаполь, Италия); Международная ассоциация исследований Средиземноморья и Востока (Рим, Италия)

М. Й. Кюммель — Dr. habil., проф., Йенский университет имени Фридриха Шиллера (Германия)

Д. И. Эдельман — д. филол. н., проф., ИЯз РАН (Москва)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

IIL | Indo-Iranian Languages

Volume 1. No. 2

2025

Editor-in-chief:

Arseniy P. Vydrin	Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

Deputy editors:

Oleg Belyaev	Lomonosov Moscow State University; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Vladimir A. Plungian	Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Managing & review editor:

Julia V. Mazurova	Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Associate editors:

Artyom O. Badeev	Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; HSE University
Yury Makarov	University of Cambridge; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Anastasia D. Podgornaia	Lomonosov Moscow State University

Editorial Board:

Anvita Abbi	Jawaharlal Nehru University
Mohammad Dabir-Moghaddam	Allameh Tabataba'i University; Academy of Persian Language and Literature
Yury A. Dzittsoity	A. A. Tibilov South Ossetian State University; Z. Vaneev South Ossetian Research Institute
Leili R. Dodykhudoeva	Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Boris A. Zakharyin	Lomonosov Moscow State University
Vladimir B. Ivanov	Lomonosov Moscow State University
Nikolai N. Kazansky	Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
Anton I. Kogan	Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Agnes Korn	Centre national de la recherche scientifique
Leonid Kulikov	Ghent University; Université catholique de Louvain
Pavel B. Lurje	The State Hermitage Museum
Irén Hegedüs	University of Pécs
Liudmila V. Khokhlova	Lomonosov Moscow State University
Tatiana I. Oranskaia	Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences
Adriano V. Rossi	Università degli Studi di Napoli "L'Orientale"; Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l'Oriente
Martin J. Kümmel	Friedrich-Schiller-Universität Jena
Joy I. Edelman	Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Содержание

Е. А. Забелина. Конверб как средство связи клауз в хинди . . 9

Д. А. Новокшанов. Реляционные свойства некоторых локативных имен в шугнанском языке: семантика и грамматикализация 61

А. С. Крылова. Структура слога и проблема выпадения безударного гласного в языке куллуи 82

Л. И. Куликов. Краткие заметки о санскритских чередованиях и о преподавании санскрита 105

М. В. Головизнин. Метаморфозы персидского «аориста» в русской востоковедческой школе: путь длиной в два столетия 130

Е. К. Молчанова. Речевой этикет у зороастрийцев Ирана . . 147

А. С. Коньков, С. И. Каверин, Д. А. Тверяков, А. Б. Малярчук. Языковая и популяционно-генетическая история населения Памира и Гиндукуша 161

Рецензии

Marco Fattori. [Review of:] ***Robin Meyer.*** *Iranian Syntax in Classical Armenian: The Armenian Perfect and Other Cases of Pattern Replication.* Oxford: Oxford University Press, 2023 . . 196

Anton I. Kogan. [Review of:] ***Simeon Polshin.*** *(Proto-)Indo-Iranian: historical phonology and basic lexicon.* München: LINCOM, 2024 202

Contents

Elizaveta A. Zabelina. Converb as a clause-linking device in Hindi 9

Dmitry A. Novokshanov. Relational properties of some locative nouns in Shughni: Semantics and grammaticalization 61

Anastasiya S. Krylova. Syllable structure and unaccented vowel deletion in Kullui 82

Leonid I. Kulikov. Brief notes on Sanskrit alternations and on teaching Sanskrit. 105

Mark V. Goloviznin. Two hundred years of metamorphoses of the Persian "aorist" in the Russian school of Oriental studies 130

Elena K. Molchanova. Speech etiquette among the Zoroastrians of Iran 147

Andrey S. Kon'kov, Sviatoslav I. Kaverin, Dmitrii A. Tveriakov, Alexandra B. Malyarchuk. The linguistic and population-genetic history of the Pamirs and Hindu Kush people 161

Reviews

Marco Fattori. [Review of:] ***Robin Meyer.*** *Iranian Syntax in Classical Armenian. The Armenian Perfect and Other Cases of Pattern Replication.* Oxford: Oxford University Press, 2023 . . 196

Anton I. Kogan. [Review of:] ***Simeon Polshin.*** *(Proto-)Indo-Iranian: historical phonology and basic lexicon.* München: LINCOM, 2024 202

Конверб как средство связи клауз в хинди

Е. А. Забелина

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); windmill161@gmail.com; ORCID: 0009-0007-7188-0294

Аннотация. Исследование представляет собой функциональный анализ конверба в сопоставлении с другими стратегиями связи клауз в хинди: причастными клаузами, послеложными клаузами с инфинитивом и финитной полипредикацией. Материалом служат данные веб-корпусов и элицитации. Сопоставление проводится по параметрам (1) акциональных, аспектуальных и таксисных характеристик, (2) выражения субъекта, (3) функционально-дискурсивных свойств. Показано, что конструкции с конвербом более гибки с точки зрения акциональности образующего глагола, а также синтаксического и семантического отношения конвербной и матричной клауз, чем другие нефинитные стратегии. Эти свойства конверба анализируются с учетом его функции отражать тесную связь между предикациями. Грамматические особенности конверба, в частности его контекстно-выводимая грамматическая семантика, прагматическая односубъектность и затрудненность отрицания, также объясняются его дискурсивной функцией.

Ключевые слова: конверб, полипредикация, сочинение, подчинение, дискурс, хинди

Благодарности. Я хотела бы поблагодарить Е. А. Костину за помощь на ранних этапах исследования и С. С. Сая за полезные комментарии к первой версии рукописи статьи, а также анонимных рецензентов и редакторов журнала за конструктивные замечания, позволившие значительно улучшить текст. Кроме того, я признательна носителям хинди, принявшим участие в исследовании. Все ошибки и упущения остаются на моей совести.

Для цитирования: Забелина Е. А. Конверб как средство связи клауз в хинди // Индоиранские языки. 2025. 1(2). С. 9–60.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.1

© Е. А. Забелина, 2025

Converb as a clause-linking device in Hindi

Elizaveta A. Zabelina

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia); windmill161@gmail.com;
ORCID: 0009-0007-7188-0294

Abstract. The article analyzes the converb form in Hindi as a clause-linking device. On the one hand, Hindi retains the old Indo-European finite clause-linking system, and on the other, it makes extensive use of converbs, a feature typical of the languages of (South) Asia. This makes it interesting to study the function of the converb in comparison with other clause-linking devices. Converbs in South Asian languages, including Hindi, have been the subject of extensive research for decades, yielding many insights into their functions. However, as these insights have emerged from different research paradigms and methodologies, the present paper seeks to test major claims, summarize them and propose a consistent functional-discourse analysis. The study is based on data from web corpora supplemented by elicitation. The converbal construction is compared with other strategies of clause linkage such as participial clauses, infinitival clauses headed by postpositions, coordination and subordination of finite clauses. They are studied with respect to (i) aspect/taxis and actionality of the verb, (ii) subject expression, (iii) discourse functions. I show that the converbal construction accomodates verbs of different actionality types and its syntactic and semantic connection to the matrix clause does not have to be explicitly specified, as distinct from non-finite strategies. The use of the converb emphasizes the natural relevance that holds between the situations in question, while finite coordination and subordination tend to be used when situations are conceived of as more independent. I also demonstrate that specific grammatical features of the converb, such as context-dependent grammatical semantics, same-subject reference and non-compositional negation, can be accounted for by its discourse function.

Keywords: converb, clause linkage, coordination, subordination, discourse, Hindi

Acknowledgements. I would like to thank Ekaterina Kostina for her assistance during the early stages of this research and Sergey Say for his valuable comments on the first version of the paper manuscript. I am also thankful to the anonymous reviewers and journal editors for their constructive feedback,

which significantly improved the text, and to the Hindi speakers who participated in this study. Any errors or omissions remain my sole responsibility.

For citation: Zabelina E. A. Converb as a clause-linking device in Hindi. *Indo-Iranian languages*. 2025. 1 (2). P. 9–60.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.1

1. Вступление

Во многих не родственных друг другу языках мира есть нефинитные[1] глагольные формы с функцией адвербиальной модификации и / или создания цепочек клауз в нарративном дискурсе[2]. В последние несколько десятилетий такие формы в лингвистической типологии часто называют «конвербами». В качестве конвербов рассматривается достаточно разнообразный круг форм: семантически специализированные конвербы, образующие адвербиальные клаузы с конкретной (например, уступительной или целевой) или контекстуально-выводимой семантикой, и так называемые нарративные конвербы — формы, которые присоединяются на уровне целого высказывания и выступают основным средством линейной организации повествования. Однако в некоторых языках вышеупомянутые функции оказываются систематически совмещены в одной форме (ср. «(евр)азиатский тип конвербов» [Bickel 1998: 385]; см. также [Nedjalkov 1995: 97; van der Auwera 1998: 279]). Несмотря на то что универсального общепринятого определения конверба так и не было разработано (существующие определения критикуются, например, в работах [Zúñiga 1998; Genetti 2005; Haspelmath 2024]), термин все же применяется для удобства сопоставления форм со схожими свойствами в различных языках.

Так, конвербы были описаны во многих языках Европы, Кавказа, Центральной Азии, Южной Азии, Дальнего Востока, Африки

[1] Понятие нефинитности в лингвистике имеет множество различных интерпретаций [Cristofaro 2007]. В данном случае имеется в виду невозможность выступать в качестве основного (единственного или конечного в цепочке) предиката прагматически нейтрального декларативного предложения [Nedjalkov 1998: 421].

[2] «Нарративный дискурс по определению основан на изложении упорядоченных во времени событий, соединенных семантическим отношением “последовательность”» [Кибрик 2008: 135].

(Эфиопии), хотя и не во всех лингвистических традициях они именуются именно таким образом: ср. частично или полностью пересекающиеся термины *adverbial participle, gérondif, gerund, conjunctive participle, absolutive participle, деепричастие* и др. [Coupe 2006: 145].

В большей части индоевропейских языков Европы конвербы производны от причастий и чаще всего имеют узкую адвербиальную функцию [Coupe 2006], а связь клауз в нарративе осуществляется преимущественно через финитное сочинение и подчинение. В языках других семей и регионов конвербы нередко имеют более широкий функционал и другие свойства (о «сочинительных свойствах» конверба в разных языках см. работы [Рудницкая 1997; Тестелец 1999; Kazenin, Testelets 2004; Беляев 2011; Treis, Vanhove 2024] и многие другие). В связи с этим интересно проанализировать функции конверба в соотношении с другими стратегиями связи клауз в языке хинди, поскольку он, с одной стороны, относится к индоевропейским языкам (< индоарийские < индоиранские < индоевропейские), а с другой стороны, изначально распространен в Южной Азии, где конвербы, близкие к «(евр)азиатскому» типу, иногда называются среди ареальных черт региона — «[a] tendency to use non-finite converbs, where modern European languages tend to employ finite dependent clauses» [Hock 2016: 256].

В современном хинди[3] можно выделить несколько глагольных форм, соответствующих данному выше условному определению конверба. Во-первых, в хинди есть специализированная, собственно конвербная форма на *-kar* (1), часто именуемая в индологии «сочинительным причастием» [Kachru 2006: 99], которая и будет в фокусе внимания в данной работе. Во-вторых, как и в других индоевропей-

[3] Хинди относится к «новоиндийским» («новоиндоарийским») языкам, формировавшимся начиная с X–XI вв. на основе среднеиндийских пракритов и апабхранша [Montaut 2017: 98]. Существует проблема идентификации хинди относительно многочисленных региональных вариантов и близкородственных идиомов, образующих континуум, а также относительно языка урду, грамматическая система которого очень близка к грамматической системе хинди (см., например, [Shapiro 2003: 277–279]). Настоящее исследование опирается на данные литературного и разговорного современного хинди, распространенного в Индии. Более строго ограничить материал невозможно ввиду слабой идентифицируемости данных веб-корпусов, применяемых в работе.

ских языках, в обстоятельственной функции могут использоваться формы, производные от причастий. В данной работе для удобства восприятия конвербом будет называться только собственно конверб на *-kar*.

(1) *vah* ***hã̃s-kar*** *bol-ī*
он(а).DIR смеяться-CVB говорить.PST-SG.F
'Она сказала, смеясь/рассмеявшись' (пример адаптирован[4] из [Montaut 2006: 186]).

Конвербам в языках Индии и Южной Азии в целом посвящено немало специальных исследований, в частности ареально-типологическая работа [Masica 1976]. Отдельно конверб хинди изучался с формально-семантической [Davison 1986] и функционально-диахронической [Montaut 2006] точек зрения. К настоящему моменту накоплено много эмпирических наблюдений и вариантов их анализа, часть из которых плохо сопоставимы и даже поверхностно противоречивы, поскольку сделаны в разных парадигмах. Данная работа нацелена на то, чтобы резюмировать, проверить и дополнить существующие разнородные сведения о конвербе и последовательно проанализировать их в функционально-дискурсивной перспективе.

Конверб сравнительно частотен в тексте[5], и многими исследователями использование конверба даже признается «безусловно предпочтительным» по сравнению с цепочкой финитных форм [Montaut 2006: 181; Костина 2018: 222], хотя он и не является основным средством связи клауз, как, например, в дравидийских языках [Montaut 2006: 181]. Тем не менее представляется, что утверждение

[4] Принятая в работе система записи хинди основана на той, что используется в традиционной индологии, с некоторыми модификациями. В частности, в данной работе одна фонема соответствует одной графеме: придыхательные смычные записываются как C^{h}, а гласные *ai* и *au*, несомненные монофтонги в современном хинди, как *ɛ* и *ɔ*.

[5] В работе [Masica 1976: 130–134] сопоставлены абсолютные количества употреблений конвербов в переводах первых девяти глав Евангелия от Марка на языки из небольшой выборки: немецкий (0), новогреческий (5), румынский (36), английский (58), французский (99), русский (133), итальянский (150), испанский (162), турецкий (181), фарси (205), **хинди (217)**, бенгальский (250), малаялам (446), телугу (459) (выделение мое. — *Е. З.*).

о предпочтительности конверба в нарративной функции требует уточнений. В хинди широко представлена и финитная полипредикация, а также причастия с довольно значительной функциональной нагрузкой и частичными пересечениями с конвербом [Masica 1991: 323]. Распределение всех этих форм и стратегий неочевидно. Представляется, что для анализа функций конверба необходимо учитывать и дискурсивные факторы, поскольку «многие морфосинтаксические явления не могут быть объяснены в пределах своего уровня» [Кибрик 2008: 132]. Данное исследование демонстрирует, как использование конверба хинди с определенными дискурсивными функциями соотносится с его морфосинтаксическими свойствами, отличными от свойств прочих нефинитных обстоятельственных конструкций с одной стороны и финитных стратегий связи клауз с другой.

Материалом для исследования[6] послужил неразмеченный новостной веб-корпус хинди Лейпцигского университета (HNCLCC) — коллекция текстов (45,5 млн словоупотреблений), автоматически собранных с новостных сайтов в 2011 г. Также использовался неразмеченный новостной веб-корпус EMILLE Hindi Webnews (EHW) — коллекция новостных текстов, автоматически собранных с новостных сайтов (10,5 млн словоупотреблений). Кроме того, привлекался материал, собранный в ходе анкетирования семи информантов во время экспедиций в городе Дели, Индия, в 2019–2020 гг.

Статья состоит из четырех разделов. В разделе 2 очерчена система средств связи клауз в хинди и некоторые релевантные для нее свойства языка, а также представлены рассматриваемые стратегии связи клауз и их морфосинтаксические особенности. В разделе 3 описаны и проанализированы употребления конверба с точки зрения его функциональных и дискурсивных особенностей на фоне других стратегий. Раздел 4 кратко резюмирует результаты исследования.

[6] Для полноценного исследования такого рода необходимо также проанализировать функции конвербов в текстах устной спонтанной речи разных жанров, где дискурсивные функции проявляются наиболее отчетливо [Кибрик 2008: 139], но на момент написания статьи автору не известны доступные корпуса с записями спонтанных текстов на хинди.

2. Система средств связи клауз в хинди

2.1. Обзор системы связи клауз и релевантных для нее параметров языка

Хинди характеризуется базовым порядком SOV, хотя порядок составляющих достаточно свободный и в значительной степени подчинен требованиям информационной структуры и дискурса. Вершина обычно находится в постпозиции относительно зависимого, но есть и исключения: к примеру, есть подчиненные клаузы, стоящие в постпозиции и вводимые союзами, предшествующими этим клаузам[7] [Shapiro 2003: 279]. Определения чаще всего расположены перед определяемым, а актанты и обстоятельства — в зависимости от информационной структуры — на левой периферии клаузы (топикальная позиция), непосредственно перед предикатом (фокусная позиция), или на правой периферии, после предиката (*afterthought*[8] и др.) [Dayal 2003].

В качестве способов связи клауз в хинди выделяют сочинение, подчинение и коррелятивные структуры [Montaut 2013]; в последних обе финитные клаузы маркируются парными союзами. Сочинение клауз может быть союзным или реализоваться как соположение. Подчинение представлено разными структурами: подчиненными финитными клаузами, вводимыми союзами, или нефинитными — причастными, инфинитивными, конвербными и др.

Сентенциальные актанты в хинди выражаются инфинитивными или подчиненными клаузами, относительные клаузы — причастными или подчиненными/коррелятивными клаузами. Обстоятельственные клаузы представляют собой самый неоднородный класс: разные типы обстоятельств выражаются подчиненными, коррелятивными клаузами, инфинитивами, причастиями, конвербом и их модификациями.

---

[7] Под влиянием персидского в хинди сентенциальные дополнения при глаголах речи стали оформляться заимствованным комплементайзером *ki* и помещаться справа от главной клаузы. Дальнейшее распространение правого ветвления, при котором и другие типы клауз вводятся подчинительными союзами, характерно для хинди и других новоиндоарийских языков [Shapiro 2003: 279].

[8] *Afterthought* — запоздалое добавление, см., например, [Chafe 1988: 6].

Связь клауз в нарративе осуществляется преимущественно через финитное сочинение. Как будет показано ниже, конверб в части своих употреблений выражает обстоятельственные значения, а в других употреблениях также может обозначать связь последовательных ситуаций (адвербиальная и нарративная функции), эти употребления никак специально не маркированы и формально практически не различимы.

Чтобы уточнить роль конверба в этой системе, необходимо рассмотреть его свойства, а также особенности форм, «пересекающихся» с ним в обстоятельственной и нарративной функции. Обзор рассматриваемых форм и стратегий представлен в разделе 2.2.

Как отмечалось исследователями, основные морфосинтаксические различия этих форм лежат в области акциональных ограничений и аспектуальной/таксисной характеристики форм, а также они различаются по возможности наличия и выражения собственного субъекта — по этим двум группам признаков различные стратегии и будут сопоставлены ниже, в разделах 2.3–2.4.

2.2. Обзор форм и стратегий с адвербиальной и/или нарративной функцией в хинди

В данном разделе будут рассмотрены формы и стратегии связи клауз (i) с адвербиальной функцией (адвербиальные употребления причастий, послеложных клауз с инфинитивами, финитные подчиненные и коррелятивные клаузы) и (ii) с функцией построения нарративных цепочек (финитное сочинение).

В хинди два основных[9] причастия: имперфективное и перфективное. Имперфективное причастие (2) образуется путем прибавления к глагольной основе суффикса *-t* и согласовательного суффикса; перфективное причастие (3) также образуется от глагольной основы и содержит согласовательный суффикс, но специального суффикса, выражающего перфективное значение, нет; в целом правила образования этой формы сложнее, есть фонологические чередования в основах, оканчивающихся на гласный, и нерегулярно образую-

[9] Иногда выделяют также другие типы причастий, например «процессивное» [Липеровский 1984: 98], но в современном языке они используются крайне редко.

щиеся формы (см. [Липеровский 1984: 63–64]). Вне конструкций и парадигм причастия чаще всего встречаются в аналитической форме: за причастием смыслового глагола следует перфективное причастие глагола ‘быть’ *huā*, причем в нормальном случае[10] согласовательные показатели у смыслового и вспомогательного причастий совпадают (см. (2)–(3)).

(2) *lāden* *ṭīvī* *par* *xud* *ko*
Л.(М).SG.DIR телевизор(М).OBL на сам.OBL OBJ
dek^{h}t-ā ***hu-ā***
видеть.PTCP.IPFV-SG.M.DIR быть.PTCP.PFV-SG.M.DIR
nazar$_1$ *ā*$_2$ *rah-ā* *hɛ*
попадаться_на_глаза$_{1,2}$ DUR-SG.M.DIR PRS.3SG
‘[В этом видео Бен] Ладен показан **смотрящим** на самого себя по телевизору’ [HNCLCC: aajtak.intoday.in, collected on 14/05/2011].

Имперфективное причастие всегда релятивизует субъект (2), а перфективное причастие, образованное от переходного глагола, обычно имеет пассивное значение (3), за исключением адвербиальных употреблений.

(3) *lilāh*$_1$ *vingfīld*$_2$ *kī*
Л. В.$_{1,2}$(F).SG.OBL ADJZ.F.PL.DIR
dek^h-ī ***hu-ī***
видеть.PTCP.PFV-SG.F.DIR быть.PTCP.PFV-SG.F.DIR
ye *bātẽ* *un-kī*
эти.DIR слово(F).PL.DIR те.OBL-ADJZ.SG.F.OBL
potī *jesikā*$_1$ *daglas*$_2$ *hom*$_3$ *ne*
внучка(F).SG.OBL Дж. Д. Х.$_{1,2,3}$(F).SG.OBL ERG
ek *kitāb* *mẽ* *lik^h-ī* *hɛ̃*
один книга(F).SG.OBL в писать.PFV-PL.F PRS.3PL
‘Обо всех этих вещах, **увиденных** Лайлой Вингфилд, написала в книге ее внучка Джессика Дуглас Хоум’ [HNCLCC: www.bbc.co.uk, collected on 10/12/2011].

Причастия служат основным конституирующим элементом части аспектуально-временных парадигм, а также многих кон-

[10] О случаях нарушениях согласования см. [Липеровский 1984: 67].

струкций с фазовыми значениями и значениями глагольной множественности [Зограф, Оранская 2011]. Кроме того, они могут употребляться вне конструкций и парадигм: в атрибутивной, адвербиальной или предикативной (со связкой) позиции. Иногда также выделяют функцию вторичной предикации или предикативного определения [Дымшиц 1971], т. е. синтаксического элемента, имеющего двойную связь — с предикатом и с субъектом (4). Такая причастная клауза имеет и определительное значение — характеристика субъекта, и обстоятельственное значение — характеристика протекания действия, выраженного предикатом. В таких употреблениях причастная клауза стоит перед предикатом, а не перед релятивизуемым участником.

(4) *vah* [*šatruõ* *ko* *donõ* *hāt^{h}õ* *se*
он(а).DIR враг(м).PL.OBL OBJ два.OBL рука(м).PL.OBL от
d^{h}akelt-ā ***hu-ā***]
толкать.PTCP.IPFV-SG.M.DIR быть.PTCP.PFV-SG.M.DIR
bol-ā
сказать.PST-SG.M
‘Он сказал, отталкивая врагов обеими руками…’ (пример адаптирован из [Montaut 2006: 188]).

В предикативной и атрибутивной функции причастия согласованы с именем по роду, числу и падежу. В функции вторичной предикации они могут быть согласованы или выступать в «абсолютной»/«дефолтной» форме: стандартно это форма единственного числа, мужского рода, косвенного или прямого падежа. В адвербиальной функции причастия обычно не согласуются и выступают в дефолтной форме. Однако адвербиальная функция причастий в целом нечетко разграничена с функцией вторичной предикации, они квазисинонимичны [Masica 1976: 116]. При этом имперфективное причастие семантически модифицирует предикат, а перфективное причастие всегда ориентировано на участника[11].

[11] Для перфективных причастий от переходных глаголов нейтрализуется противопоставление по согласованности, поскольку согласованная форма перфективного причастия может быть ориентирована только «пассивно», на объект [Костина 2018: 210].

Конверб хинди утратил исторические показатели[12] и представляет собой форму, совпадающую с глагольной основой, чаще всего усиленную инновативным суффиксом *-kar*[13](1). В отличие от причастных форм, конверб не содержит эксплицитных маркеров аспекта, таксиса и других глагольных категорий, при этом он иногда характеризуется как «перфективная форма» [Davison 1986] или «конверб предшествования» [Липеровский 1984]. В русскоязычной индологии предлагалось считать подобные формы формами «общего вида» или неохарактеризованными по этой категории [Зограф и др. 2011: 38; Захарьин 2008: 114].

Синтаксически конверб считается подчиненной[14] формой, хотя тип связи или уровень присоединения конвербной клаузы к матричной варьирует — от узкой модификации предиката до присоединения на уровне высказывания в целом, т. е. «квазисочинения». Так, выделяют до трех различных типов связи конвербной клаузы с матричной: сочинение, подчинение и обстоятельственная модификация «внутри клаузы» (5).

(5) *us* *ne* *soc-kar*
он(а).OBL ERG думать-CVB
kām *kiy-ā*
работа(м).SG.DIR делать.PST-SG.M
а. ‘Он(а) подумал(а) и затем сделал(а) работу’ (сочинение).

---

[12] В старом хинди употреблялась форма на *-i* [Strnad 2013: 447]. Формы предшествующего периода, апабхранша, на *-ep(p)i* / *-ep(p)iṇu* / *-evvi* / *-evviṇu*, предположительно, восходят к суффиксу соответствующей формы в ведийском санскрите на *-tvī* / *-tvīnam*; существовали также пракритские формы на *-(t)tā* / *-ttāṇaṁ* / *-(t)ūṇaṁ* / *-ccā(ṇa)* < санскр. формы на *-tvā* / *-yā* [Bubeník 1996: 127].

[13] Суффикс *-kar* диахронически сам представляет собой форму конверба (основы) глагола *karnā* ‘делать’ [Липеровский 1984: 99]. Иногда суффикс может опускаться, а иногда —заменяться алломорфом *-ke* (в более ранних текстах встречается также *-karke*). Распределение алломорфов — отдельный вопрос, выходящий за рамки исследования.

[14] А. Монто [Montaut 2006] приводит результаты пяти тестов для установления сочинительной связи между двумя языковыми единицами: на переставимость, сочинение, возможность выноса, чувствительность к ограничениям на анафору, равенство ассертивного статуса. При этом А. Монто приходит к выводам, что по всем релевантным тестам конверб демонстрирует подчинительную связь.

б. ‘Подумав, он(а) сделал(а) работу’ (подчинение).
в. ‘Он(а) сделал(а) работу обдуманно’ (обстоятельственная модификация) [Davison 1986: 5].

Считается, что в этих трех интерпретациях различается прагматическая выделенность ситуации, выраженной нефинитной клаузой [Davison 1986].

Инфинитив в хинди образуется от глагольной основы с помощью суффикса *-nā* и чаще всего функционирует как сентенциальный актант при определенных матричных предикатах или используется как имя действия, обозначающее действие без характеристики протекания этого действия во времени[15]. Он также не содержит показателей аспекта, но может иметь форму пассивного залога и интенсивную/предельную форму[16] [Липеровский 1984: 48]. Инфинитив обладает некоторыми именными свойствами, в частности сочетается с послелогами в качестве глагольного имени. Инфинитивные клаузы, вводимые послелогами, функционируют как адвербиальные зависимые (по тестам [Montaut 2006]) и могут выражать различные обстоятельственные значения в соответствии с семантикой послелога, в том числе предшествования, следования, причины, цели, уступки. Наиболее функционально близки к конвербным клаузам инфинитивные клаузы с послелогами *ke bād*, *par*, *se*, обозначающими следование, как в примерах (6) и (7), и источник/причину, как в примере (8).

(6)	*vakīl*	[*fɛsle*	*kī*
	адвокат(м).SG.DIR	решение(м).SG.OBL	ADJZ.SG.F.DIR

[15] Форма на *-nā* также имеет ряд специфических употреблений, например модальное адъективное (согласуемое), которые некоторыми исследователями выделяются в отдельную часть речи [Липеровский 1984].

[16] Предельный/интенсивный предикат состоит из формы смыслового глагола, идентичной краткому конвербу (без *-kar*), и «легкого» глагола, выражающего глагольные категории и прибавляющего некоторый оттенок значения (интенсивности и т. д.). Предельные/интенсивные предикаты хинди иногда рассматриваются как перфективные соответствия имперфективным монолексемным предикатам [Poříz̆ka 1967–1969; Hook 1974; Nespital 1997; Bhatt 2010; Montaut 2016a]. По этой трактовке хинди входит в число языков мира с «системой с деривационным выражением комплетивности на основе глагольных ограничителей-классификаторов» [Плунгян 2012: 26].

kɒpī ***dek^{h}n-e*** ***ke$_1$ bād$_2$***]
копия(F).SG.DIR смотреть.INF-OBL после$_{1,2}$
nirṇay *lẽge*[17]
решение(M).SG.DIR брать.FUT.3PL.M
'…адвокат примет решение после просмотра копии вердикта' [HNCLCC: news.google.com, collected on 09/12/2011].

(7) [*film* ***dek^{h}n-e*** ***par***]
фильм(F).SG.DIR смотреть.INF-OBL на
yah *bāt* *ekdam*
этот.DIR слово(F).SG.DIR совершенно
sāf *ho*$_1$ *jātī*$_2$ *hɛ*
чистый.SG.F.DIR становиться$_{1,2}$.IPFV.F PRS.3SG
'После просмотра фильма это становится совершенно ясным' [HNCLCC: aajtak.intoday.in, collected on 30/10/2011].

(8) [*īmel* *ko* ***dek^{h}n-e*** ***se***]
e-mail(M).SG.OBL OBJ смотреть.INF-OBL от
sāf *patā*$_1$ *caltā*$_2$ *hɛ*
чистый.SG.M.DIR выясняться$_{1,2}$.IPFV.SG.M PRS.3SG
'Увидев этот e-mail, понимаешь…' (букв. «от видения… становится ясно…») [HNCLCC: www.bbc.co.uk, collected on 13/08/2011].

Финитные обстоятельственные клаузы в хинди сохраняют структуру независимого предложения, но оформляются союзами, из которых базовым временны́м является *jab* 'когда'. В случаях, когда клауза, оформленная этим союзом, находится в препозиции к главной или вложена в нее, главная клауза чаще всего маркируется коррелятом следствия *to* 'то' (9), общим для условных и временных конструкций, или *tab* 'тогда' (10), реализуя распространенную в индоарийских языках с древнейших времен коррелятивную структуру [Renou 1961; Minard 1936, цитируется по Montaut 2006: 181].

(9) [***jab*** *mɛ̃* *puṣkar* *pahũc-ā*]
когда я.DIR П. добираться.PST-SG.M

[17] В хинди используется уважительное множественное число по отношению к третьим лицам высокого социального статуса.

to *vahã̄* *mer-ī* *mulākāt*
то там мой-SG.F.DIR встреча(F).SG.DIR
emīn *se* *hu-ī*
Э.(M).SG.OBL от быть.PST-SG.F
‘Когда я добрался до города Пушкара, то встретился там с Эмином’ [HNCLCC: feedproxy.google.com, collected on 12/08/2011].

(10) [***jab*** *honā* *hogā*]
когда быть.INF.DIR быть.FUT.3SG.M
tab *ho*$_{1}$ *jāyegī*$_{2}$ *mer-ī*
тогда становиться$_{1,2}$.FUT.3SG.F мой-SG.F.DIR
šādī
свадьба(F).SG.DIR
‘Когда нужно будет, тогда и случится моя свадьба’ [HNCLCC: feedproxy.google.com, collected on 16/03/2011].

Обратный порядок клауз возможен, что подтверждает подчинительный характер связи между клаузами. Однако если главная клауза стоит в препозиции, то она обычно не маркируется союзами *tab*/*to* (11), кроме особых случаев контрастивного выделения (12).

(11) *sinh* *kā* *yah* *bayān*
С.(M).SG.OBL ADJZ.SG.M.DIR этот.DIR высказывание(M).SG.DIR
ṭ^{h}*īk* *us* *ke*$_{1}$ *bād*$_{2}$ *āy-ā*
верный.SG.M.DIR тот.OBL после$_{1,2}$ приходить.PST-SG.M
[***jab*** *ṭṛṇamūl* *kāngres* *ke*
когда Тринамул конгресс(M).SG.OBL ADJZ.PL.M.DIR
sānsad *un* *se* *mil-kar*
депутат(M).PL.DIR те.OBL от соединяться-CVB
lɔṭ-e *t*^{h}*e*]
возвращаться.PST-M.PL PST.3PL.M
‘Данное заявление было сделано Сингхом сразу после этого, когда депутаты конгресса Тринамул уже вернулись обратно после встречи с ним’ [HNCLCC: news.google.com, collected on 21/05/2011].

(12) *pānī* *pīn-e* *kā*
вода(M).SG.DIR пить.INF-OBL ADJZ.SG.M.DIR
sahī *tarīkā* ***tab*^{h}*ī***
правильный.SG.M.DIR путь(M).SG.DIR тогда.EMPH

hot-ā *hɛ*
быть.PTCP.IPFV-SG.M PRS.3SG
[***jab*** *āp* *kā* *mũh*
когда Вы.OBL ADJZ.SG.M.DIR рот(М).SG.DIR
sūk^{h}n-e *lage*]
сохнуть.INF-OBL прикладываться.SBJV.3SG
'Правильно пить воду именно тогда, когда у Вас начнет пересыхать во рту' [HNCLCC: feedproxy.google.com, collected on 08/11/2011].

Однако возможна и полипредикативная структура, в которой одна из клауз маркирована *to*, а вторая не маркирована:

(13) *t^{h}ɛle* *kī* *jãc*
сумка(М).SG.OBL ADJZ.SG.F.DIR осмотр(F).SG.DIR
kī ***to*** *is* *mẽ*
делать.PST.SG.F то этот.SG.OBL в
ekṣtenšan$_{1}$ *pleg*$_{2}$ *nikl-ā*
удлинитель$_{1,2}$(М).SG.DIR выходить.PST-SG.M
'Проверили сумку, и в ней нашелся удлинитель' [HNCLCC: www.patrika.com, collected on 22/09/2011].

Такая клауза с *to* может быть и первой в цепочке или вообще отдельной:

(14) *to* *kyā* *hu-ā*?
то что быть.PST-SG.M
'И что (тогда) случилось?' (пример адаптирован из [Montaut 2016b: 264]).

Подобная структура часто встречается в нарративах в устной речи и, возможно, представляет собой скорее подвид сочинительной стратегии с дискурсивным коннектором [Montaut 2016b: 265].

Оставляя некоторые маргинальные для нарратива подчинительные стратегии связи клауз за рамками рассмотрения, перейдем к каноническому сочинению — основной стратегии выражения нарративной функции. Стандартное финитное сочинение в хинди, в отличие от дравидийских языков, также возможно: для конъюнкции используется базовый сочинительный союз *ɔr* 'и' (15), в более

высоком регистре санскритизированного хинди также употребляются союзные слова *tat^{h}ā / at^{h}vā*. Кроме того, широко распространен и паратаксис (соположение) (16).

(15) *maharṣi* *ramaṇ* *ne* *ãk^{h}ẽ*
великий_провидец Р.(м).SG.OBL ERG глаз(f).PL.DIR
k^{h}ol-ĩ ***ɔr*** *ek* *motī*
открывать.PST-PL.F и один жемчужина(м).SG.DIR
uṭ^{h}āy-ā
поднимать.PST-SG.M
'Великий провидец Раман открыл глаза и поднял одну жемчужину' [HNCLCC: navbharattimes.indiatimes.com, collected on 27/09/2011].

(16) *us* *kī* *asāvd^{h}ānī* *se*
тот.OBL ADJZ.SG.F.DIR неосторожность(f).SG.OBL от
lɛmp *ko* *d^{h}akkā*
лампа(м).SG.OBL OBJ толчок(м).SG.DIR
lag *gay-ā,*
прикладываться уходить.PST-SG.M
lɛmp *gir* *paṛ-ā*
лампа(м).SG.DIR падать выпадать.PST-SG.M
'Из-за его неосторожности по лампе пришелся удар, лампа упала' [HNCLCC: navbharattimes.indiatimes.com, collected on 30/11/2011].

Таким образом, в хинди представлена богатая система связи клауз, состоящая из различных механизмов и стратегий — от соположения до максимально редуцированных форм, а границу между сочинением и подчинением провести оказывается не так просто.

2.3. Аспектуальные/таксисные характеристики и акциональные ограничения

В данном подразделе будут сопоставлены причастия и конверб, поскольку для инфинитива и финитной полипредикации эти характеристики менее релевантны.

Перфективные причастия в атрибутивном/обстоятельственном употреблении образуются от достаточно узкого класса предикатов: преимущественно от семантически предельных глаголов [Kachru 2006: 229], в интерпретации которых есть результирующее состояние, релевантное для субъекта. Имперфективные причастия, хотя и в меньшей степени, также демонстрируют ограничения по акциональности. Так как на данный момент не существует полномасштабных исследований по акциональным классам хинди[18], мы собрали предварительный материал только по шести глаголам, который показывает в первом приближении корреляцию между акциональностью глагола и возможностью образовывать имперфективное и перфективное причастие. Результаты исследования суммированы в Таблице 1.

Таблица 1. Оценка распределения употреблений имперфективных и перфективных причастий для выборочных глагольных лексем на материале корпуса HNCLCC

Table 1. Assessment of the distribution of imperfective and perfective participle usages for selected verbal lexemes based on HNCLCC corpus data

Предикат	**Частотность основы (ipm)**	**Значимость сочетания IPFV + hue**	**Значимость сочетания PFV + hue**
laṭaknā ‘висеть, повиснуть’	6	75	**207**
pahannā ‘носить; надевать’	15	12	**1163**
bɛtʰnā ‘садиться’	35	10	**1053**
kʰolnā ‘открывать’	40	**668**	17
ronā ‘плакать’	9	**1327**	0
calānā ‘управлять, водить’	11	**696**	0

[18] Акциональность глаголов хинди кратко затронута, например, в работах [Kachru 2006: 84] и [Липеровский 1984]: в частности, отмечено, что в хинди практически нет собственно стативных глаголов, кроме *honā* ‘быть’ и сочетаний с ним. Фактически нет также и пунктивных монолексемных предикатов: бóльшая часть глагольных лексем обозначает процесс + вхождение в процесс или состояние + вхождение в состояние.

Нужно заметить, что оценить только адвербиальные употребления затруднительно, поскольку невозможно снять омонимию с атрибутивными употреблениями в косвенном падеже, также оканчивающимися на *-e*. В качестве меры значимости в таблице указано значение логарифмической функции правдоподобия (*log-likelihood ratio*) из корпуса HNCLCC, которая считается классическим показателем силы синтагматической связи между элементами коллокаций. Частотность основы в ipm (*item per million*) приведена отдельно, чтобы наглядно продемонстрировать отсутствие влияния этого фактора на возможность образования причастий.

Таблица отражает некоторые общие тенденции употребления нефинитных форм, связанные с семантикой глагольной лексемы и не зависящие от ее частотности. Так, имперфективные причастия наиболее часто образуются от агентивных предикатов-деятельностей, особенно часто от непредельных (‘плакать’, ‘управлять’), но также и от некоторых предельных (‘открывать’). Перфективные причастия регулярно образуются от предельных предикатов, но только тех, в значении которых есть результирующая ситуация-состояние субъекта (‘надевать’ ⟹ быть одетым во что-то, ‘садиться’ ⟹ сидеть, ‘повиснуть’ ⟹ висеть). Более слабая тенденция, наблюдаемая в таблице для глагола ‘повиснуть’, может быть обусловлена тем, что имперфективное и перфективное причастия для него квазисинонимичны из-за полисемии глагольной лексемы ‘висящий’ ~ ‘повисший’, а сам глагол в корпусе достаточно редок.

Имперфективное причастие в адвербиальном употреблении обозначает одновременное действие (см. в примере (17), скандирование лозунгов было частью процесса демонстрации, т. е. происходило с ней одновременно), а перфективное причастие — одновременное состояние, вызванное предшествующим действием (см. в примере (18) ‘перевоплотившись’ = будучи перевоплощенным).

(17) *cʰātrõ* *ne* [***nārebāzī***
учащийся(м).pl.obl erg скандирование(f).sg.dir
kart-e ***hu-e***]
делать.ptcp.ipfv-sg.m.obl быть.ptcp.pfv-sg.m.obl
julūs *nikāl-ā*
демонстрация(м).sg.dir извлекать.pst-sg.m

‘Студенты устроили демонстрацию, скандируя лозунги’ [HNCLCC: www.patrika.com, collected on 14/07/2011].

(18) *sugureš* [*tīpū*$_1$ *sultān*$_2$ *kā*
С.(М).DIR Т. С.$_{1,2}$(М).OBL ADJZ.SG.M.DIR
veš ***d^{h}āraṇ***
облик(М).SG.DIR принятие(М).SG.DIR
kiy-e ***hu-e***]
делать.PTPC.PFV-PL.M.OBL быть.PTCP.PFV-PL.M.OBL
frīḍam$_1$ *pārk*$_2$ *kī* *šob^{h}ā*
Ф. П.$_{1,2}$(М).SG.OBL ADJZ.SG.F.DIR украшение(F).SG.DIR
bar^{h}ā *rah-e* *t^{h}e*
увеличивать DUR-PL.M PST.3PL.M
‘…Сугуреш, перевоплотившись в Типу Султана, украшал собой Фридом Парк’ [HNCLCC: feedproxy.google.com, collected on 18/12/2011].

Адвербиальные употребления перфективных причастий встречаются в текстах и устной речи особенно редко: реже и чем адвербиальные употребления имперфективных причастий[19], и чем другие случаи употребления перфективного причастия[20]. В несогласованном употреблении частотны лишь несколько устойчивых выражений, семантически относящихся скорее к вторичной предикации, — таких как X *liye hue* (брать.PTCP.PFV.SG.M.OBL быть.PTCP.PFV.SG.M.OBL) ‘с X-ом’, или X *pahne hue* (надевать.PTCP.PFV.SG.M.OBL быть.PTCP.PFV.SG.M.OBL) ‘будучи одетым в X’, которые, по-видимому, постепенно застывают и лексикализуются.

Причастия также участвуют в образовании ряда более или менее композициональных конструкций с более узкой специализированной семантикой: итеративные конструкции, уступительные конструкции и некоторые другие [Kachru 2006: 226–234]. Рассмотреть их все в данной работе не представляется возможным.

[19] См. Приложение 1.

[20] Так, из первых ста примеров случайной выборки сочетания *bɛt^{h}e hue* (сидеть.PTCP.PFV.SG.M.OBL быть.PTCP.PFV.SG.M.OBL) в корпусе HNCLCC несомненно адвербиальных употреблений оказалось четыре, еще три позволяют в том числе такое прочтение. Таким образом, адвербиальных употреблений в выборке оказалось не более 7 %.

В сопоставлении с конвербом чаще всего упоминается конструкция непосредственного предшествования, основанная на адвербиальном употреблении имперфективного причастия с рестриктивной частицей *hī* [Липеровский 1984: 100]. Из исследованных глаголов (см. Таблицу 1) эта конструкция в корпусе зафиксирована только с предельными процессами (*bɛʈʰnā* ‘садиться’, *kʰolnā* ‘открывать’, *pahannā* ‘носить/надевать’), см. (19).

(19) [*is* *kursī* *par* ***bɛʈʰt-e***
этот.OBL стул(F).SG.OBL на садиться.IPFV-M.OBL
hī] *mahilāẽ* *ho*$_{1}$ *jātī*$_{2}$
RESTR женщина(F).PL.DIR становиться$_{1,2}$.IPFV.F
hẽ *pregnaṇt*
PRS.3PL беременный.PL.F.DIR

‘Только сев на этот стул, женщины становятся беременными’ [HNCLCC: news.google.com, collected on 02/04/2011].

Еще одна часто упоминаемая в сопоставлении с конвербом, частично изофункциональная с ним конструкция — конструкция одновременности. Эта конструкция также основана на имперфективном причастии, маркированном косвенным падежом, которое служит генерализованным определением к имени со значением ‘время’, — чаще всего используется *samay* или его урдуизированный (заимствованный из арабского через персидский) синоним *vaqt*:

(20) [*vāhan* ***calāt-e***
транспорт(M).SG.DIR управлять.PTCP.IPFV-SG.M.OBL
samay] *helmeṭ* *kā*
время(M).SG.DIR шлем(M).SG.OBL ADJZ.SG.M.OBL
upayog *karnā* *cāhiye*
использование(M).SG.DIR делать.INF.DIR необходимо
‘Управляя транспортным средством, необходимо пользоваться шлемом’ [HNCLCC: www.patrika.com, collected on 20/01/2011].

Эта конструкция, по-видимому, не имеет ограничений по акциональности глагола и засвидетельствована со всеми предикатами из Таблицы 1, кроме *laṭaknā* ‘висеть/повиснуть’, что, скорее всего, объясняется слабой представленностью формы *laṭakte* в корпусе HNCLCC (всего 38 вхождений), а не запретом на сочетаемость:

соответствующие примеры встречаются при поиске в интернет-источниках.

Последние две рассмотренные конструкции с причастиями семантически более маркированы, т. е. имеют более узкое значение, чем употребления причастий вне конструкций, так что они не будут детально рассматриваться далее.

Абдул Хак на материале урду [Haq 1936] сопоставляет адвербиальные употребления перфективного и имперфективного причастий с конвербом, демонстрируя разницу в аспектуальной семантике и интерпретации (21а)–(21в) (примеры цитируются по [Липеровский 1984: 100]):

(21) а. *vah* *g^{h}ar* *mẽ* *se* [*šarāb*
он(а) дом(м).sg.obl в от алкоголь(м).sg.dir
pīy-e ***hu-e***]
пить.ptcp.pfv-sg.m.obl быть.ptcp.pfv-sg.m.obl
nikl-ā
выходить.pst-sg.m
‘Он вышел из дома выпивши’ (~ Он вышел из дома в состоянии опьянения).

б. *vah* *g^{h}ar* *mẽ* *se* [*šarāb*
он(а) дом(м).sg.obl в от алкоголь(м).sg.dir
pīt-ā ***hu-ā***]
пить.ptcp.ipfv-sg.m.dir быть.ptcp.pfv-sg.m.dir
nikl-ā
выходить.pst-sg.m
‘Он вышел из дома, выпивая’ (~ Он начал пить вино и пил его и тогда, когда выходил из дома).

в. *vah* *g^{h}ar* *mẽ* *se* [*šarāb*
он(а) дом(м).sg.obl в от алкоголь(м).sg.dir
pī-kar] *nikl-ā*
пить-cvb выходить.pst-sg.m
‘Выпив вино, он вышел из дома’ (~ Сначала он выпил вино, а потом вышел из дома).

Конверб действительно в большинстве случаев употребляется в контекстах предшествования (22), но в некоторых употреблени-

ях возможно двойственное прочтение, не исключающее одновременность (23), а в других конверб выражает способ осуществления действия (24) и обязательно предполагает одновременность, а не предшествование. Употребления с семантикой следования, как представляется, для него нехарактерны.

(22) [*bāzār* *se* *mahãg-e*
рынок(м).SG.OBL от дорогой-PL.M.DIR
p^{h}ūl ***xarīd-kar***]
цветок(м).PL.DIR покупать-CVB
yahã *bect-e* *hɛ̃*
здесь продавать.PTCP.IPFV-PL.M PRS.3PL
'Покупают (букв. «купив») дорогие цветы на рынке и продают тут' [HNCLCC: www.patrika.com, collected on 01/12/2011].

(23) *unhõne* ***muskurā-kar*** *hã̃* *bol-ā*
те.ERG улыбаться-CVB да говорить.PST-SG.M
'Он(а) с улыбкой / улыбнувшись согласился(/ лась)'(букв. «сказал(а) "да"») [HNCLCC: feedproxy.google.com, collected on 29/12/2011].

(24) *kapil* *ne* ***cillā-kar*** *sacin* *se*
К.(м).SG.OBL ERG кричать-CVB С.(м).SG.OBL от
kah-ā *ki* *gendbāz*
сказать.PST-SG.M COMP боулер(м).SG.DIR
t^{h}ak *cuk-e* *hɛ̃*
уставать кончаться.PST-PL.M PRS.3PL
'Капил прокричал (букв. «крикнув,… сказал») Сачину, что боулер[21] уже устал' [HNCLCC: news.google.com, collected on 26/10/2011].

Однако представляется, что перфективная трактовка [Davison 1986: 13–14] все же может быть принята, если сопоставить различные интерпретации конверба с семантическими классами глаголов, от которых он образован [Abbi 1980; Захарьин 2008: 93; Дащенко 2007: 164–165]. Так, интерпретация предшествования возможна и с предельными, и с непредельными глаголами, в последнем случае в делимитативном[22] значении (25).

[21] В крикете: игрок, подающий мяч.

[22] Согласно [Дащенко 2007: 164–165], в этом случае также должна быть возможна ингрессивная интерпретация (вхождение в процесс), но подобных

(25) *kānti* *to* [*bār*$_1$-*bār*$_2$ ***ro-kar***]
К.(F).SG.DIR то многократно$_{1,2}$ плакать-CVB
besud^h$_1$ *ho*$_2$ *rah-ī* *t*^{h}*ī*
терять_сознание$_{1,2}$ DUR-F PST.SG.F
'Канти же после многочисленных приступов слез была на грани обморока' (букв. «много раз поплакав») [HNCLCC: www.patrika.com, collected on 22/10/2011].

Но и более редкая интерпретация одновременности допустима в обоих случаях: для непредельных глаголов она выводится из не-временно́го значения образа/способа совершения действия (26), а для предельных глаголов реализуется как «перфектное» прочтение, сохранение результирующей ситуации (27) — с теми же условиями и ограничениями, что действуют для перфективного причастия.

(26) *salīm* [*tɛksī* ***calā-kar***]
С.(M).SG.DIR такси(M).SG.DIR управлять-CVB
apn-e *parivār* *ko*
свой-SG.M.OBL семья(M).SG.OBL OBJ
pet$_1$ *pālt-e*$_2$ *t*^{h}*e*
кормить(ся)$_{1,2}$.IPFV-PL.M PST.PL.M
'Салим кормил семью, работая в такси' (букв. «управляя такси») [HNCLCC: news.google.com, collected on 23/02/2011].

(27) *vṛdd*^{h} *vyakti* *jo*
старый.SG.M.DIR человек(M).SG.DIR который.DIR
j*^{h}*uk-kar *calt-ā* *hɛ*
сгибаться-CVB идти.IPFV-SG.M PRS.3SG
vah *d*^{h}*artī* *mẽ* *kyā*
тот.DIR земля(F).SG.OBL в что
k^h*ojt-ā* *raht-ā* *hɛ*
искать.IPFV-SG.M оставаться.IPFV-SG.M PRS.3SG
'Старик, который идет согнувшись, что он все время ищет на земле?' [HNCLCC: navbharattimes.indiatimes.com, crawled on 07/03/2011].

Конвербы с интерпретацией одновременности оказываются квазисинонимичны адвербиальным употреблениям причастий,

---

примеров в наших данных не засвидетельствовано.

либо имперфективного, либо перфективного, и действительно могут быть сочинены с ними (28)–(29), что также подтверждает их одинаковый синтаксический статус в данных употреблениях (см. критерий Ширяева [Belyaev 2015]).

(28) *use* [*kursī* *par* ***bɛt^h-kar***]
тот.OBJ стул(F).SG.OBL на садиться-CVB
ɔr [*ek* *vīṇā* ***pakṛ-e***
и один ви́на(F).SG.DIR хватать.PTCP.PFV-SG.M.OBL
hu-e] *citrit*$_1$ *kiy*$_2$*-ā*
быть.PTPC.PFV-SG.M.OBL изображать$_{1, 2}$.PTCP.PFV-SG.M.DIR
gay-ā *hɛ*
уходить.PST-SG.M PRS.3SG
‘Его изобразили сидящим (букв. «сев») на стуле и держащим ви́ну[23]’[https://hi.abadgarq.com/wiki/Central_District_(Aligudarz_County)].

(29) [*apn-e* *pɛr* *ke*
свой-SG.M.OBL стопа(M).SG.OBL ADJZ.SG.M.OBL
ãgūṭ^{h}e *kī*
большой_палец(M).SG.OBL ADJZ.SG.F.DIR
taraf ***dek^h-kar***] ***ɔr***
сторона(F).SG.DIR смотреть-CVB и
[*hāt^{h}õ* *se* ***malt-ī***
рука(M).PL.OBL от тереть.PTCP.IPFV-SG.F.DIR
hu-ī] *bol-ī*
быть.PTCP.PFV-SG.F.DIR говорить.PST-SG.F
‘Осматривая большой палец ноги и растирая [его] руками, [она] сказала⟨...⟩’ [Verma 1934].

В примерах (28) и (29) конвербная форма имеет «перфектную» интерпретацию: «сев = сидя(щий)» и «посмотрев = смотря(щий)», что позволяет сочетать их с выражением одновременного состояния (перфективное причастие) или действия (имперфективное причастие). В случае, когда конверб и причастие выполняют разные функции в высказывании, к примеру, вторичного предиката и обстоятельства, они не сочиняются с помощью союза:

[23] Ви́на — традиционный струнный музыкальный инструмент.

(30) [*naše* *mẽ* ***dʰut₁ ho₂-kar***]
опьянение(м).sg.obl в быть_парализованным$_{1,2}$-cvb
(***ɔr**) [*gāṛī* ***calāt-e***
и машина(f).sg.dir управлять.ptcp.ipfv-sg.m.obl
hu-e] *unhõne do vyaktiyõ ko*
быть.ptcp.pfv-sg.m.obl те.erg два человек(м).pl.obl obj
kucal ḍāl-ā *tʰā*
давить бросать.pst-sg.m pst.sg.m
'Управляя машиной в пьяном виде (букв. «став парализованным в опьянении»), он задавил двух человек' [EHW: ehinweb199].

Получается, что различные интерпретации выводятся закономерно, что свидетельствуют не об отсутствии или нейтрализации аспектуальных противопоставлений, а о взаимодействии разных акциональных классов с вторичной перфективацией.

Таким образом, конвербная форма охватывает потенциально всю глагольную лексику хинди и не накладывает ограничений на акциональность[24], хотя и взаимодействует с ней, как это происходит и в инфинитивной, и финитной стратегиях. Значение конвербной формы определяется с учетом предельности глагола, а также частных семантических и прагматических свойств сочетания предикатов: в частности, комбинации более конкретного и более абстрактного по значению глагола, как в примере (24), естественным образом будут интерпретироваться как выражающие способ действия, а не предшествование [Montaut 2006: 188]. С точки зрения аспекта конверб можно рассматривать как форму со значением вторичной перфективации. При этом употребления с интерпретацией одновременности являются результатом взаимодействия перфективации с семантикой образующего предиката и возможны только для ограниченного класса случаев. Только в таких употреблениях конверб может быть грамматически квазисинонимичен базовым причастным конструкциям.

Инфинитивы, как и конвербы, не содержат показателей аспекта, и у них не выявлены акциональные ограничения: конструкции с инфинитивами засвидетельствованы в корпусе для всех глагольных лексем из Таблицы 1.

[24] См. Приложение 2.

Финитная стратегия также не задает ограничений на акциональную характеристику глагола, хотя смысловая интерпретация для предикатов с разной семантикой в разных аспектуально-временных формах, естественно, будет различаться.

2.4. Наличие и выражение собственного субъекта

Наличие и выражение субъекта является важной характеристикой нефинитных форм, которые и будут рассмотрены в данном подразделе. В финитной полипредикации хинди субъект обычно может быть выражен.

У причастий в современном хинди, как правило, не может быть собственного эксплицитного субъекта, отличного от субъекта главной клаузы[25], за исключением отдельных причастных конструкций, например конструкции непосредственного предшествования. Для этой конструкции регулярно встречается разносубъектное употребление (31), где субъект, пониженный в ранге, оформлен как посессор с помощью согласуемого послелога *kā*.

(31) [*un ke* ***āt-e*** ***hī***]
те.obl adjz.pl.m.obl приходить.ipfv-m.obl restr
pūr-a *sṭeḍiyam*
полный-sg.m.dir стадион(м).sg.dir
pə̃̄v *ke* *panjõ*
ступня(м).sg.obl adjz.pl.m.obl пятерня(м).pl.obl
par ā *gay-ā*
на приходить уходить.pst-sg.m
‘Как только он вышел, весь стадион приподнялся на цыпочки’ [HNCLCC: news.google.com, collected on 15/11/2011].

Случаи ориентации не на грамматический субъект для адвербиальных употреблений причастий редки, но маргинально встречаются. Так, в примере (32) причастие *dek^{h}te hue* ориентировано на участника ‘студенты’ из главной клаузы, но этот участник

[25] В старом хинди несогласованные причастные конструкции с собственным генитивным субъектом были достаточно частотны [Pořízka 2000: 75–76], они встречаются также в примерах из художественной литературы XX в. [Липеровский 1984: 85–88].

оформлен объектным показателем и не является грамматическим субъектом в своей клаузе.

(32) *vidyārt^{h}iyõ* *ko* [*film*
студент(м).pl.obl obj фильм(f).sg.dir
dek^{h}t-e ***hu-e***]
смотреть.ptcp.ipfv-sg.m.obl быть.prf-sg.m.obl
hãsān-e *mẽ* *kāmyāb*
смешить.inf-obl в успешный
hot-ī *hɛ̃*
быть.ptcp.ipfv-f prs.3pl
‘(Им) удается развеселить студентов, когда они смотрят фильм (букв. «смотря фильм»)’ [HNCLCC: news.google.com, collected on 02/04/2011].

Конверб хинди можно считать односубъектной формой, с той оговоркой, что соблюдается единство прагматического, а не грамматического субъекта. Имплицитный субъект конверба совпадает с прагматическим субъектом главной клаузы, но не с его грамматическим подлежащим — в отличие от причастий, ср. примеры (33)–(34).

(33) [*yah* *sab* ***sun-kar***] *muj^{h}e*
этот.dir все слышать-cvb я.obj
hãsī *āt-ī* *hɛ*
смех(f).sg.dir приходить.ptcp.ipfv-sg.f prs.3sg
‘Когда слышу все это, мне становится смешно’ (букв. «слыша это все, мне приходит смех») [HNCLCC: news.google.com, collected on 06/02/2011].

(34) *ek* *yuvatī* *kī*
один девушка(f).sg.obl adjz.sg.f.dir
[*ṭren* *se* ***kaṭ-kar***]
поезд(f).sg.obl от быть_разрезанным-cvb
mɔt *ho$_1$ gay$_2$-ī*
смерть(f).sg.dir становиться$_{1,2}$.pst-sg.f
‘Одна девушка погибла, попав под поезд’ (букв. «одной девушки, будучи разрезанной поездом, смерть произошла») [HNCLCC: feedproxy.google.com, crawled on 18/07/2011].

Собственный лексический субъект в конвербной клаузе встречается крайне редко, и даже в этих случаях субъект может быть только прагматически невыделенным[26]: неличным, неодушевленным, неактивным (35а) и, следовательно, грамматически неоформленным. Подобные примеры практически невозможно элицитировать, они не всегда признаются носителями, хотя встречаются в публицистике и художественной литературе. Оформление личного субъекта по посессивной стратегии невозможно (35б).

(35) а. [*bāriš* ***t^{h}am-kar***] *log*
дождь(F).SG.DIR прекращаться-CVB люди(M).PL.DIR
bāzār-õ ***ɔr*** *apn-e*
рынок(M)-PL.OBL и свой-PL.M.OBL
kāry-õ *ko*$_1$ *lekar*$_2$
работа(M)-PL.OBL по_отношению$_{1,2}$
jaldī *hī* *subah* *zarūr* *nikl-e*
быстро RESTR утром обязательно выходить.PST-PL.M
‘…когда дождь кончился, люди, конечно, тотчас вышли утром на рынки и по своим делам’ (букв. «дождь кончившись») [https://www.jagran.com/uttar-pradesh/etah-11034643.html].

б. *[*sureš* (*ke*) *rīnā* *ko*
С.(M).SG.OBL ADJZ.SG.M.OBL Р.(F).SG.OBL OBJ
kiss ***kar-ke***] *us* *ne*
поцелуй делать-CVB тот.OBL ERG
sureš *ko* *cā̃ṭā* *mār-ā*
С.(M).SG.OBL OBJ пощечина(M).SG.DIR бить.PST-SG.M
Ожид.: ‘Суреш поцеловал Рину, и она дала ему пощечину’ [элицитация].

В послеложных конструкциях с инфинитивом, напротив, возможно и относительно частотно выражение собственного субъекта, оформленного как посессор с помощью согласуемого послелога *kā*:

(36) [*manc* *par* *un* *ke*
помост(M).SG.OBL на те.OBL ADJZ.SG.M.OBL

[26] А. Монто [Montaut 2006: 188] классифицирует такие случаи как «почти что инкорпорацию неконкретного, нереферентного субъекта».

bɛʈʰn-e ***ke*$_1$ *bād*$_2$**] *kucʰ***
садиться.INF-OBL после$_{1,2}$ несколько
vaktāõ *ke* *bʰāṣaṇ*
оратор(м).SG.OBL ADJZ.SG.M.OBL речь(м).SG.OBL
se *māhɔl* *punaḥ*
от окружающая_обстановка(м).SG.DIR снова
garm *hone*
горячий.SG.M.DIR быть.INF.OBL
<*lagā*>
прикладываться.PST.M.SG
'После того как они сели на помост, атмосфера из-за выступления некоторых спикеров снова <начала> накаляться…' [EHW: ehinweb3c0].

Итак, с точки зрения выражения субъекта конверб противопоставлен инфинитивным и финитным стратегиям, а также причастной конструкции непосредственного предшествования, где возможно полное или редуцированное выражение активного субъекта. Выражение собственного субъекта в конвербной клаузе практически невозможно, не считая редких примеров с неактивным неодушевленным субъектом, однако, в отличие от причастий, для конверба это ограничение прагматическое, а не грамматическое: разнооформленность субъектов не является препятствием для отождествления, т. е. имплицитный субъект конверба часто совпадает не с грамматическим субъектом главной клаузы, а с каким-то прагматически центральным ее участником (32)–(34).

3. Функциональные и дискурсивные свойства конверба

Как уже было упомянуто ранее, функциональные интерпретации конверба очень разнообразны — от квазисочинения (37) до узкого подчинения (38) (выражения образа действия, предшествования или причины) [Davison 1986; Montaut 2006; Kachru 2006: 231] (ср. похожую ситуацию с конвербами в тюркских языках [Johanson 1995: 319]).

(37) *ek* *din* [***bʰāg-kar***]
один день(м).SG.DIR бегать-CVB

šādī *kar* *lī*
свадьба(F).SG.DIR делать брать.PST.SG.F
‘…однажды (они) сбежали и поженились’ [HNCLCC: www.patrika.com, collected on 29/04/2011].

(38) *savitā* *ɔr* *bīnā* *ne* *gurg̃āv* ***b^{h}āg-kar***
С.(F).OBL и Б.(F).OBL ERG Г. бегать-CVB
āĩ̃ *tat^{h}a* *zilā$_{1}$ adālat$_{2}$*
приходить.PST.PL.F а_также окружной суд$_{1,2}$(F).SG.OBL
mẽ *ek* *arzī* *dī*
в один прошение(F).SG.DIR давать.PST.SG.F
‘Савита и Бина сбежали в Гургаон и подали заявление в окружной суд’ [HNCLCC: news.google.com, collected on 30/07/2011].

Употребление конверба в примере (37) приблизительно соответствует тому, что в других языках Азии описывается как «нарративные» или сочинительные функции конвербов, называя последовательные действия, совершаемые субъектом (‘убежать’ и ‘пожениться’). Однако нужно отметить, что длинные нарративные цепочки (больше двух-трех глаголов) для современного хинди скорее нехарактерны [Montaut 2006: 183]. Кроме того, по крайней мере в современном литературном хинди конверб редко используется в стратегиях типа *tail-head linkage* и *summary-head linkage*, где в начале новой цепочки клауз повторяется форма предиката, завершавшего предыдущую цепочку, или используется форма, резюмирующая ее содержание (см. [Thompson et al. 1985: 271–274]). Таким образом, конверб хинди даже в этих употреблениях нельзя назвать каноническим нарративным.

Употребление в примере (38), напротив, представляет собой «узкое» подчинение, где конверб и матричный глагол означают не отдельные ситуации, а способ действия (‘бежать + приходить’ ~ ‘прибежать’, ‘сбежать куда-то’) — в таких конструкциях конверб, по-видимому, не образует отдельную клаузу, что сближает такие конструкции с инкорпорацией. По-видимому, именно подобные сочетания с узко-адвербиальной связью в ходе грамматикализации образовали целый класс предельных/интенсивных предикатов хинди — например *gir paṛnā* в примере (15) ‘упасть, свалиться’ (букв. «упав выпадать», см. сноску 15), а также некоторые временны́е и базовые модальные конструкции хинди. Встречаются и различные

промежуточные типы употреблений, образующие функциональный континуум.

Вместе с тем перфективирующий характер конверба в сочетании с предельными процессами дает наиболее частотную интерпретацию предшествующего действия, что, вероятно, отразилось на функциональности этой формы и ее сближении с другими конструкциями с семантикой предшествования, благодаря чему становятся возможны употребления типа (39)–(40) (см. ниже), где конвербные клаузы выражают последовательно происходящие события.

Вероятно, в действительности различные функционально-семантические употребления обладают и различными синтаксическими свойствами — это проявляется, в частности, в том, что конвербы не всегда могут быть сочинены с другими редуцированными формами и конструкциями. Ограниченные варианты сочинения конверба и причастий были описаны в разделе 2.3. Среди исследованных конструкций встречаются единичные примеры с инфинитивными временными клаузами (39)–(40), но не с теми, которые выражают причину/источник (41). Также неестественными признаются конъюнкты с «небазовыми» причастными конструкциями (42).

(39) *āščarya* *hot-ā* *hɛ* [*yah*
удивление(м).sg.dir быть.ipfv-sg.m prs.3sg этот.dir
jān-kar] ***ɔr*** [***samajʰn-e*** ***par***] *ki*
знать-cvb и понимать.inf-obl на comp
‘Удивляешься, когда узнаешь это и понимаешь, что…’
[https://janmanchnews.com/uttar-pradesh-woman-journalist-seeks-help-from-cm-yogi-adityanath-due-to-our-security-hindi-news.html].

(40) [*nirdešõ* *ko* ***sun-kar***] ***ɔr***
приказ(м).pl.obl obj слышать-cvb и
[***samajʰn-e*** ***ke***$_1$ ***bād***$_2$]
понимать.inf-obl после$_{1,2}$
mɛ̃ *āge* *baṛʰ* *gay-ā*
я.dir вперед расти уходить.pst-sg.m
‘Выслушав приказы и осознав (их), я продвинулся вперед’
[https://hi.chalized.com/एएफबीएमटी-में-पसंदीदा/].

(41) ???[*nay-ā* *kɛmrā* ***xarīd-kar***] ***ɔr***
новый-SG.M.DIR фотоаппарат(М).SG.DIR покупать-CVB и
[g^h*ar* ***lān-e*** ***se***] *vah*
дом(М).SG.OBL приносить.INF-OBL от тот.DIR
bahut *xuš* *hu-ā*
очень счастливый.SG.M.DIR быть.PST-SG.M
Ожид.: ‘Купив новый фотоаппарат и принеся его домой, он был очень счастлив’ [элицитация].

(42) ???[*bāzār* ***āt-e*** ***hī***]
рынок(М).SG.DIR приходить.PTCP.IPFV-SG.M.OBL RESTR
ɔr [*dost* *ko* ***dek^h-kar***] *vah* *us*
и друг(М).SG.OBL OBJ смотреть-CVB тот.DIR тот.OBL
se *bātẽ* *karn-e* *lag-ā*
от слово(F).PL.DIR делать.INF-OBL прикладываться.PST-SG.M
Ожид.: ‘Как только он пришел на рынок и увидел друга, он завел с ним разговор’ (букв. «только придя… и увидев») [элицитация].

Кроме проанализированных в разделах 2.3–2.4 морфосинтаксических свойств, все эти конструкции отличаются от конвербной еще и эксплицитным выражением семантического соотношения двух клауз (временно́го, причинного и т. д.) и несомненно адвербиальной функцией в предложении. Вероятно, именно это влияет и на синтаксическое поведение конверба в конкретных употреблениях, в частности на ограниченную сочетаемость с другими адвербиальными выражениями.

Семантическая гибкость конверба отражается и на других синтаксических свойствах, в частности на (не)выражении общих участников в высказывании: так, при узко-адвербиальном употреблении общие участники могут быть выражены всего один раз [Mohanan 1994: 130]. В примере (43а) конверб непосредственно примыкает к предикату, а общий участник-объект выражен только один раз: при конвербе, образуя таким образом нечто вроде союза клауз [Noonan 2007: 83]. Однако это лишь тенденция, а не грамматическое ограничение: при необходимости ситуация с идентичными условиями истинности может быть представлена двумя более независимыми друг от друга клаузами: без соположения и со всеми выраженными участниками (43б).

(43) а. *sibbal* *ne* *fesbuk* *kā* *ek*
С.(м).SG.OBL ERG Ф.(м).SG.OBL ADJZ.SG.M.DIR ОДИН
pej ***k^{h}ol-kar*** *dik^{h}āy-ā*
веб-страница(м).SG.DIR открывать-CVB показывать.PST-SG.M
‘Сиббал открыл и показал одну веб-страницу на сайте Facebook’ (букв. «открыв») [HNCLCC: www.patrika.com, collected on 06/12/2011].

б. ^{ok}*sibbal* *ne* [*fesbuk* *kā* *ek*
С.(м).SG.OBL ERG Ф.(м).SG.OBL ADJZ.SG.M.DIR ОДИН
pej ***k^{h}ol-kar***]
веб-страница(м).SG.DIR открывать-CVB
use *dostõ* *ko* *dik^{h}āy-ā*
тот.OBJ друг(м).PL.OBL OBJ показывать.PST-SG.M
‘Сиббал, открыв одну веб-страницу на сайте Facebook, показал ее друзьям’ [элицитация].

Финитная подчинительная стратегия — так же как и инфинитивная — позволяет говорящему сделать фокус на самой смысловой связи между клаузами, т. е. на временно́м отношении. При этом в сочинительной финитной стратегии проявляются те же свойства, что характерны для финитной подчинительной и инфинитивной, но в еще большей степени: полноценное выражение аспектуально-временных форм и собственного субъекта коррелирует с более самостоятельным дискурсивным статусом сочиненных клауз[27]. Еще одним свидетельством этому служит употребление в финитных конструкциях предельных/интенсивных предикатов. Известно, что в хинди подобные предикаты часто имеют оценочный эмфатический оттенок значения и тяготеют к ассертивной позиции: они не встречаются в альтернативном вопросе, в фазовых и модальных конструкциях, а также с отрицанием [Montaut 2016a]. Из рассмотренных конструкций сложноглагольные предикаты встречаются в основном в финитных конструкциях и, реже, в инфинитивных [Montaut 2016a].

При этом различные стратегии, разумеется, в тексте могут сочетаться. Рассмотрим пример (44), где представлена коррелятивная

[27] Ситуации можно считать сочиненными с точки зрения семантики, если они не интерпретируются относительно друг друга, т. е. могут быть независимыми ассерциями [Mauri 2008: 41; Cristofaro 2003].

полипредикативная структура, обе клаузы которой в начале вводят субъект-тему (‘я’, ‘москиты’). В каждую из финитных клауз вложены еще конвербные, продолжающие и развивающие тему, связанную с субъектом. В первой клаузе с союзом *jab* употребление конверба не образует семантическое единство с предикатом, но все-таки представляется узко-адвербиальным, что подверждается его позицией прямо перед предикатом и отсутствием выражения каких-либо участников конвербной клаузы: обстоятельство времени обобщено с финитной клаузой, а объект просто подразумевается и эксплицитно не выражен. В клаузе, начинающейся с союза *to*, конверб однозначно образует собственную клаузу, но выражает естественное, связанное с последующим действие, выполняемое тем же субъектом (москиты не могут присосаться к человеку на лету, не сев на тело).

(44) [*mɛ̃* ***jab*** *rāt* *ko* [***pī-kar***]
я когда ночь(F).SG.OBL OBJ пить-CVB
jāt-ā *hũ*] ***to*** [*macc*^{h}*ar*
уходить.PTCP.IPFV-SG.M PRS.1SG то москит(M).PL.DIR
[*mer-e* *šarīr* *par* ***bɛt***^{h}***-kar***]
мой-SG.M.OBL тело(M).SG.OBL на садиться-CVB
šarāb *pīn-e*
алкоголь(M).SG.DIR пить.INF-OBL
lagt-e *hɛ̃*]
прикладываться.IPFV-PL.M PRS.3PL
‘Когда я поздно вечером иду куда-нибудь выпивши, москиты садятся на мое тело и начинают пьянствовать’ [HNCLCC: news.google.com, collectedon 27/05/2011].

Использование конверба предполагает особенное соотношение и «естественную связь» двух ситуаций в дискурсе: это могут быть последовательные стадии некоторого единого процесса, естественное следствие некоторой ситуации, способ или образ действия ([Masica 1976: 109], см. также [Lindholm 1975; Berntsen, Nimbkar 1982: 244] для конвербов в других языках Индии). Между ситуациями возникает связь, напоминающая причинно-следственную или временную (адвербиальную), однако это всего лишь апостериорная интерпретация. Конвербная клауза не выражает собственно временное

или собственно причинное значение, что, опять же, подтверждалось затрудненностью сочинения таких клауз с инфинитивными.

Еще одним подтверждением особой функциональности конверба может служить затрудненное отрицание этой формы: сочетание конверба с базовым отрицательным показателем дает не вполне композициональное значение замещения [Kachru 2006: 233] — см. пример (45), где сочетание отрицательной частицы и конверба от глагола ‘ехать’ имеет значение замещения «вместо того чтобы поехать».

(45) *mumbaī* *kā* *bījā* *hon-e*
М. ADJZ.SG.M.DIR зерно(м).SG.DIR быть.INF-OBL
ke$_1$ *bād*$_2$ *b*^{h}*ī* *vah* [*mumbaī* ***na***
после$_{1,2}$ ADD тот.DIR М. NEG
jā-kar] *dillī* *ā* *gay-ā*
уходить-CVB Д. приходить уходить.PST-SG.M
‘Хотя он и был уроженцем Мумбая, вместо того чтобы поехать в Мумбай (букв. «не поехав»), он приехал в Дели’ [HNCLCC: feedproxy.google.com, collected on 11/08/2011].

В качестве нейтрального способа выражения отсутствия сопровождающей ситуации используется другая конструкция с каритивным маркером и причастием [Забелина 2023] или отрицание выражается при матричном предикате [Montaut 2006: 185] (что типологически известно как NEG-*transport*, или подъем отрицания [Horn 1978]).

Таким образом, использование конверба демонстрирует наличие определенного отношения связности между ситуациями (*coherence relation* [Sanders, Noordman 2000]), но не специфицирует это отношение. С точки зрения дискурса нефинитные стратегии чаще всего обозначают фоновые действия, а не события основной линии повествования. Конверб хинди, несмотря на наличие «нарративных» употреблений, также в общем случае не используется для выражения ключевых событий сюжета — его можно сопоставить скорее с постпозитивными адвербиальными клаузами в языках с порядком SVO, основная функция которых состоит в том, чтобы сохранять непрерывность линии, связанной с субъектом/темой, а не продвигать повествование [Thompson et al. 1985: 296].

4. Заключение

Рассмотренный в работе конверб — одно из центральных средств связи клауз в хинди. Конверб проявляет наибольшую из всех стратегий функциональную гибкость, присоединяясь к главной клаузе на разных уровнях, в отличие от клауз с причастиями/инфинитивами. Семантически он является контекстным в терминах [Nedjalkov 1995: 106–110], однако имеет употребления, которые можно интерпретировать как нарративные. Кроме того, эта форма не имеет ограничений на акциональный класс предиката, в отличие от базовых причастных конструкций и причастной конструкции непосредственного предшествования. При этом наиболее частотная интерпретация конверба как формы, выражающей предшествование, порождается сочетанием предикатов со значением предельного процесса и перфективирующего компонента грамматической семантики конверба. Такое направление развития семантики, от инструментальной модификации к предшествованию, постулируют и для конверба в санскрите [Renou 1961; Minard 1936], и собственно в хинди [Montaut 2006: 190–191].

Единственным ограничением на фоне прочих параметров выступает его ориентация на субъект: в отличие от инфинитивных конструкций и конструкции непосредственного предшествования, конверб не позволяет выражение собственного (дискурсивно выделенного) субъекта, поскольку ориентирован на прагматический субъект главной клаузы. Это объясняется его дискурсивной функцией: конвербные клаузы преимущественно выражают такие ситуации, которые естественным для говорящего образом связаны с последующей, объединяя их в некоторый фрейм.

«Субъектная ориентация» конверба, а также его особый иллокутивный статус, выражающийся, к примеру, в некомпозициональном отрицании, отличают его от финитных стратегий связи клауз, имплицирующих более независимый характер ситуаций, отдельные ассерции. Использование обстоятельственных финитных стратегий предполагает осмысление ситуаций как самостоятельных и относительно независимых друг от друга, а финитное сочинение, в особенности бессоюзное, и вовсе представляет события как отдельные ассерции. Использование конверба имплицирует, что говорящий представляет излагаемую последовательность событий

как естественную, ожидаемую, что может служить дополнительным механизмом увеличения когерентности текста.

Таким образом, конверб действительно занимает особую роль в сложной системе связи клауз хинди, которую сложно описать, не обращаясь к его функционально-дискурсивным свойствам.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ADD — аддитивная частица; ADJZ — формант-адъективатор; COMP — комплементайзер; CVB — конверб; DIR — прямой падеж; DUR — дуратив; EMPH — эмфаза; ERG — эргатив (транзитивный субъект); F — женский род; FUT — будущее время; INF — инфинитив; IPFV — несовершенный вид; M — мужской род; NEG — отрицание; OBJ — объект; OBL — косвенный падеж; PFV — совершенный вид; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; RESTR — рестриктивная частица; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число.

Литература

Беляев 2011 — О. И. Беляев. Сочинение и подчинение в ицаринском, кункинском и аштинском диалектах даргинского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2011. Т. VII. № 3. С. 13–20.

Дащенко 2007 — Г. М. Дащенко. Грамматический аспект перевода с урду / хинди на русский язык. М.: Издатель Степаненко, 2007.

Дымшиц 1971 — З. М. Дымшиц. Синтаксические функции усложненных причастий в языке хинди // Ю. В. Рождественский (отв. ред.). Восточная филология. Характерологические исследования. М.: Наука, 1971. С. 21–48.

Забелина 2023 — Е. А. Забелина. О формировании каритивной конструкции хинди с адлогом *binā* ‘без’ // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXVII (I) (чтения памяти профессора И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 26–28 июня 2023 г. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 456–473.

Захарьин 2008 — Б. А. Захарьин. Теоретическая грамматика языков хинди и урду: Фонология, морфология глагола, синтаксис главных членов предложения. М.: ЛКИ, 2008.

Зограф и др. 2011 — Г. А. Зограф, Т. И. Оранская, Л. И. Куликов, П. Пандей. Новые индоарийские языки // Т. И. Оранская, Ю. В. Мазурова, А. А. Кибрик, Л. И. Куликов, А. Ю. Русаков (ред.). Языки мира: Новые индоарийские языки. М.: Academia, 2011. С. 14–46.

Зограф, Оранская 2011 — Г. А. Зограф, Т. И. Оранская. Хинди язык // Т. И. Оранская, Ю. В. Мазурова, А. А. Кибрик, Л. И. Куликов, А. Ю. Русаков (ред.). Языки мира: Новые индоарийские языки. М.: Academia, 2011. С. 47–104.

Кибрик 2008 — А. А. Кибрик. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка) // В. А. Плунгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 131–166.

Костина 2018 — Е. А. Костина. Теоретическая грамматика языка хинди: морфология знаменательных частей речи. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018.

Липеровский 1984 — В. П. Липеровский. Глагол в языке хинди. М.: Наука, 1984.

Плунгян 2012 — В. А. Плунгян. Предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2012. Т. VIII. № 2. С. 7–42.

Рудницкая 1997 — Е. Л. Рудницкая. Проблема алтайского сочинения в корейском языке // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 89–99.

Тестелец 1999 — Я. Г. Тестелец. Порядок слов и структура составляющих // А. Е. Кибрик (ред.-сост.), Я. Г. Тестелец (соред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. С. 293–346.

Abbi 1980 — A. Abbi. Semantic grammar of Hindi: A study in reduplication. New Delhi: Bahri, 1980.

Belyaev 2015 — O. Belyaev. Systematic mismatches: Coordination and subordination at three levels of grammar // Journal of Linguistics. 2015. Vol. 51. Iss. 2. P. 267–326. DOI: 10.1017/S0022226714000450.

Berntsen, Nimbkar 1982 — M. Berntsen, J. Nimbkar. Marathi structural patterns. Book One. New Delhi: American Institute of Indian Studies, 1982.

Bhatt 2010 — S. K. Bhatt. Aspectuality in Hindi: the two pairs of aspects // Linguistica Brunensia. 2010. Vol. 58. Iss. 1–2. P. 121–133.

Bickel 1998 — B. Bickel. Converbs in cross-linguistic perspective. [Review article of Haspelmath and König, eds., Converbs in cross-linguistic perspective: structure and meaning of adverbial verb forms – adverbial participles, gerunds, Berlin: Mouton de Gruyter 1995] // Linguistic Typology. 1998. Vol. 2. P. 381–397.

Bubeník 1996 — V. Bubeník. The structure and development of Middle Indo-Aryan dialects. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 1996.

Chafe 1988 — W. Chafe. Linking intonation units in spoken English // J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). Clause combining in grammar and discourse. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1988. P. 1–28.

Coupe 2006 — A. R. Coupe. Converbs // K. Brown (ed.). Encyclopedia of language & linguistics. Vol. 3. 2nd edition. Oxford: Elsevier, 2006. P. 145–152. DOI:10.1016/B0-08-044854-2/00183-8.

Cristofaro 2003 — S. Cristofaro. Subordination. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Cristofaro 2007 — S. Cristofaro. Deconstructing categories: Finiteness in a functional-typological perspective // I. Nikolaeva (ed.). Finiteness: Theoretical and empirical foundations. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 91–114. DOI: https://doi.org/10.1093/oso/9780199213733.003.0004.

Dayal 2003 — V. Dayal. Bare nominals: Non-specific and contrastive readings under scrambling // S. Karimi (ed.). Word order and scrambling. Oxford: Blackwell, 2003. P. 67–90. DOI: https://doi.org/10.1002/9780470758403.ch4.

Davison 1986 — A. Davison. Hindi *-kar*: The problem of multiple syntactic interpretation // Bh. Krishnamurthi, C. P. Masica, A. K. Sinha (eds.). South Asian languages: Structure, convergence and diglossia. Delhi: Mothilal Banarsidass Publishers, 1986. P. 1–14.

Genetti 2005 — C. Genetti. The participial construction of Dolakhā Newar: Syntactic implications of an Asian converb // Studies in Language. 2005. Vol. 29. Iss. 1. P. 35–87. DOI: https://doi.org/10.1075/sl.29.1.03gen.

Haq 1936 — A. Haq. Qavāid-e urdū. Aurangabād: Anjuman Taraqqi Urdu Aurangabad (Deccan), 1936.

Haspelmath 2024 — M. Haspelmath. Where I went wrong (II): Converbs are not "non-finite verbal adverbs" // Diversity Linguistics Comment (электронный ресурс). 31.05.2024. URL: https://dlc.hypotheses.org/3503 (дата обращения 08.02.2025).

Hock 2016 — H. H. Hock. Structural features and geographical evidence // H. H. Hock, E. Bashir (eds.). The languages and linguistics of South Asia: A comprehensive guide. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2016. P. 256–259.

Hook 1974 — P. E. Hook. The compound verb in Hindi. Ann Arbor: Center for South and Southeast Asian Studies; University of Michigan, 1974.

Horn 1978 — L. R. Horn. Remarks on neg-raising // P. Cole (ed.). Syntax and semantics. Vol. 9: Pragmatics. New York: Academic Press, 1978. P. 129–220. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004368873_007.

Johanson 1995 — L. Johanson. On Turkic converb clauses // M. Haspelmath, E. König (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 313–348. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110884463-010.

Kachru 2006 — Y. Kachru. Hindi. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006.

Kazenin, Testelets 2004 — K. I. Kazenin, Ya. G. Testelets. Where coordination meets subordination: Converb constructions in Tsakhur (Daghestanian) // M. Haspelmath (ed.). Coordinating constructions. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 227–239. DOI: https://doi.org/10.1075/tsl.58.13kaz.

Lindholm 1975 — J. M. Lindholm. The conceptual basis of the Tamil adverbial participle. Ph.D. dissertation. Chicago: University of Chicago, 1975.

Masica 1976 — C. P. Masica. Defining a linguistic area: South Asia. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1976.

Masica 1991 — C. P. Masica. The Indo-Aryan languages. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Mauri 2008 — C. Mauri. Coordination relations in the languages of Europe and beyond. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008.

Minard 1936 — A. Minard. La subordination dans la prose védique. Paris: Les Belles Lettres, 1936.

Mohanan 1994 — T. Mohanan. Argument structure in Hindi. Stanford: CSLI Publications, 1994.

Montaut 2006 — A. Montaut. Le morphème *-kar* en hindi/ourdou moderne : coordinateur ou subordonnant ? // Faits de Langues. 2006. Vol. 28. Iss. 1. P. 181–191. DOI: https://doi.org/10.1163/19589514-028-01-900000017.

Montaut 2013 — A. Montaut. De l'anaphore à la corrélation, en passant par la subordination en hindi moderne // O. Inkova, P. Hadermann (éds.). La corrélation : Aspects syntaxiques et sémantiques. Genève: Droz, 2013. P. 193–207.

Montaut 2016a — A. Montaut. The verbal form -(*y*)*ā* in Hindi/Urdu: An aorist with "aoristic" meanings // Z. Guentchéva (ed.). Aspectuality and temporality: Descriptive and theoretical issues. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. P. 413–446. DOI: https://doi.org/10.1075/slcs.172.13mon.

Montaut 2016b — A. Montaut. The discourse particle *to* and word ordering in Hindi: From grammar to discourse // M. M. Jocelyne Fernandez-Vest, R. D. Van Valin, Jr. (eds.). Information structuring of spoken language from a cross-linguistic perspective. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2016. P. 256–284. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110368758-013.

Montaut 2017 — A. Montaut. Grammaticalization of participles and gerunds in Indo-Aryan: Preterite, future, infinitive // W. Bisang, A. Malchukov (eds.). Unity and diversity in grammaticalization scenarios. Berlin: Language Science Press, 2017. P. 97–136. DOI: 10.5281/zenodo.823240.

Nedjalkov 1995 — V. P. Nedjalkov. Some typological parameters of converbs // M. Haspelmath, E. König (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 97–136. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110884463-005.

Nedjalkov 1998 — I. V. Nedjalkov. Converbs in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). Adverbial constructions in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 421–456. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110802610.421.

Nespital 1997 — H. Nespital. Hindī kriyā koś. Dictionary of Hindi verbs. Allahabad: Lokhbarati, 1997.

Noonan 2007 — M. Noonan. Complementation // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. 2: Complex Constructions. Cambridge:

Cambridge University Press, 2007. P. 52–150. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511619434.002.

Pořízka 1967–1969 — V. Pořízka. On the perfective verbal aspect in Hindi // Archiv Orientální. 1967. Vol. 35. P. 64–88, 208–231. 1968. Vol. 36. P. 233–251. 1969. Vol. 37. P. 19–47, 345–364.

Pořízka 2000 — V. Pořízka. Opera minora. Studies in the Bhagavadgītā and New Indo-Aryan Languages. J. Strnad (ed.). Prague: Oriental Institute, Academy of Sciences of the Czech Republic, 2000.

Renou 1961 — L. Renou. Grammaire Sanscrite. Paris: Maisonneuve, 1961.

Sanders, Noordman 2000 — T. J. M. Sanders, L. G. M. Noordman. The role of coherence relations and their linguistic markers in text processing // Discourse Processes. 2000. Vol. 29. Iss. 1. P. 37–60. DOI: https://doi.org/10.1207/S15326950dp2901_3.

Shapiro 2003 — M. C. Shapiro. Hindi // J. Cardona, Dh. Jain (eds.). The Indo-Aryan languages. London; New York: Routledge, 2003. P. 250–285.

Strnad 2013 — J. Strnad. Morphology and syntax of Old Hindī: Edition and analysis of one hundred Kabīr vāṇī poems from Rājasthān. Leiden: Brill, 2013.

Thompson et al. 1985 — S. A. Thompson, R. E. Longacre, Sh. Ja J. Hwang. Adverbial clauses // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. 2: Complex constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 237–300. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511619434.005.

Treis, Vanhove 2024 — Y. Treis, M. Vanhove. Converb constructions and clause chaining in Cushitic // H. S. Sarvasy, A. Y. Aikhenvald (eds.). Clause chaining in the languages of the world. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 762–797. DOI: https://doi.org/10.1093/oso/9780198870319.003.0028.

van der Auwera 1998 — J. van der Auwera. Defining converbs // L. Kulikov, H. Vater (eds.). Typology of verbal categories: Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday. Berlin; Boston: Max Niemeyer Verlag, 1998. P. 273–282.

Verma 1934 — Bh. Verma. Čitralekhā [Chitralekha]. Delhi: Rājkamal Prakāšan, 1934.

Zúñiga 1998 — F. Zúñiga. Nomina sunt odiosa: A critique of the converb as a cross-linguistically valid category. Manuscript, 1998. Zurich: University of Zurich, 1998.

Источники

HNCLCC — Hindi News Corpus Leipzig Corpora Collection: Hindi news corpus based on material from 2011. Leipzig Corpora Collection. Dataset (электронный ресурс). URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de?corpusId=hin_news_2011 (дата обращения 08.02.2025).

EHW — EMILLE Hindi Webnews corpus. The EMILLE project. Lancaster University (электронный ресурс). URL: https://cqpweb.lancs.ac.uk/emillehinwbnws/ (дата обращения 08.02.2025).

References

Abbi 1980 — A. Abbi. *Semantic grammar of Hindi: A study in reduplication*. New Delhi: Bahri, 1980.

Belyaev 2011 — O. I. Belyaev. Sochineniye i podchineniye v itsarinskom, kunkinskom i ashtinskom dialektakh darginskogo yazyka [Coordination and subordination in the Icari, Kunki, and Ashti dialects of Dargwa]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2011. Vol. VII. Pt. 3. P. 13–20.

Belyaev 2015 — O. Belyaev. Systematic mismatches: Coordination and subordination at three levels of grammar. *Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 51. Iss. 2. P. 267–326. DOI: 10.1017/S0022226714000450.

Berntsen, Nimbkar 1982 — M. Berntsen, J. Nimbkar. *Marathi structural patterns*. Book One. New Delhi: American Institute of Indian Studies, 1982.

Bhatt 2010 — S. K. Bhatt. Aspectuality in Hindi: the two pairs of aspects. *Linguistica Brunensia*. 2010. Vol. 58. Iss. 1–2. P. 121–133.

Bickel 1998 — B. Bickel. Converbs in cross-linguistic perspective. [Review article of Haspelmath and König, eds., Converbs in cross-linguistic perspective: structure and meaning of adverbial verb forms – adverbial participles, gerunds, Berlin: Mouton de Gruyter 1995]. *Linguistic Typology*. 1998. Vol. 2. P. 381–397.

Bubeník 1996 — V. Bubeník. *The structure and development of Middle Indo-Aryan dialects*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 1996.

Chafe 1988 — W. Chafe. Linking intonation units in spoken English. J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1988. P. 1–28.

Coupe 2006 — A. R. Coupe. Converbs. K. Brown (ed.). *Encyclopedia of language & linguistics*. Vol. 3. 2nd edition. Oxford: Elsevier, 2006. P. 145–152. DOI: 10.1016/B0-08-044854-2/00183-8.

Cristofaro 2003 — S. Cristofaro. *Subordination*. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Cristofaro 2007 — S. Cristofaro. Deconstructing categories: Finiteness in a functional-typological perspective. I. Nikolaeva (ed.). *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 91–114. DOI: https://doi.org/10.1093/oso/9780199213733.003.0004.

Dashchenko 2007 — G. M. Dashchenko. *Grammaticheskiy aspekt perevoda s urdu/khindi na russkiy yazyk* [A grammatical aspect of Hindi/Urdu–Russian translation]. Moscow: Publisher Stepanenko, 2007.

Davison 1986 — A. Davison. Hindi *-kar*: The problem of multiple syntactic interpretation. Bh. Krishnamurthi, C. P. Masica, A. K. Sinha (eds.). *South Asian languages: Structure, convergence and diglossia*. Delhi: Mothilal Banarsidass Publishers, 1986. P. 1–14.

Dayal 2003 — V. Dayal. Bare nominals: Non-specific and contrastive readings under scrambling. S. Karimi (ed.). *Word order and scrambling*. Oxford: Blackwell, 2003. P. 67–90. DOI: https://doi.org/10.1002/9780470758403.ch4.

Dymshits 1971 — Z. M. Dymshits. Sintaksicheskiye funktsii uslozhnennykh prichastiy v yazyke khindi [Syntactic functions of complex participles in Hindi]. Yu. V. Rozhdestvenskiy (ed.). *Vostochnaya filologiya. Kharakterologicheskiye issledovaniya* [Eastern philology. Characterological studies]. Moscow: Nauka, 1971. P. 21–48.

Genetti 2005 — C. Genetti. The participial construction of Dolakhā Newar: Syntactic implications of an Asian converb. *Studies in Language*. 2005. Vol. 29. Iss. 1. P. 35–87. DOI: https://doi.org/10.1075/sl.29.1.03gen.

Haq 1936 — A. Haq. *Qavāid-e urdū*. Aurangabād: Anjuman Taraqqi Urdu Aurangabad (Deccan), 1936.

Haspelmath 2024 — M. Haspelmath. Where I went wrong (II): Converbs are not "non-finite verbal adverbs". *Diversity Linguistics Comment*. 31.05.2024. Available at: https://dlc.hypotheses.org/3503 (accessed on 08.02.2025).

Hock 2016 — H. H. Hock. Structural features and geographical evidence. H. H. Hock, E. Bashir (eds.). *The languages and linguistics of South Asia: A comprehensive guide*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2016. P. 256–259.

Hook 1974 — P. E. Hook. *The compound verb in Hindi*. Ann Arbor: Center for South and Southeast Asian Studies; University of Michigan, 1974.

Horn 1978 — L. R. Horn. Remarks on neg-raising. P. Cole (ed.). *Syntax and semantics*. Vol. 9: *Pragmatics*. New York: Academic Press, 1978. P. 129–220. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004368873_007.

Johanson 1995 — L. Johanson. On Turkic converb clauses. M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 313–348. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110884463-010.

Kachru 2006 — Y. Kachru. *Hindi*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006.

Kazenin, Testelets 2004 — K. I. Kazenin, Ya. G. Testelets. Where coordination meets subordination: Converb constructions in Tsakhur (Daghestanian). M. Haspelmath (ed.). *Coordinating constructions*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 227–239. DOI: https://doi.org/10.1075/tsl.58.13kaz.

Kibrik 2008 — A. A. Kibrik. Finitnost i diskursivnaya funktsiya klauzy (na primere karachayevo-balkarskogo yazyka) [Finiteness and discourse functions of the clause: A case study of Balkar]. V. A. Plungian, V. Yu. Gusev, A. Yu. Urmanchieva (eds.). *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 4: Grammaticheskiye kategorii v diskurse* [Studies in grammar theory. Iss. 4: Grammatical categories in discourse]. Moscow: Gnozis, 2008. P. 131–166.

Kostina 2018 — E. A. Kostina. *Teoreticheskaya grammatika yazyka khindi: morfologiya znamenatelnykh chastey rechi* [A theoretical grammar of Hindi: Morphology of word classes]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press, 2018.

Lindholm 1975 — J. M. Lindholm. *The conceptual basis of the Tamil adverbial participle*. Ph.D. dissertation. Chicago: University of Chicago, 1975.

Liperovskiy 1984 — V. P. Liperovskiy. *Glagol v yazyke khindi* [The Hindi verb]. Moscow: Nauka, 1984.

Masica 1976 — C. P. Masica. *Defining a linguistic area: South Asia*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1976.

Masica 1991 — C. P. Masica. *The Indo-Aryan languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Mauri 2008 — C. Mauri. *Coordination relations in the languages of Europe and beyond*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008.

Minard 1936 — A. Minard. *La subordination dans la prose védique*. Paris: Les Belles Lettres, 1936.

Mohanan 1994 — T. Mohanan. *Argument structure in Hindi*. Stanford: CSLI Publications, 1994.

Montaut 2006 — A. Montaut. Le morphème *-kar* en hindi / ourdou moderne : coordinateur ou subordonnant ? *Faits de Langues*. 2006. Vol. 28. Iss. 1. P. 181–191. DOI: https://doi.org/10.1163/19589514-028-01-900000017.

Montaut 2013 — A. Montaut. De l'anaphore à la corrélation, en passant par la subordination en hindi moderne. O. Inkova, P. Hadermann (éds.). *La Corrélation : Aspects syntaxiques et sémantiques*. Genève: Droz, 2013. P. 193–207.

Montaut 2016a — A. Montaut. The verbal form *-(y)ā* in Hindi / Urdu: An aorist with "aoristic" meanings. Z. Guentchéva (ed.). *Aspectuality and temporality: Descriptive and theoretical issues*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. P. 413–446. DOI: https://doi.org/10.1075/slcs.172.13mon.

Montaut 2016b — A. Montaut. The discourse particle *to* and word ordering in Hindi: From grammar to discourse. M. M. Jocelyne Fernandez-Vest, R. D. Van Valin, Jr. (eds.). *Information structuring of spoken language from a cross-linguistic perspective*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2016. P. 256–284. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110368758-013.

Montaut 2017 — A. Montaut. Grammaticalization of participles and gerunds in Indo-Aryan: Preterite, future, infinitive. W. Bisang, A. Malchukov (eds.). *Unity and diversity in grammaticalization scenarios*. Berlin: Language Science Press, 2017. P. 97–136. DOI: 10.5281/zenodo.823240.

Nedjalkov 1995 — V. P. Nedjalkov. Some typological parameters of converbs. M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 97–136. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110884463-005.

Nedjalkov 1998 — I. V. Nedjalkov. Converbs in the languages of Europe. J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 421–456. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110802610.421.

Nespital 1997 — H. Nespital. *Hindī kriyā koś. Dictionary of Hindi verbs*. Allahabad: Lokhbarati, 1997.

Noonan 2007 — M. Noonan. Complementation. T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. 2: *Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 52–150. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511619434.002.

Plungian 2012 — V. A. Plungian. Predisloviye [A foreword]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2012. Vol. VIII. Pt. 2. P. 7–42.

Pořízka 1967–1969 — V. Pořízka. On the perfective verbal aspect in Hindi. *Archiv Orientální*. 1967. Vol. 35. P. 64–88, 208–231. 1968. Vol. 36. P. 233–251. 1969. Vol. 37. P. 19–47, 345–364.

Pořízka 2000 — V. Pořízka. *Opera minora. Studies in the Bhagavadgītā and New Indo-Aryan Languages*. J. Strnad (ed.). Prague: Oriental Institute, Academy of Sciences of the Czech Republic, 2000.

Renou 1961 — L. Renou. *Grammaire Sanscrite*. Paris: Maisonneuve, 1961.

Rudnitskaya 1997 — E. L. Rudnitskaya. Problema altayskogo sochineniya v koreyskom yazyke [Problems of Altaic coordination in the Korean language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1997. No. 6. P. 89–99.

Sanders, Noordman 2000 — T. J. M. Sanders, L. G. M. Noordman. The role of coherence relations and their linguistic markers in text processing. *Discourse Processes*. 2000. Vol. 29. Iss. 1. P. 37–60. DOI: https://doi.org/10.1207/S15326950dp2901_3.

Shapiro 2003 — M. C. Shapiro. Hindi. J. Cardona, Dh. Jain (eds.). *The Indo-Aryan languages*. London; New York: Routledge, 2003. P. 250–285.

Strnad 2013 — J. Strnad. *Morphology and syntax of Old Hindī: Edition and analysis of one hundred Kabīr vāṇī poems from Rājasthān*. Leiden: Brill, 2013.

Testelets 1999 — Ya. G. Testelets. Poryadok slov i struktura sostavlyayushchikh [Word order and constituent structure]. A. E. Kibrik, Ya. G. Testelets. *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Tsakhur in typological perspective]. Moscow: Nasledіye, 1999. P. 293–346.

Thompson et al. 1985 — S. A. Thompson, R. E. Longacre, Sh. Ja J. Hwang. Adverbial clauses. T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. 2: *Complex constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 237–300. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511619434.005.

Treis, Vanhove 2024 — Y. Treis, M. Vanhove. Converb constructions and clause chaining in Cushitic. H. S. Sarvasy, A. Y. Aikhenvald (eds.). *Clause chaining*

in the languages of the world. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 762–797. DOI: https://doi.org/10.1093/oso/9780198870319.003.0028.

van der Auwera 1998 — J. van der Auwera. Defining converbs. L. Kulikov, H. Vater (eds.). *Typology of verbal categories: Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Berlin; Boston: Max Niemeyer Verlag, 1998. P. 273–282.

Verma 1934 — Bh. Verma. *Čitralekhā* [Chitralekha]. Delhi: Rājkamal Prakāšan, 1934.

Zabelina 2023 — E. A. Zabelina. O formirovanii karitivnoy konstruktsii khindi s adlogom *binā* 'bez' [On the shaping of the Hindi caritive construction with the adposition *binā* 'without']. *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya XXVII (I) (chteniya pamyati professora I. M. Tronskogo). Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, prokhodivshey 26–28 iyunya 2023 g.* [Indo-European linguistics and classical philology XXVII (I). Proceedings of the 27th Conference in memory of professor Joseph M. Tronsky]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. P. 456–473.

Zakharin 2008 — B. A. Zakharin. *Teoreticheskaya grammatika yazykov khindi i urdu: Fonologiya, morfologiya glagola, sintaksis glavnykh chlenov predlozheniya* [A theoretical grammar of Hindi and Urdu: Phonology, verb morphology, syntax of main sentence parts]. Moscow: LKI, 2008.

Zograf et al. 2011 — G. A. Zograf, T. I. Oranskaya, L. I. Kulikov, P. Pandey. Novyye indoariyskiye yazyki [New Indo-Aryan languages]. T. I. Oranskaya, Yu. V. Mazurova, A. A. Kibrik, L. I. Kulikov, A. Yu. Rusakov (eds.). *Yazyki mira: Novyye indoariyskiye yazyki* [Languages of the world: New Indo-Aryan languages]. Moscow: Academia, 2011. P. 14–46.

Zograf, Oranskaya 2011 — G. A. Zograf, T. I. Oranskaya. Khindi yazyk [Hindi]. T. I. Oranskaya, Yu. V. Mazurova, A. A. Kibrik, L. I. Kulikov, A. Yu. Rusakov (eds.). *Yazyki mira: Novyye indoariyskiye yazyki* [Languages of the world: New Indo-Aryan languages]. Moscow: Academia, 2011. P. 47–104.

Zúñiga 1998 — F. Zúñiga. Nomina sunt odiosa: A critique of the converb as a cross-linguistically valid category. Manuscript. Zurich: University of Zurich, 1998.

Приложение 1.
Совместная встречаемость («сосед слева») формы *hue*[28] в HNCLCC

Appendix 1.
Co-occurrence (“left neighbor”) of the form *hue* in the HNCLCC corpus

Форма	Значение смыслового глагола	Аспект	Переходность	Оценка значимости[29]
karte hue[30]	делать	IPFV	переходный	266 599
dete hue	давать	ipfv	переходный	72 384
batāte hue	рассказывать	IPFV	переходный	24 848
lagāte hue	прикреплять	IPFV	переходный	21 461
rak^{h}te hue	класть, держать	IPFV	переходный	19 968
jatāte hue	выражать	ipfv	переходный	16 314
lete hue	брать	IPFV	переходный	14 435
uṭ^{h}āte hue	поднимать	IPFV	переходный	9 309
k^{h}elte hue	играть	IPFV	не/переходный	8 816
hote hue	быть	ipfv	непереходный	7 913
kahte hue	говорить, сказать	IPFV	переходный	7 342
dik^{h}āte hue	показывать	IPFV	переходный	6 809
sād^{h}te hue	достигать	IPFV	переходный	6 338
rahte hue	жить, оставаться	ipfv	непереходный	5 579

[28] Таблицу нельзя интерпретировать исключительно по отношению к адвербиальным употреблениям, поскольку отчасти эти коллокации отражают и омонимичное сочетание иных употреблений причастия.

[29] Оценка взята из корпуса HNCLCC. В качестве меры значимости там указано значение логарифмической функции правдоподобия (*log-likelihood ratio*), которая считается классическим показателем силы синтагматической связи между элементами коллокаций.

[30] Первые два глагола частотны в качестве «легких» глаголов.

Продолжение Приложения 1

Форма	Значение смыслового глагола	Аспект	Переходность	Оценка значимости[31]
ṭʰaharāte hue	останавливать	IPFV	переходный	5 203
bane hue	становиться	PFV	непереходный	5 097
bolte hue	разговаривать	IPFV	не / переходный	4 872
rakʰe hue	класть, держать	PFV	переходный	4 523
mānte hue	считать, верить, признавать	IPFV	переходный	4 111
banāte hue	делать, создавать	IPFV	переходный	3 672
sunāte hue	рассказывать	IPFV	переходный	3 386
lage hue	прикладываться	PFV	непереходный	3 101
baṛʰāte hue	увеличивать	IPFV	переходный	2 719
bace hue	спасаться; оставаться	PFV	непереходный	2 563
toṛte hue	ломать	IPFV	переходный	2 352
apnāte hue	заимствовать	IPFV	переходный	2 308
pʰāse hue	попадаться, застревать	PFV	непереходный	1 916
banāye hue	делать, создавать	PFV	переходный	1 749
karāte hue	каузатив от ‘делать’	IPFV	переходный	1 650
dohrāte hue	повторять	IPFV	переходный	1 615

[31] Оценка взята из корпуса HNCLCC. В качестве меры значимости там указано значение логарифмической функции правдоподобия (*log-likelihood ratio*), которая считается классическим показателем силы синтагматической связи между элементами коллокаций.

Окончание Приложения 1

Форма	Значение смыслового глагола	Аспект	Переходность	Оценка значимости[32]
juṛe hue	соединяться, связываться	PFV	непереходный	1 600
ub^{h}arte hue	выступать	IPFV	непереходный	1 373
b^{h}ãpte hue	узнавать, догадываться	ipfv	переходный	1 332
rote hue	плакать	IPFV	непереходный	1 327
ṭ^{h}ukrāte hue	отвергать	IPFV	переходный	1 216
ḍare hue	бояться, пугаться	PFV	непереходный	1 212
jūj^{h}te hue	сражаться	IPFV	непереходный	1 211
pahne hue	надевать, носить	PFV	переходный	1 163
c^{h}oṛte hue	бросать, оставлять	IPFV	переходный	1 153
ḍaṭe hue	стоять, оставаться на своем	PFV	непереходный	1 107
nakārte hue	отрицать	IPFV	переходный	1 089
ṭūṭe hue	ломаться	PFV	непереходный	1 067

[32] Оценка взята из корпуса HNCLCC. В качестве меры значимости там указано значение логарифмической функции правдоподобия (*log-likelihood ratio*), которая считается классическим показателем силы синтагматической связи между элементами коллокаций.

Приложение 2.
50 наиболее частотных конвербных формы из корпуса EMILLE Webnews Hindi (EWH)

Appendix 2.
The top 50 most frequent converb forms in the EMILLE Webnews Hindi corpus (EWH)

Форма	Значение смыслового глагола	Переходность	Частотность, ipm
lekar[33]	брать	переходный	770.9
hokar	быть	непереходный	178.3
milkar	соединяться, встречаться	непереходный	138.6
dekar	давать	переходный	136.9
cʰoṛkar	бросать, оставлять	переходный	93.6
banākar	делать, создавать	переходный	83.3
jākar	уходить	непереходный	81.6
ākar	приходить	непереходный	62.3
dekʰkar	смотреть	переходный	49.2
rakʰkar	класть, держать	переходный	48.7
mārkar	бить	переходный	46.6
lagākar	прикладывать	переходный	45.1
bajkar	звенеть	непереходный	44.9
jamkar	густеть, собираться	непереходный	43.8
baṛʰkar	расти, продвигаться	непереходный	37.3
milākar	смешивать	переходный	36.0
likʰkar	писать	переходный	32.7
kahkar	говорить, сказать	переходный	32.3
baṛʰākar	увеличивать	переходный	29.9

[33] Первые два конверба грамматикализованы как послелоги, так что частотность их употреблений может искажать данные о частотности формы.

Продолжение Приложения 2

Форма	Значение смыслового глагола	Переходность	Частотность, ipm
bankar	становиться	непереходный	29.7
uṭʰākar	поднимать	переходный	24.9
bɛṭʰkar	садиться	непереходный	24.1
kʰulkar	открываться	непереходный	23.2
rahkar	жить, оставаться	непереходный	22.8
pākar	получать	переходный	19.6
haṭākar	передвигать	переходный	19.2
karākar	каузатив от ‘делать’	переходный	18.9
pahũckar	достигать	переходный	17.7
bulākar	звать	переходный	17.5
lākar	приносить	переходный	17.1
bʰejkar	посылать	переходный	16.8
mānkar	считать, верить, признавать	переходный	16.4
gʰaṭākar	уменьшать	переходный	15.6
sunkar	слышать	переходный	14.6
toṛkar	ломать	переходный	13.0
joṛkar	соединять	переходный	12.9
gʰuskar	проникать	непереходный	12.7
calākar	управлять, вести	переходный	12.7
dikʰākar	показывать	переходный	12.6
jītkar	побеждать	переходный	12.5
kāṭkar	резать	переходный	12.1
badalkar	менять(ся)	не/переходный	11.2
gʰaṭkar	уменьшаться	непереходный	10.8
kʰokar	терять	переходный	10.7
batākar	рассказывать	переходный	10.4

Окончание Приложения 2

Форма	Значение смыслового глагола	Переходность	Частотность, ipm
jalkar	жечь, гореть	не/переходный	10.3
calkar	двигаться, идти	непереходный	9.6
nikālkar	доставать	переходный	9.6
uṭʰkar	подниматься	непереходный	9.2
haṭkar	отступать	непереходный	9.2

Получено/received 05.09.2024 *Принято/accepted 25.01.2025*

Реляционные свойства некоторых локативных имен в шугнанском языке: семантика и грамматикализация

Д. А. Новокшанов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия);
danovokshanov@edu.hse.ru; ORCID: 0009-0005-2935-4026

Аннотация. Статья освещает основные семантические и грамматические свойства локативных имен, претендующих на статус реляционных, в шугнанском языке. В ходе исследования были выделены морфосинтаксические критерии, позволяющие в определенных контекстах отличать реляционные имена от обычных имен благодаря их особым свойствам: неспособности принимать некоторые модификаторы, а также возможности опущения части конструкции. На основе критериев реляционные имена можно разделить на две основные группы по степени грамматикализации: демонстрирующие в определенных контекстах только декатегоризацию и те, которым свойственна также десемантизация.

Ключевые слова: грамматикализация, реляционные имена, шугнанский язык

Благодарности. Я искренне благодарю всех участников элицитации. Я особенно признателен Д. Рыжовой за неоценимую поддержку при подготовке данной статьи и благодарю рецензентов за ценные замечания. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Новокшанов Д. А. Реляционные свойства некоторых локативных имен в шугнанском языке: семантика и грамматикализация // Индоиранские языки. 2025. 1 (2). С. 61–81.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.2

© Д. А. Новокшанов, 2025

Relational properties of some locative nouns in Shughni: Semantics and grammaticalization

Dmitry A. Novokshanov

HSE University (Moscow, Russia); danovokshanov@edu.hse.ru;
ORCID: 0009-0005-2935-4026

Abstract. The article highlights the main semantic and grammatical properties of locative nouns claiming the status of relational nouns in Shughni (an Eastern Iranian language spoken in the Pamirs). Firstly, I identify the main nouns belonging to this category on the basis of available grammars and examples from D. Karamshoev's Shughni–Russian dictionary and the Shughni corpus. Then, I determine the semantic properties as well as morphosyntactic criteria that distinguish them from ordinary nouns, namely: 1) they cannot take plural inflection; 2) they cannot be modified by an adjective; 3) they cannot be modified by a demonstrative; 4) it is possible to omit other elements of the prepositional / postpositional construction with the noun in question, preserving its semantics. Based on these criteria, the relational nouns can be divided into two main groups depending on the degree of their grammaticalization: nouns that in certain contexts undergo only decategorization and those that in certain contexts also show desemanticization, fully assuming the function of expressing locative meaning.

Keywords: grammaticalization, relational names, Shughni

Acknowledgments. I sincerely thank all participants in the elicitation process. I am especially grateful to D. Ryzhova, whose support and guidance has been crucial for this research. I also extend my gratitude to the reviewers for their thoughtful feedback. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Novokshanov D. A. Relational properties of some locative nouns in Shughni: Semantics and grammaticalization. *Indo-Iranian languages*. 2025. 1 (2). P. 61–81.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.2

1. Введение

Настоящая статья посвящена особенностям грамматикализации пространственных имен в шугнанском языке. Традиционно в этом языке среди прочих классов выделяются имена и адлоги. Имена представлены существительными, прилагательными, наречиями и местоимениями, однако части речи мало отличаются по формальным признакам [Карамшоев 1963: 90], а иногда и вовсе по ним неразличимы, ввиду чего мы говорим об именах в общем смысле. Например, в (1) слово *kinorā* ‘сторона, край, берег’ является существительным, а в (2) выступает в функции модификатора при имени *odam* ‘человек’.

(1) *as* *x̌ac=and* *tar* *kinorā* *nax̌tūy-d*
EL вода=LOC EQ берег выходить-PST
‘(Он) из воды вышел на берег’ [Карамшоев 1991: 125].

(2) *wuz-um* *kinorā* *odam*
1SG-1SG посторонний человек
‘Я посторонний человек’ [Карамшоев 1991: 125].

Шугнанские адлоги, как простые, так и сложные, чаще всего состоящие из имени и простого адлога, на настоящий момент изучены недостаточно. Отдельные группы отыменных адлогов, т. е. использующихся в качестве адлогов имен, а также сложных предлогов и послелогов в шугнанском языке выделяет Д. Карамшоев в «Грамматике баджувского диалекта» [Карамшоев 1963]. Т. Бахтибеков в «Грамматикаи забони Шуғнонӣ» описывает некоторые сочетания предлогов с послелогами [Бахтибеков 1979]. В других описаниях шугнанского языка лишь отмечено наличие таких конструкций, но их список не приводится и их свойства не рассматриваются [Соколова 1967; Пахалина 1969; Edelman, Dodykhudoeva 2009; Parker 2023]. Д. Карамшоев отмечает, что сложные адлоги образуются сочетанием нескольких основных предлогов или послелогов со «знаменательными или служебными словами», т. е. отыменными адлогами, конкретизирующими абстрактное значение основного адлога.

Полная классификация адлогов в баджувском диалекте шугнанского языка приведена в Таблице 1 [Карамшоев 1963: 191–218]. В одинарных кавычках даны некоторые переводы или толкования из словаря Д. Карамшоева. В действительности каждый из представ-

ленных элементов обладает множеством значений. Для сложного предлога *az-zibo=yi* ‘EL-задний=EZ’, ввиду отсутствия в словаре этой формы, дан перевод одного из его вариантов *az zibo*, состоящего из простого предлога *az* ‘EL’ и имени *zibo* ‘задний’. Для предлога *par* ‘INS, с помощью’ и предлогов-приставок *či* ‘CONT1, на’ и *mi* ‘CONT2, в’ предложены более простые по сравнению с описаниями значений в словаре Д. Карамшоева русские переводы.

Таблица 1. Классификация адлогов в баджувском диалекте шугнанского языка по Д. Карамшоеву[1]

Table 1. Classification of adpositions in the Bajuwi dialect of Shughni by D. Karamshoev

Простые адлоги	
Простые предлоги	*tar* ‘в, до, к (горизонтально)’, *ar* ‘в, до, к (вниз)’, *pi* ‘в, до, к (вверх)’, *pis* ‘посредством’, *as* ‘от’, *par* ‘с помощью’, *to* ‘до’, *bar* ‘к (по направлению к поверхности земли или вверх в небо)’, *be* ‘без’
Предлоги-приставки[2]	*či* ‘на (с частями тела)’, *mi* ‘в (с частями тела)’
Предлоги, заимствованные из таджикского[3]	*ba* ‘к’, *dar* ‘в’, *daroyi* ‘для’, *baroyi* ‘для’, *iz baroyi* ‘для’
Простые послелоги	*=indīr* (*=ind*/*=and*) ‘в (местонахождение)’, *=ind*/*=and* ‘у’, *=ird*/*=ard* ‘по, на’, *=ti* (*=tīr*) ‘на’, *=ec* ‘до’, *=aven* ‘для, ради’, *=jāt* ‘из-за’, *=ji*(*d*) ‘при, у’, *=āj* ‘к’, *=jinow* ‘подобно’, *=miɣūnd* ‘вроде’, *=dastūr* ‘похожий’, *=soxt* ‘как’, *=qati* ‘с’, *=borā* ‘раз’, *-ji-* ‘у, в, на’, *=jid* (*=ja*/*=jad*) ‘у, в, на’

[1] В словаре Д. Карамшоева все сложные адлоги записаны через дефис, как представлено в таблице. Мы же далее придерживаемся такой стратегии для сложных послелогов с простыми предлогами, а простые послелоги записываем через знак ‘=’, так как считаем их энклитиками.

[2] Термин Д. Карамшоева. Выбор, вероятно, связан с тем, что носителями данные адлоги пишутся слитно со словом, к которому относятся.

[3] Такие предлоги чаще всего встречаются в кальках и заимствованных сочетаниях, но могут выполнять и иные функции.

Продолжение Таблицы 1

Сложные адлоги	
Сложные предлоги (заимствованные из таджикского языка)[4]	*ba-sar* ‘за’, *ba-dowi* ‘для’, *ba-rosti* ‘по отношению к’, *az-ziboyi* ‘сзади’, *dar/as-waryi* ‘вместо’, *az-ruyi* ‘на основании’, *az-dasti* ‘из-за’, *az-ǰāti* ‘из-за’
Сложные послелоги	*pi-kāl/tar-kāl* ‘UP/EQ-голова, над’, *pi-bīr/pi-bun* ‘UP-низ/UP-дно, под’, *tīr-īn/tar-tīr* ‘верх-ADJ/EQ-верх, на’, *bīr-īn/tar-bīr* ‘низ-ADJ/EQ-низ, под’, *pis-pāli* ‘GOAL-сторона, около’, *dām-tīr* ‘спина-верх, сзади’, *ðum-tīr* ‘хвост-верх, следом’, *tar-kinorā* ‘EQ-сторона, вокруг’, *rū-pa-rū* ‘лицо-CONJ-лицо, напротив’, *ba-rost* ‘напротив, прямо, по отношению к’
Отыменные послелоги	*xez* ‘правый; при’, *bīr* ‘низ; под’, *bīr-īn* ‘низ-ADJ’, ‘под’, *tīr* ‘верх; над’, *bun* ‘дно; под’, *dām* ‘спина; сзади’, *kāl* ‘голова; над’, *zibo* ‘задний; сзади’, *piro* ‘перед’, *darūn* ‘внутренность; внутрь’, *miδen(a)/moben/bayn* ‘между’, *kinorā* ‘сторона; вокруг’, *pāli* ‘сторона; возле’, *rost* ‘прямой; прямо’

Ниже даны примеры использования некоторых адлогов. Они присоединяются к именной группе, обозначая грамматическую или семантическую связь этой группы с глаголом [Dryer 2013]. Присоединяясь к именной группе, они образуют адложную группу, которая может быть как предложной (3), так и послеложной (4). Зависимыми словами в такой адложной группе могут быть не только имена, у которых в шугнанском языке нет падежного словоизменения, но и местоимения, которые имеют косвенную форму, — в таком случае послелог присоединяется именно к косвенной форме (5). Вершиной в адложной группе также может быть сложный адлог,

[4] Поскольку сложные предлоги, по-видимому, заимствуются из таджикского языка в готовом виде, их внутреннее устройство носителями шугнанского языка может не осознаваться и здесь не поясняется.

например послелог *pi-kāl* ‘над’, состоящий из направительного предлога *pi* ‘UP’ и отыменного послелога *kāl* ‘над’, восходящего к существительному *kāl* ‘голова’, ср. определение «локативное служебное слово, указывающее место вверху чего-л.» [Карамшоев 1991][5] (6).

(3) *tar* [*tama* *xidīr* *puc* *čīd*] *sā-m*
EQ 2PL старший сын дом идти-1SG
‘Пойду в дом вашего старшего сына’ [Карамшоев 1963: 257].

(4) [*fukaθ* *mardum*]=*ind* *mol* *vu-d*
все люди=LOC скот быть-PST
‘У всех людей был скот’ [Карамшоев 1963: 257].

(5) *wi=nd* *wi* *dōnix* *bašānd* *vu-d*
3SG.M.O=LOC 3SG.M.O знания хороший быть-PST
‘У него были хорошие знания’ [Карамшоев 1988].

(6) *tu* *čīd* *pi-kāl* *ɣalast* *mêst*
2SG дом UP-голова яркий луна
‘Над твоим домом яркая луна’ [Карамшоев 1991].

В статье будет рассмотрено только употребление отыменных послелогов, перечисленных в последней строке Таблицы 1. Мы попробуем уточнить приведенную выше классификацию и показать, что отыменные послелоги, находясь на разных этапах грамматикализации, в определенных контекстах обладают свойствами как обычных имен, так и более грамматикализованных послелогов, тем самым занимая на шкале грамматикализации место между обычными именами и послелогами. Именно это место зачастую отводится реляционным именам как менее грамматикализованным лексическим единицам, чем послелоги.

Реляционные имена — это те имена, которые вследствие грамматикализации приобрели черты, характерные для простых реляционных маркеров, например адлогов или падежей. Пространственные реляционные имена, как правило, происходят от существительных, обозначающих части тела (‘голова’, ‘спина’) или

[5] Здесь и далее для цитирования словаря автор пользуется электронной версией словаря, доступной онлайн, URL: https://pamiri.online.

части других объектов (‘сторона’, ‘край’), и обладают отличными от стандартных имен семантическими и морфосинтаксическими свойствами — именно эти свойства являются основным объектом нашего исследования. Материалом для исследования послужили данные словаря Д. Карамшоева [Карамшоев 1988; 1991; 1999] и корпуса шугнанского языка [Makarov et al. 2022], а также результаты анкетирования носителей языка, которое проводилось в ходе экспедиций НИУ ВШЭ в городе Хорог (Таджикистан) в 2023 и 2024 гг.

Исходя из описанного выше, мы определяем отыменные послелоги в шугнанском языке как находящиеся на пути грамматикализации из полнозначных имен с локативным значением в послелоги и обладающие набором свойств, которые не позволяют однозначно отнести их ни к одной из этих категорий.

Поставленная проблема рассматривалась на материале различных языков, см. [Tremblay, Kabbaj 1990; Holmberg 2002; Aboh 2010] и многие другие исследования. Реляционные имена рассматриваются исследователями как промежуточная ступень на пути грамматикализации полнозначного имени в адлог или падежный показатель. Притом адлоги и падежные маркеры легко отличить от обычных имен, а граница между простыми и реляционными именами значительно более тонкая. Критерии для ее установления определяются по-разному — в зависимости от морфосинтаксического строя конкретного языка.

В поисках критериев для выделения в шугнанском языке особого класса реляционных имен мы будем опираться на механизмы теории грамматикализации, которая описывается в работе Б. Хайне и Т. Кутевой [Heine, Kuteva 2002] как переход от лексических форм к грамматическим и от грамматических к еще более грамматикализованным. Соответственно, задача исследования процессов грамматикализации сводится к «описанию того, как грамматические формы и конструкции возникают и развиваются в пространстве и времени, и объяснению того, почему они структурированы определенным образом»[6] [Heine, Kuteva 2002: 2]. Авторы

[6] «Its primary goal is to describe how grammatical forms and constructions arise and develop through space and time, and to explain why they are structured the way they are».

выделяют четыре основных механизма грамматикализации: десемантизация — потеря семантических компонентов, расширение (extension) — использование в новых контекстах, декатегоризация — потеря морфосинтаксических свойств, характерных для лексических или других менее грамматикализованных форм, и эрозия — потеря фонетического содержания [Heine, Kuteva 2002: 2].

В работах, описывающих грамматикализацию реляционных имен в разных языках, предлагаются различные критерии для определения их статуса. При выделении особой группы реляционных имен в шугнанском языке мы опираемся на их семантические (раздел 2) и морфосинтаксические свойства (раздел 3). В разделе 4 подведены итоги исследования.

2. Семантические свойства

Чаще всего имена в языках мира обозначают объекты или их свойства, в то время как локативные адлоги и пространственные падежи маркируют локализацию и пространственные роли при глаголах движения. Так, в русском языке примером объекта и его свойства могут быть существительное *дом* и прилагательное *домашний*. Локализация обозначается предлогом *перед* в предложении *Перед домом росло большое дерево*. Примером выражения пространственной роли с помощью падежного (в данном случае предложно-падежного) маркирования является предложная группа *к дому* в предложении *Он пошел к дому*.

В шугнанском языке существуют три показателя пространственных ролей, статус которых не до конца изучен — это локативный послелог *=and* ‘LOC’, обозначающий статичное местонахождение, лативный *=ard* ‘LAT’, маркирующий адресата и движение внутри определенного пространства, и директивный *=āj* ‘DIR’, указывающий на направление в сторону объекта. На пространственную роль могут указывать и предлоги, например: направительный предлог *ar* ‘DOWN’, указывающий на движение к ориентиру, находящемуся ниже говорящего, *tar* ‘EQ’, обозначающий движение к ориентиру, находящемуся на одном уровне с говорящим, *pi* ‘UP’, описывающий движение к ориентиру, находящемуся выше говорящего, и элативный предлог *as* ‘EL’, указывающий

на движение от объекта. В то же время локализацию в шугнанском маркируют только послелоги, например *=ti* ‘SUP’, указывающий на местонахождение на поверхности объекта, и *=va* ‘PROL’, описывающий локализацию или движение вдоль объекта. Таким образом, за выражение как пространственной роли, например направления, так и локализации в шугнанском языке отвечают различные адлоги.

Большинство реляционных имен из нашего списка способны выражать локализацию в сочетании со стативными глаголами и пространственную роль при глаголе движения, обычно в конструкции с предлогами или послелогами. Так, в примере (7а) роль конечной точки перемещения выражается с помощью имени *tīr* ‘верх’ и послелога *=ti* ‘SUP’, маркирующего локализацию на поверхности объекта. В словаре Д. Карамшоева это сочетание переведено как ‘сверху, поверх, на, над’. В примере (7б) локализация в области вокруг объекта маркируется именем *pāli* ‘сторона’ в сочетании с предлогом направления и цели *pis* ‘GOAL’. Д. Карамшоев дает этому сочетанию перевод ‘около, рядом, при’. При этом часть таких имен допускает опущение предлога/послелога, т. е. полностью берет на себя функции маркирования пространственных отношений. В примере (8) *tīr* ‘верх’ употребляется как послелог, самостоятельно маркируя локализацию на поверхности объекта.

(7а) *bād=en* *rūɣan* *čū-d* *wi*
потом=3PL масло делать-PST D3.M.SG.O
garδā *tīr=ti*
лепешка верх=SUP
‘Потом сверху лепешки положили масла’ [Карамшоев 1999].

(7б) *tu* *injům* *tu* *pis=pāli*
2SG имущество 2SG GOAL=сторона
‘Твое снаряжение вокруг тебя’ [Карамшоев 1991].

(8) *yu* *ɣal* *nêx=tīr* *nūs-č*
D3.M.SG еще нары=верх сидеть-PF.M
‘Он еще сидит на нарах’ [Карамшоев 1999].

Эти же имена сохраняют лексические значения в синтаксических позициях существительного и наречия соответственно (9), (10).

(9) *yu* *as* *wi* *kāzor* *pāli* *nūs-t*
D3.M.SG EL D3.M.SG.O огород сторона сидеть-PST
‘Он сел со стороны огорода’ [Карамшоев 1991].

(10) *tīr* *tagov* *ca* *yoδ-d,*
вверх вниз COMPL приходить-3SG
tarů-ta *na-yoδ-d*
D1.EQ-EMPH NEG-приходить-3SG
‘Вверх и вниз проезжает, а сюда не заглядывает’ [Карамшоев 1999].

Таким образом, рассматриваемые имена отличаются от обычных имен способностью выражать локализацию и пространственную роль при глаголе движения, что свойственно простым адлогам.

Способность маркировать локализацию и пространственную роль свойственна почти всем именам из рассмотренного списка. Исключение составляют *dām* ‘спина’ и *δum* ‘хвост’, которые маркируют движение вслед за объектом и, тем самым, выражают только пространственную роль, а также заимствованные из таджикского *rost* ‘правый, прямой’ и *rū* ‘лицо’[7], которым в шугнанском языке не свойственно маркировать пространственные роли.

3. Грамматикализация: морфосинтаксические процессы

В этом разделе будут описаны морфосинтаксические свойства выбранных локативных имен. Сначала мы проверим, демонстрируют ли данные имена декатегоризацию, то есть потерю морфосинтаксических свойств, характерных для лексических форм. Далее мы подробнее рассмотрим способность некоторых отыменных послелогов самостоятельно выражать пространственные отношения, без помощи простых предлогов и послелогов, что свойственно обычным локативным показателям.

В шугнанском языке основными морфосинтаксическими свойствами имен являются способность присоединять показатель мно-

[7] Имена *rost* ‘правый’ и *rū* ‘лицо’ употребляются в заимствованных из таджикского языка изафетных конструкциях, например *az-rūyi* ‘из-за’.

жественного числа, а также модифицироваться определениями и демонстративами, зачастую выступающими в качестве определенного артикля.

3.1. Способность присоединять показатель множественного числа

В шугнанском языке существует несколько суффиксов множественного числа, однако наиболее употребителен и универсален суффикс *-en* ‘PL’ (подробнее о выражении множественного числа в шугнанском языке см. [Parker 2023]). Пример (11) демонстрирует употребление имени *čaxmā* ‘источник’ во множественном числе. Локативное имя *xez* ‘правый’ здесь выступает не в позиции модификатора, который в шугнанском языке предшествует определяемому в атрибутивной конструкции, а в позиции адлога со значением непосредственной близости к объекту, который управляет именем во множественном числе. В этой позиции *xez* не может маркироваться показателем множественного числа ни вместо управляемого имени (12), ни вместе с ним (13), что указывает на морфологическую декатегоризацию.

(11) *wev* *čaxmā-yen* *xez=and=i* *xāv-d*
D3.PL.O источник-PL правый=LOC=3SG спускаться-PST
‘Он сошел [с транспорта] у тех источников’ [анкетирование].

(12) **wev* *čaxmā* *xez-en=and=i* *xāv-d*
D3.PL.O источник правый-PL=LOC=3SG спускаться-PST
‘Он сошел [с транспорта] у тех источников’ [анкетирование].

(13) **wev* *čaxmā-yen* *xez-en=and=i* *xāv-d*
D3.PL.O источник-PL правый-PL=LOC=3SG спускаться-PST
‘Он сошел [с транспорта] у тех источников’ [анкетирование].

Из рассматриваемого списка имен единственным исключением является слово *bun* ‘основание, дно, корни’, маркирующее в конструкции с послелогом *=and* ‘LOC’ нахождение в непосредственной близости к основанию объекта и допускающее оформление показателем множественного числа (14)[8]. Это может говорить о мень-

[8] Уточним, что присоединять показатель множественного числа в данном примере могут либо *diraxt* ‘дерево’, либо *bun* ‘основание’, но не оба слова.

шей по сравнению с другими отыменными послелогами степени грамматикализации.

(14) *ik-wev* *diraxt* *bun-en=and* *tām*
EMPH-D3.PL.O дерево основание-PL=LOC тогда
daraw *xī-d* *kin*
сразу есть-INF делать.IMP
‘Под теми деревьями принимайся за еду’ [анкетирование].

3.2. Модификация определением

Пример (15) показывает употребление атрибутивной конструкции[9], состоящей из имени *garδā* ‘лепешка’ и модификатора *kaš* ‘горячий’. Составлять атрибутивную конструкцию с локативным именем *darūn* ‘внутренность’ прилагательное не может (16)[10].

(15) *kaš* *garδā=ti* *maskā* *patêw-en*
горячий лепешка=SUP сливочное.масло бросать-3PL
‘На горячую лепешку кладут сливочное масло’ [Карамшоев 1999].

(16) **žīr=ta* *kicor* *kaš* *darūn* *δ-en*
камень=FUT очаг горячий внутренность давать-3PL
Ожид.: ‘Камень кладут в горячую внутренность очага’ [анкетирование].

Единственный пример, в котором атрибутивная конструкция с отыменным послелогом допускалась, приведен в (17). В нем *dām* ‘спина’ (мужского рода) в составе сложного послелога *dām=ti*, маркирующего движение вслед за объектом, модифицируется прилагательным *fidīng* ‘прямой, торчащий’, которое, судя по словарным данным, противопоставляется по роду (*fidīng* — мужского рода; *fidang* — женского рода). Важно заметить, что такой пример допускают лишь отдельные носители.

[9] Зависимое слово в такой конструкции в шугнанском языке всегда предшествует главному.

[10] Возможно, проблема заключается в том, что для проверки сочетаемости с прилагательным трудно придумать достаточно естественный контекст, ср. похожее замечание в [Arkhangelskiy, Usacheva 2015: 128].

(17) ??*yu* *wam* *fidīng* *dām=ti* *kiǰ-t*
D3.M.SG D3.F.SG.O торчащий спина=SUP делать-3SG
‘Он идет за той раздражающей девушкой’ (букв. «Он идет за той торчащей спиной») [анкетирование].

3.3. Модификация демонстративом

Демонстративы в шугнанском языке различаются по числу, падежу, в ряде случаев по роду, а также по степени удаленности от говорящего. Демонстративы ближней и средней дальности используются только как указательные, а показатели «третьей серии», обычно интерпретирующиеся как обозначающие объект, находящийся вдали от обоих участников диалога, также используются в качестве местоимений третьего лица. Все они предшествуют именной группе. В примере (18) демонстратив ближней степени множественного числа в косвенном падеже *mev* модифицирует имя *toθč* ‘миска’, оформленное показателем множественного числа *-en* (подробнее об устройстве системы демонстративов см. [Parker 2023: 200]).

(18) [*mev* *toθč-en*]=*at* *tozā* *čūd* *o*?
D1.PL.O миска-PL=2SG мыть делать.PST Q
‘Вы вымыли эти миски?’ [Parker 2023: 202] (глоссирование изменено).

В примере (19а) сложный послелог *tar-kāl*, частью которого является имя *kāl* ‘голова’, модифицирует именную группу *māš ǰār* ‘наш город’, указывая на пространство над объектом. Однако если мы попробуем разделить сложный послелог указательным местоимением, то такое предложение носители запрещают. Это продемонстрировано в примере (19б), где перед именем *kāl* стоит указательное местоимение третьей степени дальности единственного числа в косвенном падеже *wi*.

(19а) [[*māš* *ǰār*] *tar-kāl*] *kemā* *naẏjā-d*
1PL город EQ-голова самолет проходить-PST
‘Над нашим городом пролетел самолет’ (букв. «к голове нашего города пролетел самолет») [анкетирование].

(19б) *[*māš* *x̌ār* *tar* [*wi* *kāl*]]
1PL город EQ D3.M.SG.O голова
kemā *naǰjā-d*
самолет проходить-PST
‘Над нашим городом пролетел самолет’ (букв. «на той голове нашего города пролетел самолет») [анкетирование].

Однако местоимение можно вставить между составляющей *māš x̌ār* ‘наш город’ и сложным послелогом *tar-kāl*, см. пример (20). В этом случае именная группа дополнительно оформляется посессивным локативом, т. е. выносится в отдельную составляющую (см. [Ронько 2022] о конструкциях с внешним посессором), а демонстратив *wi*, также использующийся в качестве местоимения (третьего лица, единственного числа, мужского рода), по-видимому, выступает в функции личного местоимения и заполняет валентность сложного послелога (букв. «у нашего города над ним пролетел самолет»). Подобным образом могут вести себя и другие адлоги из нашего списка.

(20) *māš* *x̌ār=and* [*wi* *tar=kāl*]
1PL город=LOC D3.M.SG.O EQ=голова
kemā *naǰjā-d*
самолет проходить-PST
‘Над нашим городом пролетел самолет’ (букв. «у нашего города на его голове пролетел самолет») [анкетирование].

3.4. Возможность опустить часть конструкции

В разделе 2 было показано, что выбранные локативные имена могут приобретать свойственные грамматическим показателям значения, как употребляясь в качестве единственного показателя пространственной роли или локализации, так и в составе сложных послеложных или предложно-послеложных конструкций. В шугнанском языке именам, выражающим локализацию, свойственно маркироваться локативным послелогом, например *=and* ‘LOC’ или *=ti* ‘SUP’ (21), и направительными предлогами, например *tar* ‘EQ’ в случае указания на тип движения (22). Опустить предлог или послелог в таких конструкциях невозможно.

(21) *Ahmad dišīd=ti ǩov-d*
Ахмад крыша=SUP спать-PST
‘Ахмад спал на крыше’ [анкетирование].

(22) *aro, tar maktab=ām sa-t*
ADR EQ школа=1PL идти-PST
‘В школу мы ходили’ [корпус].

В то же время анализ вариантов употреблений локативных имен в шугнанском языке показал, что при некоторых из них как направительные предлоги, так и локативные послелоги могут опускаться без изменения значения высказывания. В разделе 2 мы продемонстрировали пример с именем *tīr* ‘верх’ (8). Здесь же приведем еще несколько примеров с другим именным послелогом. В (23) *bīr* ‘низ’ используется для обозначения локализации под объектом, а в (24) указывает на направление под объект. В обоих случаях отыменный послелог употребляется без дополнительных показателей, которые бы составляли сложную адложную конструкцию (ср. примеры (25) и (26), где *bīr* ‘низ’ дополнительно маркируется локативом). Это говорит о том, что послелог может выражать в данном случае локативное значение без каких-либо дополнительных маркеров.

(23) *māš=ām diraxt bīr xov-d*
1PL=1PL дерево низ спать-PST
‘Мы спали под деревом’ [анкетирование].

(24) *wi wārg=en δo-d cimud bīr*
D3.M.SG.O ягненок=3PL давать-PST корзина низ
‘Ягненка они поместили под корзину’ [анкетирование].

(25) *māš=ām diraxt bīr=and xov-d*
1PL=1PL дерево низ=LOC спать-PST
‘Мы спали под деревом’ [анкетирование].

(26) *wi wārg=en δo-d cimud bīr=and*
D3.M.SG.O ягненок=3PL давать-PST корзина низ=LOC
‘Ягненка они поместили под корзину’ [анкетирование].

По возможности опустить предлог или локативный послелог можно заключить, что 7 из 15 реляционных имен имеют бóльшую

по сравнению с остальными степень грамматикализации. Способность каждого из реляционных имен употребляться без предлогов или послелогов отражена в Таблице 2.

Таблица 2. Способность реляционных имен употребляться без предлогов и послелогов

Table 2. The ability of relational nouns to be used without prepositions and postpositions

Имя/вариант употребления	Без предлога и послелога	С предлогом	С послелогом
xez ‘правый’	+	+	+
bīr ‘низ’	+	+	+
tīr ‘верх’	+	+	+
piro ‘перед’	+	+	+
darūn ‘внутренность’	+	+	+
pāli ‘сторона’	+	+	+
kinorā ‘сторона’	+	+	+
kāl ‘голова’	–	+	+
bun ‘основание’	–	+	+
zibo ‘задний’	–	+	+
bayn ‘середина’	–	+	+
dām ‘спина’	–	–	+
δum ‘хвост’	–	–	+
rost ‘правый’	–	–	–
rū ‘лицо’	–	–	–

4. Результаты исследования

Настоящее исследование позволяет сделать вывод, что некоторые имена с пространственным значением или обозначающие части тела, названные Д. Карамшоевым отыменными послелогами,

в ряде контекстов попадают в категорию реляционных имен или даже адлогов на основании следующих критериев:

1) неспособность присоединять показатель множественного числа;
2) неспособность модифицироваться определением;
3) неспособность модифицироваться демонстративом;
4) возможность опустить часть пространственной конструкции без потери смысла.

Четвертый критерий распространяется лишь на 47 % имен, что позволяет разделить эти имена на более и менее грамматикализованные с точки зрения морфосинтаксических свойств. Результаты морфосинтаксических тестов для каждого из представленных имен приведены в Таблице 3.

Таблица 3. Морфосинтаксические тесты

Table 3. Morphosyntactic tests

Имя	**PL**	**DEM**	**ADJ**	**Опущение простого адлога в конструкции**
xez ‘правый’	–	–	–	+
bīr ‘низ’	–	–	–	+
tīr ‘верх’	–	–	–	+
piro ‘перед’	–	–	–	+
darūn ‘внутренность’	–	–	–	+
pāli ‘сторона’	–	–	–	+
kinorā ‘сторона’	–	–	–	+
kāl ‘голова’	–	–	–	–
bun ‘основание’	+	–	–	–
dām ‘спина’	–	–	?	–
zibo ‘задний’	–	–	–	–
bayn ‘середина’	–	–	–	–
rost ‘правый’	–	–	–	–
δum ‘хвост’	–	–	–	–
rū ‘лицо’	–	–	–	–

Ввиду того что рассматриваемые свойства (как лексические, так и грамматические) проявляются лишь в определенных контекстах, нельзя однозначно определить данные имена в особую категорию реляционных, однако можно утверждать, что в некоторых контекстах они демонстрируют более грамматикализованные употребления. Уточнение круга такого рода имен, а также возможной границы между реляционными именами и адлогами в этих контекстах, может стать предметом дальнейших исследований.

5. Заключение

Таким образом, мы рассмотрели 15 локативных имен, 13 из которых в классификации адлогов Д. Карамшоева попадают в категорию «отыменных послелогов» и 2 являются частью «сложных послелогов». Проанализировав семантические и морфосинтаксические свойства этих имен, мы выявили четыре критерия, свидетельствующих о том, что в определенных контекстах данные имена действительно обладают исключительно свойствами грамматических показателей (за редким исключением). Это неспособность морфологически выражать множественное число, модифицироваться определением и демонстративом и возможность опустить часть пространственной конструкции без потери смысла.

Дальше всех на пути грамматикализации продвинулись имена *xez* ‘правый’, *bīr* ‘низ’, *tīr* ‘верх’, *piro* ‘перед’, *darūn* ‘внутренность’, *pāli* ‘сторона’, *kinorā* ‘сторона’: в соответствующих конструкциях они теряют морфосинтаксические свойства, характерные для обычных имен (т. е. проходят стадию декатегоризации), а также утрачивают свое исходное лексическое значение и приобретают явное грамматическое, маркируя разного рода пространственные отношения без помощи каких-либо дополнительных локативных показателей и демонстрируя тем самым высокую степень десемантизации и расширения области употребления. Имена *kāl* ‘голова’, *dām* ‘спина’, *zibo* ‘задний’, *bayn* ‘середина’, *rost* ‘правый’, *δum* ‘хвост’, *rū* ‘лицо’ подвергаются декатегоризации, но не приобретают способности полностью брать на себя функцию выражения локативного значения. Ниже всех в этой иерархии находится имя *bun* ‘основание’ — оно сохранило способность принимать показатель множественного числа в локативных конструкциях.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ADJ — адъективизатор; ADR — обращение; COMPL — комплементайзер; CONJ — соединительный союз; CONT1 — опора на части тела; CONT2 — локатив с частями тела; DIR — директив; DOWN — перемещение к ориентиру ниже говорящего; D1 — указательное местоимение первой серии (Ich-Deixis); D3 — указательное местоимение третьей серии (Jener-Deixis); EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; EQ — эквалламатив, перемещение к ориентиру на одном уровне с говорящим; EZ — изафет (в таджикских заимствованиях); F — женский род; FUT — показатель будущего времени, хабитуалиса; GOAL — показатель цели; IMP — императив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LAT — латив, адресат, реципиент; LOC — локатив, личный локатив; M — мужской род; NEG — общий показатель отрицания; O — косвенный падеж; PF — перфект; PL — множественное число; PROL — пролатив; PST — прошедшее время; Q —вопросительная частица; SG — единственное число; SUP — суперэссив; UP — эссив со значением ‘вверху’.

Литература

Бахтибеков 1979 — Т. К. Бахтибеков. Грамматикаи забони Шуғнонӣ [Грамматика шугнанского языка]. Душанбе: Ирфон, 1979.

Карамшоев 1963 — Д. К. Карамшоев. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1963.

Карамшоев 1988 — Д. К. Карамшоев. Шугнанско-русский словарь. Т. 1. М.: Наука, 1988.

Карамшоев 1991 — Д. К. Карамшоев. Шугнанско-русский словарь. Т. 2. М.: Наука, 1991.

Карамшоев 1999 — Д. К. Карамшоев. Шугнанско-русский словарь. Т. 3. М.: Восточная литература, 1999.

Пахалина 1969 — Т. Н. Пахалина. Памирские языки. М.: Наука, 1969.

Ронько 2022 — Р. В. Ронько. Посессивные конструкции с местоимениями в шугнанском языке // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 5. С. 48–66. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-48-66.

Соколова 1967 — В. С. Соколова. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л.: Наука, 1967.

Aboh 2010 — E. O. Aboh. The P route // G. Cinque, L. Rizzi (eds.). Mapping spatial PPs: The cartography of syntactic structures. Vol. 6. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 225–260. DOI: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195393675.003.0007.

Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — T. A. Arkhangelskiy, M. N. Usacheva. Syntactic and morphosyntactic properties of postpositional phrases in Beserman

Udmurt as part-of-speech criteria // Finnish Journal of Linguistics. 2015. Vol. 28. P. 103–137.

Dryer 2013 — M. S. Dryer. Order of adposition and noun phrase // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). WALS Online (электронный ресурс). URL: https://wals.info/chapter/85 (дата обращения 05.01.2025).

Edelman, Dodykhudoeva 2009 — D. I. Edelman, L. R. Dodykhudoeva. Shughni // G. Windfuhr (ed.). The Iranian languages. London; New York: Routledge, 2009. P. 787–825.

Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Holmberg 2002 — A. Holmberg. Prepositions and PPs in Zina Kotoko // B. K. Schmidt, D. Odden, A. Holmberg. Some aspects of the grammar of Zina Kotoko. München: Lincom Europa, 2002.

Makarov et al. 2022 — Y. Makarov, M. Melenchenko, D. Novokshanov. Digital Resources for the Shughni Language // A. Kr. Ojha, S. Ahmadi, Ch.-H. Liu, J. P. McCrae (eds.). Proceedings of the Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference. S. l.: s. n., 2022. P. 61–64.

Parker 2023 — C. Parker. A grammar of the Shughni language. Ph.D. thesis. Montreal: McGill University, 2023.

Tremblay, Kabbaj 1990 — M. Tremblay, O. Kabbaj. The internal structure of PPs in Amharic: On postpositions and prepositional case affixes // J. P. Hutchinson, V. Manfredi (eds.). Current approaches to African linguistics. Vol. 7. Dordrecht: De Gruyter Mouton, 1990. P. 167–178. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110884906.167.

References

Aboh 2010 — E. O. Aboh. The P route. G. Cinque, L. Rizzi (eds.). *Mapping spatial PPs: The cartography of syntactic structures. Vol. 6*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 225–260. DOI: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195393675.003.0007.

Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — T. A. Arkhangelskiy, M. N. Usacheva. Syntactic and morphosyntactic properties of postpositional phrases in Beserman Udmurt as part-of-speech criteria. *Finnish Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 28. P. 103–137.

Bakhtibekov 1979 — T. K. Bakhtibekov. *Grammatikai zaboni Šuġnonī* [A grammar of the Shughni language]. Dushanbe: Irfon, 1979.

Dryer 2013 — M. S. Dryer. Order of adposition and noun phrase. M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *WALS Online*. Available at: https://wals.info/chapter/85 (accessed on 05.01.2025).

Edelman, Dodykhudoeva 2009 — D. I. Edelman, L. R. Dodykhudoeva. Shughni. G. Windfuhr (ed.). *The Iranian languages*. London; New York: Routledge, 2009. P. 787–825.

Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Holmberg 2002 — A. Holmberg. Prepositions and PPs in Zina Kotoko. B. K. Schmidt, D. Odden, A. Holmberg. *Some aspects of the grammar of Zina Kotoko*. München: Lincom Europa, 2002.

Karamshoev 1963 — D. K. Karamshoev. *Badzhuvskiy dialekt shugnanskogo yazyka* [Bajuwi dialect of Shughni]. Dushanbe: Academy of Sciences of Tajik SSR, 1963.

Karamshoev 1988 — D. K. Karamshoev. *Shugnansko-russkiy slovar* [Shughni–Russian dictionary]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1988.

Karamshoev 1991 — D. K. Karamshoev. *Shugnansko-russkiy slovar* [Shughni–Russian dictionary]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1991.

Karamshoev 1999 — D. K. Karamshoev. *Shugnansko-russkiy slovar* [Shughni–Russian dictionary]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999.

Makarov et al. 2022 — Y. Makarov, M. Melenchenko, D. Novokshanov. Digital Resources for the Shughni Language. A. Kr. Ojha, S. Ahmadi, Ch.-H. Liu, J. P. McCrae (eds.). *Proceedings of the Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference*. S. l.: s. n., 2022. P. 61–64.

Parker 2023 — C. Parker. *A grammar of the Shughni language*. Ph.D. thesis. Montreal: McGill University, 2023.

Pakhalina 1969 — T. N. Pakhalina. *Pamirskiye yazyki* [Pamir languages]. Moscow: Nauka, 1969.

Ronko 2022 — R. V. Ronko. Posessivnyye konstruktsii s mestoimeniyami v shugnanskom yazyke [Possessive constructions with pronouns in the Shughni language]. *RSUH Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*. 2022. No. 5. P. 48–66.

Sokolova 1967 — V. S. Sokolova. *Geneticheskiye otnosheniya yazgulyamskogo yazyka i shugnanskoy yazykovoy gruppy* [Genetic relations of Yazgulami and the Shughni language group]. Leningrad: Nauka, 1967.

Tremblay, Kabbaj 1990 — M. Tremblay, O. Kabbaj. The internal structure of PPs in Amharic: On postpositions and prepositional case affixes. J. P. Hutchinson, V. Manfredi (eds.). *Current approaches to African linguistics. Vol. 7*. Dordrecht: De Gruyter Mouton, 1990. P. 167–178. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110884906.167.

Получено/received 15.08.2024 *Принято/accepted 14.03.2025*

Структура слога и проблема выпадения безударного гласного в языке куллуи

А. С. Крылова

Институт востоковедения РАН (Москва, Россия);
krylova_anastasi@bk.ru; ORCID: 0000-0002-2286-3304

Аннотация. В статье решается вопрос о правилах выпадения безударного гласного в куллуи. На основе ограничений сочетаемости согласных формулируется правило слогораздела: граница слога проходит перед последним согласным кластера. Если на границе слогов возможны любые кластеры, то внутри слога действуют ограничения, в целом соответствующие принципу волны звучности, но с некоторыми отклонениями. Безударный гласный обычно выпадает, если это 1) не приводит к появлению кластера, 2) кластер разбивается слогоразделом, 3) внутрислоговой кластер допустим в данной позиции.

Ключевые слова: фонотактика, слог, редуцированные гласные, куллуи

Благодарности. Работа проведена при поддержке РНФ, проект № 24-78-10052, https://rscf.ru/project/24-78-10052/.

Для цитирования: Крылова А. С. Структура слога и проблема выпадения безударного гласного в языке куллуи // Индоиранские языки. 2025. 1 (2). С. 82–104.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.3

© А. С. Крылова, 2025

Syllable structure and unaccented vowel deletion in Kullui

Anastasiya S. Krylova

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); krylova_anastasi@bk.ru; ORCID: 0000-0002-2286-3304

Abstract. This article examines the rules governing the deletion or retention of the unaccented vowel *ə* in Kullui (an Indo-Aryan language of the Himachali group). First, based on constraints on consonant combinations, a syllabification rule for sequences of two or more consonants is formulated: the syllable boundary falls before the last consonant of the cluster. Consonant-cluster types are analyzed in terms of the cross-typological sonority sequencing principle (or rising-falling sonority), which requires sonority to rise in the onset of a syllable and fall in its coda. A workable sonority hierarchy is:

stops < fricatives < nasals < liquids < glides < vowels

Regarding Kullui phonotactics, any consonant cluster is permitted across syllable boundaries (e.g., *ling-ʈi* 'tail'), but within a syllable, clusters generally obey the sonority sequencing principle, with some notable exceptions such as onset sibilant + stop clusters (*ʃke-ŋa* 'to dry') and onset clusters of certain stops (labial or velar + dental or retroflex, both voiced or both voiceless).

Next, the rule for unaccented-vowel deletion is formulated: an unaccented vowel is typically dropped if its deletion:

1) does not create a consonant cluster (*úʈəkŋa* 'to stumble' → *ʈəkáŋa* 'to trip someone up');
2) any resulting cluster is split by syllabification (*gí-dəʈ* 'fox' → *gíd-ʈi* 'she-fox');
3) any resulting intrasyllabic cluster is permissible under the established combinatory constraints (*ɖór-na* 'to fear' → *ɖrá-ŋa* 'to frighten').

In some cases, deletion is accompanied by metathesis, yielding a permissible cluster in place of an illicit one (e.g. *nəkóʈa* ~ *knóʈa* 'nostril').

Keywords: phonotactics, syllable, reduced vowels, Kullui

Acknowledgements. The work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-78-10052, https://rscf.ru/project/24-78-10052/.

For citation: Krylova A. S. Syllable structure and unaccented vowel deletion in Kullui. *Indo-Iranian Languages.* 2025. 1 (2) P. 82–104.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.3

1. Введение

Куллуи — индоарийский язык группы химачали, не имеющий официального статуса и письменной нормы. Число носителей куллуи — около 200 тысяч человек, регион распространения — индийский штат Химачал-Прадеш [Ренковская, Крылова 2021: 72], преимущественно округ Куллу [Ренковская 2019: 68]. Официальный язык штата — хинди, куллуи является главным образом языком устной коммуникации и имеет статус «под угрозой»: среднее и младшее поколение носителей куллуи двуязычны, однако дети используют язык только для общения с бабушками и дедушками [Мазурова 2018].

Эта работа представляет собой результат исследования полевых материалов, собранных мной и моими коллегами в ходе экспедиций[1] в Химачал-Прадеш в 2014–2023 гг. Материалы включают словарь в программе SIL FieldWorks Language Explorer объемом 2900 единиц, в котором лексика записана в разработанной автором транскрипции, аудиозаписи отдельных произнесений слов (около 2000 единиц), устный корпус текстов[2] (около 18 000 токенов). Большинство произнесений слов записано в период с 2014 по 2023 г. от трех носителей: женщина с высшим образованием 42–46 лет, мужчина с высшим образованием 50–54 лет и женщина со средним образованием 55–60 лет. Тексты корпуса записаны от большого количества информантов в возрасте от 20 до 60 лет с различным уровнем образования.

2. Инвентарь фонем куллуи и проблема выпадения / сохранения безударного гласного

Для облегчения дальнейшего анализа структуры слога здесь приведены краткие данные о фонемном инвентаре.

Вокализм языка куллуи можно представить в табличной форме следующим образом:

---

[1] Информацию о проекте можно найти на сайте «Химачали: индоарийские языки Северной Индии», URL: https://pahari-languages.ru.

[2] Словарь постепенно выкладывается в открытый доступ по адресу URL: https://kullui.org. На данный момент доступно более 1000 словарных статей.

Таблица 1. Фонемный состав вокализма куллуи
Table 1. Kullui vowels

Ряд / Подъем	Задний	Средний	Передний
Верхний	*и*		*і*
Верхне-средний	*о*		*е*
Нижне-средний	*ɔ*	*ə*	*ɛ*
Нижний		*а*	

Консонантизм куллуи представлен в Таблице 2 (в квадратных скобках указаны согласные с не вполне полноценным фонемным статусом).

Один из вопросов, встающих при описании как исторической, так и синхронной фонетики и фонологии куллуи, — выпадение или сохранение *ə*, гласного, образовавшегося в результате нейтрализации фонологических противопоставлений других гласных в безударной позиции[3]. Как диахронически (с точки зрения этимологии), так и синхронно (в словоизменении и словообразовании) можно наблюдать сохранение или выпадение таких гласных в сходных контекстах. Чтобы сформулировать правила распределения, необходимо обратиться к вопросу о слогоразделе и допустимости различных сочетаний согласных в куллуи. Подчеркну, что полное исследование правил слогораздела и сочетаний согласных не входит в цели данной работы; их рассмотрение нужно для того, чтобы прояснить принципы выпадения или сохранения редуцированных гласных.

[3] Система акцентных позиций в куллуи достаточно сложна, она включает четыре акцентных позиции, в каждой из которых противопоставлено разное количество гласных фонем: ударная (или сильная), конечная, конвокальная и безударная (или слабая). Здесь и далее безударными гласными я называю гласные, находящиеся в наиболее слабой из четырех позиций, в которой фонологические противопоставления отсутствуют.

Таблица 2. Фонемный состав консонантизма куллуи

Table 2. Kullui consonants

			Лабиальные	Дентальные	Альвеолярные	Ретрофлексные	Палатоальвеолярные	Велярные	Глоттальные
Шумные									
Взрывные	**Глухие**	**Непридых.**	p^h	t		$ʈ$		k	
		Придых.	p^h	t^h		$ʈ^h$		k^h	
	Звонкие	**Непридых.**	b	d		$ɖ$		g	
		Придых.	b^h	d^h		$ɖ^h$		g^h	
Аффрикаты	**Глухие**	**Непридых.**			ts		$tʃ$		
		Придых.			ts^h		$tʃ^h$		
	Звонкие	**Непридых.**			dz		$dʒ$		
		Придых.			dz^h		$[dʒ^h]$		
Щелевые	**Глухие**		$[f]$	s			$ʃ$		h
	Звонкие		$[v]$	$[z]$					
Сонорные									
Носовые			m	n		$ɳ$	$[ɲ]$	$[ŋ]$	
Дрожащие и одноударные		**Непридых.**		r		$[ɽ]$			
		Придых.			$[ɽ^h]$				
Боковые				l		$ɭ$			
Глайды			$[w]$				j		

3. Проблема слогораздела в куллуи

Слог — фонетико-фонологическая единица, занимающая промежуточное положение между звуком и речевым тактом [Кодзасов 1990: 470]. По-видимому, слог как фонетическая составляющая речи существует во всех языках [Кодзасов, Муравьева 1980: 126]. При этом, согласно гипотезе, выдвинутой в [Кодзасов, Муравьева 1980: 127], языки по отношению к проблеме слогораздела можно разделить на «волновые» и «квантовые». Русский язык, в котором граница слога проводится неоднозначно, относится к волновым, тогда как для квантовых языков характерны следующие особенности [Кодзасов 1990: 470]:

1) ограниченность класса допустимых схем слога;
2) простая структура внутрислоговых консонантных сочетаний, соответствующая принципу «волны звучности»[4];
3) наличие дистрибутивных ограничений, которые описываются в терминах слоговых позиций;
4) компенсаторные отношения по длительности между гласным и конечнослоговым согласным;
5) зависимость места ударения от количественной структуры слога;
6) наличие слоговой просодии — тональной или тембровой;
7) тенденция к корреляции слогоразделов и грамматических границ.

Проблема слоговой структуры и слогораздела в новоиндийских языках малоизучена, на эту тему имеются отдельные работы по хинди и панджаби [Ohala 1994; 1999; Шумская 2003]. Согласно универсальным принципам слогоделения, при наличии одиночного интервокального согласного деление V.CV всегда предпочтительнее VC.V и является единственно возможным внутри морфемных границ [Steriade 2003]. На материале хинди это подтверждается экспериментом, описанным в [Ohala 1994]. Для куллуи нет оснований утверждать иное, особенно с учетом того, что гласные в начале

[4] Принцип волны звучности, или восходяще-нисходящей дуги звучности, требует, чтобы звучность слога возрастала от инициали к ядру и уменьшалась от ядра к финали.

слова (т. е. неприкрытые слоги) в куллуи хотя и возможны, но проблематичны — безударные гласные в этой позиции часто выпадают (*əmir ~ mir* ‘богатый’), а перед ударными может появляться протетический *h* (*ots^{h}a ~ hots^{h}a* ‘маленький’). Естественно предположить, что слогораздел в куллуи, как и в других языках, по возможности избегает порождения неприкрытых слогов. При сочетании двух согласных, как показано в [Ohala 1994], предпочтительным в языках мира является слогораздел VC-CV. Аналогичные результаты получены и в описании эксперимента с носителями панджаби и хинди в работе [Шумская 2003]. Для целей настоящей работы эти результаты, в целом подтверждающие типологическую закономерность, в качестве гипотезы можно экстраполировать на материал куллуи. Таким образом, основную проблему представляет собой слогораздел при сочетании трех согласных.

Слог, в отличие от многих лингвистических понятий, по-видимому, осознается наивными носителями языка, поэтому наиболее распространенный способ выяснить правила слогораздела в языке и отнести язык к «волновому» или «квантовому» типу — эксперимент на интуитивное слогоделение, при котором носители произносят слова по слогам. Специальных экспериментов такого рода с носителями куллуи не проводилось. Тем не менее мои информанты нередко делали это при просьбе произнести слово более медленно и разборчиво. Однако в этом случае зачастую количество слогов за счет восстановления гласного оказывалось больше, чем в более беглом естественном произношении, что связано с двумя особенностями индоарийских языков региона:

1) Для записи языка хинди, официального языка штата Химачал-Прадеш и основного письменного языка для носителей куллуи (в большинстве своем билингвов), используется письмо деванагари, брахмическая письменность, в которой минимальной единицей является акшара — знак, обозначающий слог (включающий обозначение согласного и диакритику для гласного, если это не гласный по умолчанию, по языкам эти гласные различаются). Запись носового согласного перед шумным возможна как с помощью лигатуры в пределах одной акшары, так и с помощью диакритики, относящейся к предыдущей акшаре. В хинди и других индоарийских языках понятия акшары и слога неразличимы.

2) И в хинди, и в куллуи в некоторых позициях подвергается выпадению гласный *ə*. При этом в хинди орфография предполагает запись образовавшегося сочетания согласных при помощи двух акшар, что может влиять на решение о слогоразделе [Ohala 1994]. Подобное влияние возможно и в случае куллуи, так как все наши информанты являлись куллуи-хинди билингвами.

Таким образом, в утрированном послоговом произношении редуцированный *ə* восстанавливается (например, *ɖə-mə-ka-ŋa* вместо *ɖəmkaŋa* ‘упрекать’), и проблема слогораздела в естественном произношении не решается.

Тем не менее мои наблюдения позволяют сделать некоторые выводы о слогоделении. Правило слогораздела в куллуи я вывожу из сочетаемости согласных:

(1) граница слога проходит перед последним согласным кластера: *kʰɛnk-ŋa* ‘звенеть’, *dʒʰintʃ-ŋi* ‘веревочные качели’, *dʒʰik-ʈa* ‘одежда’, *ɖəm-ka-ŋa* ‘упрекать’.

В эксперименте, описанном в [Шумская 2003], носители хинди и панджаби предпочитали проводить слогораздел после первого согласного в сочетании, однако это правило невозможно экстраполировать на куллуи, так как ему противоречит сочетаемость согласных. В куллуи не наблюдается ограничений на сочетания согласных, относящихся к разным слогам, например, возможны сочетания звонкого и глухого взрывных (или в обратном порядке) любого места образования без фонетической ассимиляции или сочетания двух придыхательных: *loʈ-ka* ‘металлический сосуд для воды’, *tsʰab-ka* ‘прыжок’, *kəʈʰ-pʰo-ʈa* ‘дятел’, *ling-ʈi* ‘хвост’, *sɛk-da* ‘могущий’, *ʃeʈ-da* ‘бросающий’. В то же время внутри слога имеются довольно существенные ограничения сочетаемости, которые будут описаны ниже. Если экстраполировать на куллуи правило слогораздела, выведенное в [Шумская 2003], приходится принять, например, деление *lin-gʈi* ‘хвост’, *pən-dʒtaɭi* ‘45’, *mun-gpʰəɭi* ‘арахис’, *ron-gʈa* ‘волосы’, *muŋ-ɖku* ‘голова’. При этом в пределах слога возникает сочетание глухого и звонкого взрывных, что нежелательно по системным (см. примечание 6) и типологическим соображениям. Предложенное выше правило слогораздела (1) позволяет

исключить такие случаи. Кроме того, как будет показано ниже, в куллуи не встречаются начальные кластеры, предсказываемые при слогоразделе после первого согласного в кластере из трех согласных: *rih-nŋa* ‘готовить’, *mɛh-nga* ‘дорогой’, *dʒɛj-ŋɖu* ‘птичка’, *gẽj-nti* ‘мотыга’.

С целью подробного исследования ограничений сочетаемости я использовала словарь куллуи, составленный на основе полевых материалов 2014–2023 гг.[5] и обработанный на базе программного обеспечения SIL FieldWorks Language Explorer автором настоящей статьи совместно с Е. А. Ренковской и Ю. В. Мазуровой. Не все единицы, входящие в проект, прошли повторную проверку с носителями, кроме того, словарь куллуи включает как лексемы, так и аффиксы и словосочетания. Поэтому с применением необходимых фильтров (исключающих из словаря аффиксы, словосочетания и недостаточно подтвержденные лексемы) на момент написания статьи количество лексем в словаре составляет около 2900 единиц.

4. Виды кластеров

4.1. Начальные кластеры

Очевидно, что при нашем правиле слогораздела (1), выведенном на основе анализа словаря куллуи, кластер в начале слога может быть только начинающим слово — иначе такой кластер будет разбит на слоги, поэтому кластеры начала слога следует искать именно в позиции начала слова.

Поисковая выдача из базы данных выявляет 291 слово с начальными кластерами, см. Таблицу 3. Данная таблица требует пояснения, касающегося отсутствия сочетаний взрывных или аффрикат с *h*. Такие сочетания по системным соображениям трактуются в куллуи, как и в других индоарийских языках, как придыхательные согласные, поэтому они не рассматриваются как кластеры.

[5] Обновляемая электронная версия словаря доступна онлайн, URL: https://kullui.org/ (дата обращения: 16.06.2025).

Таблица 3. Начальные кластеры из двух элементов
Table 3. Two-component onset clusters

C_1 \ C_2	**Взрывной/ аффриката**	**Сибилянт**	**Носовой**	**Аппроксимант**	***h***	**Глайд**
Взрывной/ аффриката	3	1	14	135	–	54
Сибилянт	24	0	6	16	1	16
Носовой	0	0	0	12	3	3
Аппроксимант	0	0	0	0	1	7
h	0	0	0	0	0	1
Глайд	0	0	0	0	0	0

Наиболее частотный тип кластера — сочетание взрывного или аффрикаты с сонорным. Второй по частоте — сибилянт + любой согласный, кроме сибилянтов и звонких взрывных, затем носовой + плавный или глайд, плавный + глайд, носовой или плавный + *h*, пары взрывных (3 слова, *gɖ-*, *pt-* и *pʰʈ-*), *hj* (1 слово) и *kʃ* (1 слово). Можно отметить, что сочетания двух взрывных, допустимые на предположительной границе слогов, в начальной позиции крайне редки и не включают различающиеся по признаку глухости/звонкости элементы.

Трехэлементных начальных кластеров найдено четыре, из них три имеют вид «взрывной-*r*-глайд» (*brj*, *drw*, *trj*), четвертый — «носовой-*h*-глайд» (*nhj*).

4.2. Конечные кластеры

Конечнослоговые кластеры с учетом правила (1) допускаются как на конце слова, где иное слогоделение невозможно, так и в других позициях. Для поиска этих двух групп кластеров требуются разные регулярные выражения, и анализировать сочетаемость в этих контекстах следует по отдельности. Совпадение правил сочетаемости первой и второй групп является аргументом в пользу введенного правила слогоделения, тогда как их существенное несовпаде-

ние — аргументом против него. В этом и следующем разделах будут рассмотрены эти две группы, затем в разделе 4.4. будет показано, что правило является верным.

У 145 слов с конечными кластерами (см. Таблицу 4) выделяются следующие типы кластеров: наиболее многочисленные — носовой + гоморганный взрывной или аффриката, аппроксимант + взрывной или аффриката, сибилянт + глухой взрывной, глайд + взрывной или аффриката, глайд + носовой, глайд + аппроксимант. Остальные случаи более редки. Сочетания носовых и аппроксимантов с *h* связаны с тем, что они приближаются по своему статусу к придыхательным фонемам. Немногочисленные сочетания двух взрывных (*bd*, *kt*, *pţ*, *pt*), как и сочетания взрывных с сибилянтами (*ks*, *ps*) и аппроксимантами (*tr*, *dr*), сибилянта с носовым (*ʃŋ*) и аппроксимантом (*ʃl*) и аппроксиманта с глайдом (*rw*) отмечены только в заимствованиях. Кроме того, одно заимствование содержит трехэлементное сочетание *ndr*.

Таблица 4. Кластеры конца слова

Table 4. Word-final clusters

C_1 \ C_2	**Взрывной/ аффриката**	**Сибилянт**	**Носовой**	**Аппроксимант**	***h***	**Глайд**
Взрывной/ аффриката	5	3	0	4	–	0
Сибилянт	12	0	1	1	0	
Носовой	58	4	0	0	3	0
Аппроксимант	22	3	3	0	3	1
h	0	0	4	4	0	0
Глайд	12	0	9	8	0	0

4.3. Серединные кластеры конца слога

Руководствуясь правилом (1), можно проанализировать предположительно конечнослоговые кластеры не на конце слова (111 слов в поисковой выдаче, см. Таблицу 5).

Таблица 5. Срединные кластеры конца слога
Table 5. Syllable-final middle clusters

C_1 \ C_2	Взрывной/ аффриката	Сибилянт	Носовой	Аппроксимант	*h*	Глайд
Взрывной/ аффриката	0	2	0	0	0	0
Сибилянт	2 (*st*, *sk*)	0	0	0	0	0
Носовой	89	2 (*ms*, *nʃ*)	0	0	0	1
Аппроксимант	2	0	4	0	0	0
h	1	0	3	0	0	0
Глайд	0	1	2	0	0	0

Можно заметить, что в целом эта Таблица сходна с Таблицей 4 с поправкой на то, что срединные кластеры (при сочетании трех согласных) менее многочисленны и разнообразны. Подавляющее большинство срединных конечнослоговых кластеров — это сочетание носового со взрывным или аффрикатой.

Сочетание четырех согласных (включающее, таким образом, вероятный трехэлементный кластер конца слога) встречается в словах *sənskrit* ‘санскрит’ и *sənskriti* ‘культура’, представляющих собой неадаптированные санскритские заимствования.

4.4. Ограничения сочетаемости

Очевидно, что конечные кластеры слога и конечные кластеры слова в целом принадлежат к одним и тем же типам, а начальные кластеры — к другим. Это свидетельствует в пользу верности правила слогораздела (1).

При этом как в начальных, так и в конечных кластерах запрещено сочетание различающихся по глухости/звонкости взрывных, а также сибилянтов со звонкими взрывными (или наоборот). Сочетания двух взрывных довольно редки, сочетания двух придыхательных невозможны. Кроме того, сочетания двух взрывных имеют характерную структуру: в начале слова это *gɖ-*, *pt-* и *pʰʈ-*, в конце — *bd*, *kt*, *pʈ*, *pt*. Кроме того, что они объединены значением

признака глухости/звонкости, первый элемент в них — лабиальный или велярный, а второй — дентальный или ретрофлексный. Эти ограничения характерны именно для сочетаний согласных в пределах одного слога, тогда как сочетание согласных на границе слога, как было указано выше, не имеет подобных ограничений, что позволяет отнести куллуи скорее к «квантовому», чем к «волновому» типу[6].

В целом порядок согласных в конечных и начальных кластерах хорошо укладывается в общетипологический «принцип восходяще-нисходящей дуги звучности» в слоге, сформулированный в работах [Whitney 1865; Sievers 1881; Jespersen 1904]. Принцип восходяще-нисходящей дуги звучности требует, чтобы звучность слога возрастала от инициали к ядру и уменьшалась от ядра к финали. Точный состав шкалы возрастания звучности обсуждается, но типичной иллюстрацией может выглядеть следующая схема [Easterday 2019: 7]:

(2) взрывные < щелевые < носовые < плавные < глайды < гласные

В случае куллуи дуга звучности в целом соблюдается, за исключением сочетаний «щелевой (в случае куллуи они представлены только глухими сибилянтами) + глухой взрывной» в начале слова и некоторых отдельных отклонений. В конечнослоговых кластерах систематических отклонений от представленной выше шкалы звучности нет, можно только отметить, что в нее не вписываются сочетания *lh*, *nh*, по-видимому ведущие себя подобно звонким придыхательным, а также несколько неадаптированных заимствований.

Что касается начальных кластеров, то здесь систематическим нарушением принципа восходящей звучности являются сочетания

[6] Мое исследование основано на наиболее распространенном и исследованном центральном диалекте куллуи. Однако в 2022 г. при исследовании южных диалектов, переходных между идиомами куллуи и мандеали, мной и Е. А. Ренковской было обнаружено, что показатель перфективного причастия *-d-* может после основ на глухой согласный заменяться на *-t-*: *sɛkta* вместо *sɛkda* ‘могущий’, *topta* вместо *topda* ‘ищущий’. Данное явление может свидетельствовать о более широкой распространенности ассимиляции по глухости/звонкости вне пределов слоговых границ.

сибилянтов со взрывными: *sk*, *sk^h*, *st*, *st^h*, *sʈ*, *sp*, *ʃk*, *ʃp*. Это перекликается с дискуссией в работах [Anderson 1969] и [Kenstowicz 1994], изложенной в [Князев 1999: 92–93], о специфическом статусе *s* как «прозрачного» с точки зрения звучности согласного в славянских и даже всех индоевропейских языках. В куллуи, как показывают наши данные, специфично ведет себя также *ʃ*. При этом в начале слова допустимо не только *ʃk*, но и *kʃ*. Кроме того, *h* в кластерах ведет себя как придыхание, поэтому также вызывает отклонения. Другие отклонения среди начальных сочетаний — это отдельные случаи сочетаний *gɖ*, *pt*, *p^{h}ʈ*.

5. Выпадение гласного при изменении слоговой структуры

Рассмотрев сочетания согласных в начале и конце слога, перейдем к вопросу о выпадении и сохранении *ə*. Хотя это явление не ограничивается синхронными чередованиями и может наблюдаться в огромном количестве лексики с диахронической точки зрения, я ограничусь методом внутренней реконструкции, так как моей целью является здесь синхронное описание.

В некоторых случаях словоизменение в куллуи приводит к изменению слоговой структуры. Например, это происходит при образовании множественного числа от существительных женского рода, оканчивающихся на согласный: *sal* ‘год’ — *sa-la* ‘годы’. В подобных случаях в словах, оканчивающихся на *-əC*, происходит выпадение *ə*: *pɛ-lək* ‘ресница’ — *pɛl-ka* ‘ресницы’.

Другими примерами такого выпадения *ə* могут быть формы локатива-аблатива, ср. *bɛ-dən* ‘тело’ — *bɛd-nən* ‘в теле, из тела’, или перфекта из инфинитива:

bɛ-dəl-ŋa ‘меняться’	*bɛd-li* ‘изменилась’
sɔm-bər-na ‘проходить о болезни’	*sɔmb-ru* ‘прошел’
u-b^{h}ər-na ‘входить в транс’	*ub^h-ru* ‘вошел в транс’
ɔ-pəʈ-na ‘помещаться’	*ɔp-ʈi* ‘поместилась’

Аналогичное явление можно наблюдать на примере некоторых словообразовательных суффиксов. Если исходное слово оканчивается на *-əC*, а суффикс начинается на *-V*, происходит выпадение *ə*,

как в случае *su-t^{h}ən* ‘штаны-паджама’ — *sut^h-ɳu* ‘штаны-паджама’; *nɛ-gər* ‘деревня Наггар’ — *nɛg-ri-ja* ‘наггарец’, ср. также:

sun-gər ‘свинья’	*sung-ri* ‘свиноматка’
gi-dəɽ ‘лиса’	*gid-ɽi* ‘лиса (самка)’
kə-bu-tər ‘голубь’	*kə-but-ri* ‘голубка’
ban-dər ‘обезьяна’	*band-ri* ‘обезьяна (самка)’

mən-gəl ‘вторник’	*məng-lu* ‘мужчина, родившийся во вторник’	*məng-li* ‘женщина, родившаяся во вторник’
ʃu-kər ‘пятница’	*ʃuk-ru* ‘мужчина, родившийся в пятницу’	*ʃuk-ri* ‘женщина, родившаяся в пятницу’

nu-kər ‘слуга’	*nuk-ri* ‘служба’
gɛ-rəm ‘теплый’	*gɛr-mi* ‘жара, лето’
dzɛ-k^{h}əm ‘рана’	*dzɛk^h-mi* ‘раненый’
ka-gəz ‘бумага’	*kag-zi* ‘с тонкой скорлупой’
kɛ-ləm ‘привой’	*kɛl-mi* ‘привитый’
dzɛn-gəl ‘лес’	*dzɛng-li* ‘дикий’

В тех случаях, когда по семантическим причинам следует считать суффиксальную лексему исходной, чередования аналогичны:

kuk-ɽi ‘курица’[7]	*kuk-ɽu* ‘цыпленок’	*ku-kəɽ* ‘петух’
dʒug-li ‘пещера’	*dʒug-la* ‘тоннель’	*dʒu-gəl* ‘тоннель’

В некоторых двусложных основах *ə* выпадает при образовании морфологического каузатива, который образуется с помощью *-a-* и некоторых других суффиксов:

bɛ-dəl-ɳa ‘меняться’	*bəd-la-ɳa* ‘менять’
səm-bər-na ‘проходить (о болезни)’	*səmb-rer-na* ‘вылечиваться’

[7] В данном случае слово со значением ‘курица’ является не только обозначением самки, но и общевидовым названием (в связи с тем, что курица является основным сельскохозяйственным животным), и слово со значением ‘петух’ следует считать производным от общевидового обозначения самки. Исторически же они оба являются результатом среднеиндийской суффиксации, поэтому выделить производную и производящую основы не представляется возможным.

Очень часто (хотя не всегда) образовавшиеся сочетания нарушают принцип нисходящей звучности на конце слога (*dl*, *mbr*, *bʰr*, *pɽ*, *dn*, *kr*, *gl*), т. е. допустимы постольку, поскольку они принадлежат различным слогам: *ɔp-ɽi*, *sɔmb-ru*, *bɛd-nən*, *dʒug-li*. В исходной структуре такой кластер, оказавшийся на конце слова или слога, был бы недопустим.

В некоторых случаях выпадение *ə* приводит и к образованию начальных кластеров. В этих глаголах выпадает начальный безударный гласный и *ə* второго слога:

ú-bʰər-na ‘входить в транс’ *bʰrér-na* ‘поручать войти в транс’
ɔ́-pəɽ-na ‘помещаться’ *pɽér-na* ‘класть’

Следующие примеры чуть менее очевидны, так как включают морфонологическое чередование гласных под влиянием переноса ударения, при котором любые гласные в безударной позиции переходят в *ə*, после чего некоторые из них выпадают. Среди них можно выделить две группы: выпадение единственного (и ударного) гласного односложной производящей основы, начального ударного гласного в абсолютном начале слова или после начального *h-*.

Можно заметить, что в первой группе образовавшиеся в результате выпадения *ə* кластеры относятся к двум возможным типам. В большинстве случаев это сочетание взрывного/аффрикаты с сонорным:

tsɔ́m-ɽi ‘кожа’ *tsmar* ‘кожевник’
tsil ‘сосна Роксбурга’ *tslá-ru* ‘хвоя сосны Роксбурга’[8]
bún-na ‘ткать’ *bɳá-i* ‘ткачество’
pɔ́lʰ-na ‘изучать’ *pɽʰá-i* ‘учеба’

tsír-na ‘пилить’ *tsrá-ni* ‘пильщик’ *tsran* ‘распил’
ɖɔr ‘страх’ *ɖráw-ɳa* ‘страшный’ *ɖrá-lu* ‘пугливый’

búɳ-na ‘ткать’ *bɳá-ɳa* ‘поручать ткать’
bɛ́ɳ-na ‘становиться’ *bɳá-ɳa* ‘делать’
ɖɔ́r-na ‘бояться’ *ɖrá-ɳa* ‘пугать’
gʰól-na ‘смешивать’ *gʰlá-ɳa* ‘поручать смешивать’

[8] Суффикс *-aru-*, образующий существительные мужского рода с названием хвои от названий хвойных деревьев.

kʰél-ŋa ‘играть’
kɛ́r-na ‘делать’
pɔ́ʈʰ-na ‘учиться’
ʈʰúr-na ‘бежать’
tɔ́l-ŋa ‘качаться’
tɔ́r-na ‘пересекать’
tsír-na ‘пилить’
dé-ŋa ‘давать’
kʰá-ŋa ‘есть’

kʰlá-ŋa ‘побуждать играть’
krá-ŋa ‘поручать делать’
pʈʰá-ŋa ‘учить’
ʈʰrá-ŋa ‘прогонять’
tlá-ŋa ‘качать’
trá-ŋa ‘помогать пересечь’
tsrá-ŋa ‘поручать пилить’
dlá-ŋa ‘передавать через кого-то’
kʰjá-ŋa ‘кормить’

Другой тип — это сочетания с начальным сибилянтом:

síʈ-ŋa ‘вариться’
ʃúk-ŋa ‘сохнуть’
síʈ-ŋa ‘вариться’
sík-ŋa ‘отодвигаться, уходить’
*sík*ʰ*-ŋa* ‘изучать’
ʃúŋ-na ‘слышать’
ʃɔ́ʈ-na ‘падать’
sĩ-ŋa ‘шить’

sʈé-ŋa ‘варить’
ʃké-ŋa ‘сушить’
sʈó-ŋa ‘варить’
ská-ŋa ‘отодвигать’
skʰá-ŋa ‘учить’
ʃŋá-ŋa ‘рассказывать, исполнять’
ʃɽá-ŋa ‘сбрасывать’
slá-ŋa ‘поручать шить’

Два глагола, дающие начальные кластеры, не относящиеся к этим двум типам:

pʰíʈ-ŋa ‘погибать’
míl-ŋa ‘встречаться’

pʰʈé-ŋa ‘изводить, морить’
mlá-ŋa ‘знакомить’

Очевидно, что все образующиеся в этой группе кластеры принадлежат к разрешенным, в том числе такой редкий, как *pʰʈ*, представлен как одно из начальных сочетаний двух взрывных.

Вторая группа, в которой выпадает гласный производящей основы в абсолютном начале слова или после начального *h*-, вообще не приводит к образованию кластеров:

áge ‘впереди’
úɽəkŋa ‘спотыкаться’
ɔ́lna ‘падать’

híʃŋa ‘гаснуть’

gʰóta ‘ранний (о посеве, урожае)’[9]
ɽəkáŋa ‘ставить подножку’
rélna ‘ронять’ (с каузативным суффиксом *-er-* и метатезой *l* и *r* из-за нетипичности для куллуи *l* в начале слова: **əlérna*>**lérna*>**rélna*)
ʃálna ‘гасить’ (с суффиксом *-al-*)

[9] Из ***əg-ota*, где *-ota* — суффикс прилагательного; придыхательность возникает по аналогии со словом *pətsʰóta* (*pitsʰe* + *-ota*) ‘позднего посева и урожая’.

Данная группа слов свидетельствует о тенденции к выпадению безударных в начале слова или после начального *h*. Я обсуждаю ее, так как рассмотрение всех контекстов, в которых происходит выпадение безударного, необходимо для формулировки условий, при которых он выпадает или сохраняется.

6. Сохранение *ə* при изменении слоговой структуры

Несложно заметить, что все перечисленные выше случаи образуют следующие разрешенные типы начальных кластеров (или не образуют их вовсе):

1) взрывной или аффриката + сонорный (в соответствии с принципом восходящей звучности);
2) сибилянт + любой согласный, кроме звонких взрывных (весьма распространенный тип кластера, разрешенный в начальной позиции в силу особого положения сибилянтов);
3) носовой + плавный (в соответствии с принципом восходящей звучности);
4) лабиальный/велярный + дентальный/ретрофлексный, соответствующие друг другу по признаку глухости/звонкости.

В то же время, если при выпадении *ə* мог бы образоваться кластер, нарушающий принцип восходящей звучности и не входящий в число разрешенных, при аналогичном изменении слоговой структуры выпадения не происходит:

níŋɖ-ŋa ‘полоть’
nɔ́ts-ŋa ‘танцевать’
ú-ʈək-ŋa ‘спотыкаться’
nəŋ-ɖá-ŋa ‘поручать полоть’
nə-tsá-ŋa ‘побуждать танцевать’
ʈə-ká-ŋa ‘ставить подножку’

Выпадения также не происходит, если оно привело бы к сочетанию трех согласных:

sú-na ‘золото’
sá-ri ‘долина Сари, или Сарьял’
tsí-ŋi ‘просо’
tsúŋɖ-na ‘качаться’
ʃúŋ-na ‘слушать’
síng-ŋa ‘нюхать’
sən-jár ‘ювелир’
sər-jál ‘житель долины Сари’
tsəŋ-já-ʈʰa ‘просяная солома’
tsəŋ-ɖá-ŋa ‘качать’
ʃəŋ-já-ŋa ‘рассказывать, исполнять’
səng-já-ŋa ‘давать понюхать’

Кроме того, нельзя сказать, что безударный гласный обязательно выпадает, даже если результирующий кластер относится к разрешенным, здесь можно говорить скорее о выраженной тенденции, чем о строгом правиле. Ср., например:

bɛ́ɻʰ-na ‘увеличиваться, размножаться’	*bə-ɻʰá-ŋa* ‘увеличивать, разводить’
dzɔ́m-ŋa ‘замерзать’	*dzə-má-ŋa* ‘замораживать’
tʰɔ́m-ŋa ‘быть установленным’	*tʰə-má-ŋa* ‘устанавливать’
tsɛ́ɻʰ-na ‘подниматься’	*tsə-ɻʰá-i* ‘подъем’

Рассмотрев все описанные выше случаи выпадения и сохранения редуцированного, можно сделать следующие наблюдения:

1) По-видимому, хотя конечные сочетания *dr*, *tr* присутствуют в нескольких неадаптированных санскритизмах (*rədʒendr* ‘Раджендра’, *mitr* ‘друг’, tʃitr ‘картина’, *pɔwitr* ‘ритуально чистый’), но они не относятся к разрешенным с точки зрения выпадения или сохранения *ə*, ср. *ban-dər* ‘обезьяна’, *tsa-dər* ‘покрывало’, *kə-bu-tər* ‘голубь’, где *ə* сохраняется. Однако более детальное исследование сохранения и выпадения *ə* в этой позиции выходит за рамки синхронного описания, требуя привлечения большого массива этимологических данных.
2) Выпадение *ə* происходит всегда, когда оно приводит к сочетанию не более двух согласных в середине слова, так как в этом случае два согласных будут разделены слоговой границей.
3) Начальные кластеры вида «лабиальный/велярный + дентальный/ретрофлексный, соответствующие друг другу по признаку глухости/звонкости» относятся к разрешенным, хотя встречаются редко.

7. Метатеза

В тех случаях, когда выпадение *ə* может привести к появлению запрещенного типа кластера, может произойти факультативная метатеза:

dəpɔ́hri ~ *ptɔ́hri* ‘полдник’, метатеза *dpɔ* > *pdɔ* + ассимиляция *pd* > *pt*;
nəkóɻa ~ *knóɻa* ‘ноздря’, метатеза *nko* > *kno* по принципу возрастающей звучности;

ləkír ~ klir ‘линия’, метатеза *lki ~ kli* по принципу возрастающей звучности.

8. Заключение

Анализ фонотактики куллуи позволяет прийти к следующим выводам:

1. Слогораздел проходит перед последним согласным кластера. На границе слогов возможны практически любые типы кластеров. В пределах слога запрещены или крайне редки некоторые из них, а именно сочетание разных по признаку глухости/звонкости взрывных запрещено, из сочетаний взрывных изредка встречаются только сочетания вида «лабиальный/велярный + дентальный/ретрофлексный».
2. В начале и конце слога допустимы разные типы кластеров, что в целом согласуется с требованиями восходяще-нисходящей дуги звучности, но с некоторыми отклонениями: в начале слога допустим кластер вида «сибилянт + глухой взрывной», также в любой позиции допустим кластер вида «лабиальный/велярный + дентальный/ретрофлексный».
3. Безударный гласный *ə*, как правило, выпадает в случаях, когда образующийся тип кластера допустим в данной позиции.
4. Иногда выпадение *ə* сочетается с метатезой, образующей допустимый кластер на месте недопустимого.

Литература

Князев 1999 — С. В. Князев. О критериях слогоделения в современном русском языке: теория волны сонорности и теория оптимальности // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 84–102.

Кодзасов 1990 — С. В. Кодзасов. Слог // Лингвистический энциклопедический словарь. В. Н. Ярцева (гл. ред.). М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 470.

Кодзасов, Муравьева 1980 — С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева. Слог и ритмика в алюторском языке // В. А. Звегинцев (общ. ред.). Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. Сборник статей. М.: Издательство Московского университета, 1980. С. 103–128.

Мазурова 2018 — Ю. В. Мазурова. Малые индоарийские языки Северной Индии: язык куллуи // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 82–91.

Ренковская 2019 — Е. А. Ренковская. К вопросу о границах и диалектах языка куллуи // Языки Юго-Западной Азии и Северной Африки. Труды научной конференции. Институт востоковедения РАН, 24–25 апреля 2019 г. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 68–78.

Ренковская, Крылова 2021 — Е. А. Ренковская, А. С. Крылова. Система образования как препятствие для языковой передачи: миноритарные языки Индии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3(33). С. 70–80.

Шумская 2003 — Л. Ш. Шумская. Структура слога в языках панджаби и хинди (экспериментально-фонетическое исследование). Дис. … канд. филол. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2003.

Anderson 1969 — S. R. Anderson. West Scandinavian vowel systems and the ordering of phonological rules. Ph.D. thesis. Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology, 1969.

Easterday 2019 — Sh. Easterday. Highly complex syllable structure: A typological and diachronic study. Berlin: Language Science Press, 2019.

Jespersen 1904 — O. Jespersen. Lehrbuch der Phonetik. Leipzig; Berlin: B. G. Teubner, 1904.

Kenstowicz 1994 — M. Kenstowicz. Phonology in generative grammar. Cambridge (MA); Oxford: Blackwell, 1994.

Ohala 1994 — M. Ohala. Experiments on the syllable in Hindi // 3rd International Conference on Spoken Language Processing, Yokohama, Japan, 18–22 September 1994. P. 487–490.

Ohala 1999 — M. Ohala. The syllable in Hindi // H. van der Hulst, N. Ritter (eds.). The syllable: Views and facts. Berlin; Boston: De Gruyter, 1999. P. 93–112.

Sievers 1881 — E. Sievers. Grundzüge der Phonetik. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1881.

Steriade 2003 — D. Steriade. Syllables in phonology. W. J. Frawley (ed.). International Encyclopedia of Linguistics (электронный ресурс). 2nd edn. Oxford: Oxford University Press, 2003. URL: https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780195139778.001.0001/acref-9780195139778 (дата обращения: 10.06.2025).

Whitney 1865 — W. D. Whitney. On the definition and relations of vowel and consonant // Journal of the American Oriental Society. Vol. 8. P. lxviii–lxix.

References

Anderson 1969 — S. R. Anderson. *West Scandinavian vowel systems and the ordering of phonological rules*. Ph.D. thesis. Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology, 1969.

Easterday 2019 — Sh. Easterday. *Highly complex syllable structure: A typological and diachronic study*. Berlin: Language Science Press, 2019.

Jespersen 1904 — O. Jespersen. *Lehrbuch der Phonetik*. Leipzig; Berlin: B. G. Teubner, 1904.

Kenstowicz 1994 — M. Kenstowicz. *Phonology in generative grammar*. Cambridge (MA); Oxford: Blackwell, 1994.

Knyazev 1999 — S. V. Knyazev. O kriteriyakh slogodeleniya v sovremennom russkom yazyke: teoriya volny sonornosti i teoriya optimalnosti [On the criteria of syllabization in contemporary Russian: The sonority wave and optimality theory]. *Voprosy Jazykoznanija*. 1999. No. 1. P. 84–102.

Kodzasov 1990 — S. V. Kodzasov. Slog [Syllable]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [A linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yartseva (ed.). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. P. 470.

Kodzasov, Muravyeva 1980 — S. V. Kodzasov, I. A. Muravyeva. Slog i ritmika v alyutorskom yazyke [The syllable and rhythmics of the Alyutor language]. V. A. Zvegintsev (ed.). *Aktualnyye voprosy strukturnoy i prikladnoy lingvistiki* [Current issues in structural and applied linguistics]. *Collection of papers*. Moscow: Moscow University Press, 1980. P. 103–128.

Mazurova 2018 — Yu. V. Mazurova. Malyye indoariyskiye yazyki Severnoy Indii: yazyk kullui [Minor Indo-Aryan languages of North India: Kullui]. *Russian Foundation for Basic Research Journal*. 2018. No. 4. P. 82–91.

Ohala 1994 — M. Ohala. Experiments on the syllable in Hindi. *3rd International Conference on Spoken Language Processing, Yokohama, Japan, 18–22 September 1994*. P. 487–490.

Ohala 1999 — M. Ohala. The syllable in Hindi. H. van der Hulst, N. Ritter (eds.). *The syllable: Views and facts*. Berlin; Boston: De Gruyter, 1999. P. 93–112.

Renkovskaya 2019 — E. A. Renkovskaya. K voprosu o granitsakh i dialektakh yazyka kullui [On the problem of boundaries and dialects of the Kullui language]. *Yazyki Yugo-Zapadnoy Azii i Severnoy Afriki* [Languages of South-West Asia and North Africa]. *Conference proceedings. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 24–25 April, 2019*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2019. P. 68–78.

Renkovskaya, Krylova 2021 — E. A. Renkovskaya, A. S. Krylova. Sistema obrazovaniya kak prepyatstviye dlya yazykovoy peredachi: minoritarnyye yazyki Indii [The education system as an obstacle to language transmission: Minor languages of India]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021. No. 3(33). P. 70–80.

Shumskaya 2003 — L. Sh. Shumskaya. *Struktura sloga v yazykakh pandzhabi i khindi (eksperimentalno-foneticheskoye issledovaniye)* [Syllable structure in the Hindi and Punjabi languages: Experimental phonetic research]. Candidate dissertation. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2003.

Sievers 1881 — E. Sievers. *Grundzüge der Phonetik*. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1881.

Steriade 2003 — D. Steriade. Syllables in phonology. W. J. Frawley (ed.). International Encyclopedia of Linguistics. 2nd edn. Oxford: Oxford University Press, 2003. Available at: https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780195139778.001.0001/acref-9780195139778 (accessed on 10.06.2025).

Whitney 1865 — W. D. Whitney. On the definition and relations of vowel and consonant. *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 8. P. lxviii–lxix.

Получено/received 14.08.2024 *Принято/accepted 07.07.2025*

К 50-летию выхода в свет статьи А. А. Зализняка «Морфонологическая классификация древнеиндийских глагольных корней»

Краткие заметки о санскритских чередованиях и о преподавании санскрита

Л. И. Куликов

Гентский университет (Гент, Бельгия);
Католический университет Лувена (Лувен-ла-Нёв, Бельгия);
kulikovli@googlemail.com; ORCID: 0000-0002-7825-4866

Аннотация. Данная статья посвящена системе трехступенчатых чередований гласных в санскрите «нулевая/полная (гуна)/продленная (вриддхи) ступень». Показано, что наиболее полное и в то же время компактное описание этой системы предложено в статье А. А. Зализняка о морфонологии древнеиндийского глагола [1975]. Предлагаются некоторые уточнения к этой системе, в частности, в описании нулевой ступени корней на долгий сонант в безударной позиции. Целесообразность использования этой системы в преподавании санскрита ставится под сомнение в статье Е. А. Десницкой «Преподавание санскрита в современной России» [2020]. В данной работе показаны преимущества описания системы чередований по А. А. Зализняку.

Ключевые слова: глагольная система, индоевропейский аблаут, морфонология, трехступенчатые чередования, преподавание санскрита, санскрит

Благодарности. Пользуюсь случаем поблагодарить А. Выдрина, А. Кейдана и А. Лубоцкого за комментарии и замечания к данной статье. Данное исследование было поддержано исследовательским грантом FWO G004121N.

Для цитирования: Куликов Л. И. Краткие заметки о санскритских чередованиях и о преподавании санскрита // Индоиранские языки. 2025. 1 (2). С. 105–129.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.4

© Л. И. Куликов, 2025

Brief notes on Sanskrit alternations and on teaching Sanskrit

Leonid I. Kulikov

Ghent University (Ghent, Belgium);
Université catholique de Louvain (Louvain-la-Neuve, Belgium);
kulikovli@googlemail.com; ORCID: 0000-0002-7825-4866

Abstract. This article focuses on the system of tripartite vowel alternations in Sanskrit "zero grade / full grade (*guṇa*) / long grade (*vṛddhi*)", going back to Proto-Indo-European ablaut and representing one of the cornerstones of the entire grammatical system of Sanskrit. I argue that the most exhaustive and at the same time compact description of this system is offered in the article by A. A. Zaliznyak on the morphophonology of Old Indian verbal roots [1975]. I propose some corrections to this system, in particular, in the description of the zero grade of roots ending in a long sonant (*-r*, *-m*) in the unaccented position, where the long vowel is shortened (*īr*/*ūr* ⟶ *ir*/*ur*, *ām* ⟶ *am*). Another addition is proposed for the zero grade of the roots in long *ī*, which often exhibit *iy* (not written in standard transliteration, but detectable in metrical texts: *i̯y*) before a vowel: always in the accented position in the earliest parts of the Ṛgveda and sporadically without accent. A few minor changes in the rules of selection of zero grade variants may be necessary if we add to the general system of rules compiled for only verbal roots rules for auxiliary morphemes (primarily suffixes). I also focus on the importance of ablaut alternations for the successful learning of Sanskrit and demonstrate the benefits of using Zaliznyak's system in teaching. Furthermore, I briefly discuss some other aspects of teaching Sanskrit, such as the advantages and shortcomings of some handbooks of Sanskrit.

Keywords: ablaut, Indo-European morphophonology, tripartite alternations, verbal system, Sanskrit, teaching Sanskrit

Acknowledgements. I would like to thank Artemij Keidan, Alexander Lubotsky and Arseniy Vydrin for their comments and remarks on earlier drafts of this paper. This research was generously supported by FWO research grant G004121N.

For citation: Kulikov L. I. Brief notes on Sanskrit alternations and on teaching Sanskrit. *Indo-Iranian languages*. 2025. 1 (2) P. 105–129.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.4

> Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют. Так: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?
>
> *Козьма Прутков.*
> *«Плоды раздумья». Мысли и афоризмы*

1. Предварительные замечания

Предмет данной статьи — система чередований древнеиндийского языка (а не индейских языков — как можно было бы заключить из эпиграфа)[1]. Санскритские чередования, связанные с индоевропейским аблаутом, о которых пойдет речь в основной части статьи, — один из краеугольных камней фундамента санскритской грамматики, адекватное понимание которого является исключительно важным для изучения любых аспектов этого древнего индоевропейского языка, занимающего одно из центральных мест в развитии современной лингвистики. В 2025 г. исполняется 50 лет со дня публикации одной из самых ярких и значительных работ по санскритской морфологии — статьи Андрея Анатольевича Зализняка «Морфонологическая классификация древнеиндийских глагольных корней» [Зализняк 1975], и поныне остающейся непревзойденным образцом компактного и исключительно изящного описания системы чередований в санскрите. Этот юбилей стал

[1] Впрочем, именно ирокезские языки (и языки американских индейцев в целом) заслуживают упоминания в контексте дискуссии об индоевропейских чередованиях по аблауту — и в этом смысле выбор эпиграфа для данной статьи не случаен. В классической работе У. Л. Чейфа [Chafe 1964: 860] отмечается поразительное сходство чередования *e*/*a* в корнях ирокезского языка сенека (например, ступень *a* появляется перед каузативным суффиксом *-t-*) с индоевропейским аблаутом *e*/*o*. Сходные чередования отмечены во многих американдских языках, в частности практически во всех сиуанских [Mirzayan 2024: 1467–1469], например в лакота и виннебаго [Lipkind 1945: 6–8; Chafe 1964: 860], что позволило Чейфу предполагать существование этого чередования уже в прасиу-ирокезском (существование которого, впрочем, не является доказанным); для алгонкинского языка оджибве похожее на аблаут чередование отмечал еще раньше К. К. Уленбек [Uhlenbeck 1909: 36–37; Genee 2003: 153].

одним из поводов обратиться к указанной проблематике и снова взглянуть на материал, обсуждавшийся А. А. Зализняком.

Вторым поводом к написанию этого текста послужила опубликованная в журнале «Asiatica» (том 14, № 2 за 2020 г.) статья кандидата философских наук (2009), выпускницы Восточного факультета СПбГУ Е. А. Десницкой [2020], затрагивающая весьма интересную, но скорее периферийную для данных заметок тему — преподавание санскрита. Объединить эти два сюжета в рамках одной статьи позволило хотя и беглое, но в известном смысле чрезвычайно симптоматичное обращение Е. А. Десницкой к материалу санскритских чередований, которое дает основания вернуться спустя полвека к материалу, блестяще проанализированному А. А. Зализняком в статье 1975 г.

2. О статье [Десницкая 2020]: общие замечания

Не претендуя на подробный критический разбор статьи [Десницкая 2020], замечу, что она оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, автор предлагает вполне содержательный обзор истории изучения и преподавания санскрита в России, указывающий на исторические корни многих сегодняшних проблем в этой области.

С другой стороны, ряд высказываний автора вызывают некоторое недоумение. Так, уже во втором абзаце мы читаем, что «феномен санскрита как классического языка индийской духовной культуры плохо вписывался в господствующую идеологию, поэтому изучение санскрита нуждалось в апологии» [Десницкая 2020: 210]. Мне, пожалуй, не приходилось слышать о каких-либо конфликтах между господствовавшей в Советском Союзе идеологией (очевидно, марксистско-ленинской?) и санскритом как таковым (или даже, в более широкой перспективе, санскритом в роли «классического языка индийской духовной культуры»). Кроме того, не вполне понятно, что автор подразумевает под «апологией». Если понимать под этим термином (например, вслед за словарем под редакцией Д. Н. Ушакова [Ушаков 1935: стлб. 49]) защиту или оправдание[2], тогда то же можно сказать о любой преподаваемой дисциплине. Иными сло-

[2] А не «неумеренное восхваление» или «предвзятую защиту», как толкует это слово Большой академический словарь русского языка [БАС: 238] — рискну предположить, что автор имел в виду не это значение.

вами, любой преподаватель должен уметь внятно объяснить, зачем студентам данной специальности нужен данный предмет. В этом смысле можно говорить, что включение санскрита — как и любой другой дисциплины — в учебную программу требует обоснования («апологии») в любом университете мира.

Разумеется, изучение религий Индии (буддизма, индуизма), Вед и мифологии до известной степени было ограничено рамками дозволенного советской идеологией, но на изучение санскрита как такового[3] никто как будто бы — даже в самые мрачные времена — не накладывал запрет, см., например, вполне разумное упоминание санскрита даже в антологии публикаций Н. Я. Марра, составленной В. Б. Аптекарем [Марр 1933: 71, 81, 146], а также мемуарные заметки Е. А. Земской [Земская 2008: 135, 137] и [Обсуждение 2022: 152–153][4].

Точно так же вызывает недоумение высказывание автора об «общей маргинализации востоковедения в СССР». Возможно, не все аспекты востоковедения были одинаково хорошо представлены в программах высших учебных заведений и научных планах академических институтов, но я не уверен, что есть основания говорить о какой-то особой «маргинализации востоковедения» в Советском Союзе — эта область была не более, а может быть, и менее маргинализована в СССР, чем в других странах мира[5].

---

[3] Я говорю о вполне традиционном изучении языка — его грамматической структуры (фонетики и фонологии, морфологии, синтаксиса) и лексики (словаря) — очевидно, так мы изучаем любой язык, мертвый или современный, будь то английский, санскрит, нидерландский или латынь. Возможно, автор статьи настаивает на изучении именно «феномена санскрита как классического языка индийской духовной культуры» (а не просто санскрита или санскритской грамматики) — однако остается непонятным, в чем должно заключаться такое «феноменологически ориентированное» обучение.

[4] Впрочем, во времена господства марризма могло потребоваться формальное подтверждение лояльности марровскому учению о языке, как вспоминает, в частности, Н. Н. Казанский: «Т. Я. Елизаренкова мне рассказывала, что ее специально допрашивали: с точки ли зрения марризма М. Н. Петерсон излагает литовскую и санскритскую грамматику, и она подтвердила, что грамматика излагается только по Марру», см. [Обсуждение 2022: 153].

[5] Например, если взять в качестве показателя круг преподававшихся в университетах и институтах типа МГИМО восточных языков, для одной только Индии (с Шри-Ланкой) мы насчитаем около десятка языков, по которым набирались учебные группы (санскрит, хинди, урду, бенгали, маратхи, сингальский,

Как вводная часть, так и заключительный раздел («Преподавание санскрита в современной России: проблемы и перспективы») статьи содержат ряд критических высказываний, направленных против дилетантизма в науке в преподавании гуманитарных дисциплин (в частности, санскрита), в первую очередь в том, что касается оценки нынешней ситуации с преподаванием санскрита. Отмечается, что распространение любительской лингвистики вообще (см. [Зализняк 2010; Полиниченко 2012; Волошина 2018]) и любительской санскритологии в частности приводит к лавинообразному размножению санскритских курсов самого разного — в основном весьма низкого — уровня, не в последнюю очередь способствующих распространению всевозможных мифов вокруг санскрита, древней Индии и т. д., что весьма прискорбно — и с этим трудно не согласиться. Эта часть обзора носит тем не менее довольно абстрактный характер, без указания конкретных имен, с критическими замечаниями в духе «если кто-то кое-где у нас порой…»[6], так что читателю остается самому догадываться, кто, по мнению автора, относится к тем преподавателям санскрита и индологам-любителям, «уровень компетенции которых вызывает оправданные сомнения» и против которых нацелена авторская критика.

Имена появляются лишь в тот момент, когда автор переходит к оценке грамматик и учебников и предлагает обзор «учебных пособий для изучения санскрита на русском языке». К сожалению, критика Е. А. Десницкой становится предметной и конкретной (с библиографическими ссылками, именами и т. д.) именно тогда, когда автор вторгается в ту область, в которой, по-видимому, не слишком хорошо разбирается.

панджаби, тамильский, телугу) — таким набором, кажется, не мог похвастаться ни один университет мира.

[6] Например: «в последние годы все большую популярность приобретают курсы санскрита различного уровня и направленности, читаемые всем желающим в очной и онлайн формах. Преподаватели на таких курсах, как правило, не имеют востоковедного образования. В большинстве случаев они изучали санскрит самостоятельно либо под руководством других энтузиастов, и нередко их уровень владения предметом вызывает оправданные сомнения» [Десницкая 2020: 212]; «[л]юбители санскрита, уровень компетенции которых вызывает оправданные сомнения, благодаря активной саморекламе, достаточно широко представлены в медийной повестке и выдают себя за экспертов» [Там же: 218–219].

3. Лингвистические наблюдения в статье [Десницкая 2020] и система чередования гласных

Я не собираюсь обсуждать сравнительно мелкие непоследовательности и логические неувязки в лингвистических рассуждениях Е. А. Десницкой[7]. Остановлюсь лишь на одном — но весьма показательном — «критическом» высказывании, свидетельствующем о непонимании (или незнании) некоторых базовых фактов санскритской грамматики и имеющем непосредственное отношение к основной теме данной статьи.

В обзоре русскоязычных учебников санскрита, в числе недостатков учебника В. А. Кочергиной [Кочергина 1956] автор называет «использование своеобразной трактовки чередования гласных в корнях, предложенной А. А. Зализняком в свете его теоретических построений об аблауте [Зализняк 1987: 810–812], но мало пригодной

[7] Например, автор отмечает, что «[н]екоторые из учебников [на английском и других европейских языках] не слишком удобны для русскоязычного читателя, поскольку содержат избыточные для него объяснения особенностей флективного строя, в частности принципов изменения слов по падежам. Так, в известном учебнике Вальтера Маурера десятки страниц посвящены объяснению написания знаков в письме деванагари» [Десницкая 2020: 216]. С первым утверждением, пожалуй, можно согласиться — по крайней мере в отношении некоторых учебников; но какая логическая связь между первым и вторым предложениями в приведенной цитате? Санскрит (как и русский), безусловно, относится к языкам флективного строя, но при чем тут письмо деванагари?

Не вполне понятно, почему Е. А. Десницкая решила назвать в этом контексте лишь один учебник, Уолтера Морера (1921, Нью-Йорк — 2007, Гонолулу) (а не «Вальтера Маурера»: при транслитерации имени этого американского санскритолога необходимо, разумеется, следовать, правилам английской, а не немецкой орфографии). Речь идет о книге [Maurer 1995], несколько раз перепечатывавшейся (в 2001 и 2004 гг.; в 2009 г., уже посмертно, вышло дополненное переиздание), которую, кстати, многие считают достаточно удачным учебником (в частности, по словам Э. Лейтана, этот учебник рекомендовал изучающим санскрит замечательный австрийский санскритолог Хлодвиг Верба); ср., например, краткий перечень учебников с оценками, впрочем, без подробного обсуждения, в [Лейтан 2011]. Помимо книги У. Морера, есть и другие западные учебники, которые могли бы быть упомянуты как неплохие пособия по изучению санскрита, например, Майкла Каулсона ([Coulson 1976] и многочисленные переиздания), Мадхава Дешпанде [Deshpande 1997/2007] или Сильвэна Броке [Brocquet 2016/2023].

для использования в учебных целях» [Десницкая 2020: 215]. Процитированный критический пассаж основан на целом ряде недоразумений и объясняется, очевидно, поверхностным знакомством Е. А. Десницкой с лингвистическим материалом и недостаточной компетентностью автора в обсуждаемом ею вопросе.

Прежде всего замечу, что В. А. Кочергина в своем учебнике, вышедшем в 1956 г., при всем желании не могла использовать «теоретические построения об аблауте» А. А. Зализняка — работы А. А. Зализняка по санскриту появятся лишь спустя 20 лет (!). Возможно, речь идет об изложении В. А. Кочергиной системы чередований в Занятии X [Кочергина 1956: 50–51] — действительно, весьма путаном и даже содержащем досадные ошибки[8]. К грамматическому очерку А. А. Зализняка, повторяю, это изложение никакого отношения не имеет[9].

Более того, нет никакой «своеобразной трактовки чередования гласных в корнях, предложенной А. А. Зализняком в свете его теоретических построений об аблауте» (равно как и нет каких-то особых «теоретических построений [А. А. Зализняка] об[10] аблауте»), а есть кристально ясное и исчерпывающе полное описание системы чередований гласных (А. А. Зализняк называет их «трехступенчатыми») в санскрите в грамматическом очерке [Зализняк 1978/1987]. Написать так о санскритских чередованиях «нулевая ступень / полная ступень, или guṇa / продленная ступень, или vṛddhi» типа *á-pa-**pt**-at* ‘упал, полетел’ / ***pát**-ati* ‘падает, летит’ / ***pāt**-áya-ti* ‘заставляет падать, лететь’ может только человек, который имеет весьма смутное представление не только об индоевропейском аблауте, но и о санскрит-

[8] Например, имя действия *vṛddhi-* «возрастание, увеличение» названо «пассивным причастием от глагола *vardh*», в то время как на самом деле «пассивным причастием» (точнее было бы сказать «отглагольным прилагательным на *-ta*») является форма *vṛddha-* «возросший» (см., в частности, рецензию Р. П. Миронаса на учебник В. А. Кочергиной [Миронас 1960]).

[9] Могу лишь предположить, что в статье Е. А. Десницкой «наложились» две различные библиографические ссылки: словарь В. А. Кочергиной (первое издание в 1978 г.), в качестве приложения к которому был напечатан грамматический очерк А. А. Зализняка [Зализняк 1978/1987], и появившийся более чем за 20 лет до него учебник В. А. Кочергиной [Кочергина 1956].

[10] Не уверен, что выражение «построения об аблауте» является грамматически правильным словосочетанием русского языка.

ской грамматике. В частности, следует подчеркнуть, что эта система чередований (попутно замечу: не только в корнях, но и в служебных морфемах, в первую очередь в суффиксах, см. примеры ниже) является прямым отражением, или историческим рефлексом, общеиндоевропейской системы чередований по аблауту.

В дополнение к процитированному в статье Е. А. Десницкой очерку грамматики [Зализняк 1978/1987], опубликованному как приложение к словарю В. А. Кочергиной, следует упомянуть также классическую статью [Зализняк 1975], которая хорошо проясняет некоторые нетривиальные моменты устройства санскритской системы чередований, в том числе и те, которые большинство учебников почти не затрагивают или упоминают лишь мимоходом (например, разграничение полноизменяемых и неполноизменяемых корней).

4. Трехступенчатые чередования гласных в санскрите по А. А. Зализняку [1975]

В связи со всем вышесказанным представляется уместным воспроизвести здесь описание системы трехступенчатых чередований в санскритских глагольных корнях с учетом вариантов ступеней, определяемых фонологическими контекстами, в том виде, в каком мы находим его в таблице в статье [Зализняк 1975: 64–65] (упрощенная версия этой таблицы помещена в грамматическом очерке А. А. Зализняка [Зализняк 1978/1987: 811–812]), с минимальными изменениями[11], сопроводив ее краткими комментариями и пояснениями и некоторыми мелкими уточнениями, накопившимися за полвека, прошедшие с момента публикации статьи [Зализняк 1975][12]. Стоит также подчеркнуть, что обсуждаемые ниже уточнения почти не затрагивают систему чередований в том виде, в каком она засвидетельствована в глагольных корнях в классическом санскрите, но либо касаются чередований в некорневых

[11] В частности, не приводится ряд L, представленный единственным корнем.

[12] Используются следующие обобщающие символы: V — гласный, C — согласный, T — шумный согласный, R — сонант, _X — в позиции перед X, X_ — в позиции после X, # — граница между словами.

Таблица 1. Трехступенчатые чередования в глагольных корнях по А. А. Зализняку [1975]
Table 1. Tripartite vowel alternations in verbal roots after Zaliznyak [1975]

Ступень / Фонологический контекст / Ряд чередования			Нулевая				Полная			Продленная		
			_$C_{\neq y}$	_*y*	_V		_$C_{\neq y}$	_*y*	_V	_$C_{\neq y}$	_*y*	_V
					CC_, #C_	VC_, V_, #_						
A (A_1)	общий случай		*Ø*				*a*			*ā*		
	sampra-sāraṇa	YA	*i*				*ya*			*yā*		
		VA	*u*				*va*			*vā*		
		RA	*ṛ*				*ra*			*rā*		
Ā (A_2)	общий случай		*ǐ*		*Ø*		*ā*		*Ø*	*ā*		
	sampra-sāraṇa	YĀ	*ī*		–	*y*	*yā*		*y*	*yā*		
		VĀ	*ū*		*uv*		*vā*		*v*	*vā*		
I (I_1)			*i*		*iy*	*y*	*e*	*ay*		*ai*	*āy*	
Ī (I_2)			*ī*			*íy/(i)y*						
U (U_1)			*u*		*uv*	*v*	*o*	*av*		*au*	*āv*	
Ū (U_2)			*ū*			*úv/(u)v*						
Ṛ (R_1)			*ṛ*	*ri/ṛ*	*ir, ur*	*r*	*ar (ra)*			*ār (rā)*		
Ṝ (R_2)			*ŕ́r, ú́r/(ir, ur)*									
			_$C_{\neq y, v, m}$	***y, v, m***	**CT_, ℝ_**	**VT_, #T_**						
M (M_1)			*a*	*am*	*am*	*m*	*am*			*ām*		
M̃ (M_2)			*ám/(am (?))*									
N (N_1)			*a*	*an*	*an*	*n*	*an*			*ān*		
Ñ (N_2)			*ā*									

морфемах, либо включают особенности наиболее архаичной разновидности санскрита — ведийского языка Ригведы (конец II тыс. до н. э.), что предполагает некоторое расширение по сравнению с областью, обсуждаемой в [Зализняк 1975].

5. Трехступенчатые чередования гласных в грамматической системе санскрита

Почему так важна эта система чередований? На ее основе — т. е. на чередовании нулевой, полной (гуна) и продленной (вриддхи) ступеней — строится вся санскритская грамматика. Без нее невозможны ни корректный анализ, ни тем более синтез любой санскритской формы. Без четкого понимания и освоения этой системы немыслимо изучение санскрита. Не случайно изложение основ этой системы в некоторых учебниках начинается уже в первом уроке, сразу после описания фонологической системы — как, например, в солидном и в целом достаточно удачном учебнике [Brocquet 2016/2023: 26–28]. С каждым морфологическим образованием связана определенная ступень чередования. Например, нулевая ступень ожидается (или, иначе говоря, является грамматически регулярной) в отглагольных прилагательных с суффиксом *-ta-*/*-na-* (традиционно их называют пассивными причастиями прошедшего времени, “р.р.р.”): *kar* (*kṛ*) ‘делать’: ***kṛ****-tá-* ‘сделанный’; *ric* ‘оставлять’: ***rik****-tá-* ‘оставленный’; в деепричастиях (конвербах, абсолютивах) на *-tvā*: ***kṛ****-tvā́* ‘сделав’, ***rik****-tvā́* ‘оставив’. Полная ступень появляется, например, в презенсе I класса (*bhū* ‘становиться’: ***bháv****-ati* ‘становится’; *ji* ‘побеждать’: ***jáy****-ati* ‘побеждает’), в инфинитиве на *-tum* (*kar* (*kṛ*): ***kár****-tum*) и в основе будущего времени на *-sya-* (*ric*: ***rék****-ṣya-te*). Таким образом, информация об ожидаемой ступени является частью описания соответствующей формы (или группы форм) в грамматике.

6. Дополнения и уточнения к описанию чередований гласных по А. А. Зализняку

Перейдем теперь к обсуждению дополнений к приведенной выше таблице — немногочисленных, но тем более интересных.

6.1. Нулевая ступень рядов R_2 и M_2: зависимость долготы гласного от ударения

Вероятно, самое серьезное уточнение касается левой клетки двух рядов с долгими сонантами (= корни типа seṭ), $\bar{R}$ и $\bar{M}$ (R_2 и M_2)[13], в контексте перед согласным. Хорошо известно, что стандартная манифестация нулевой ступени в этом случае содержит долгий гласный перед консонантным вариантом соответствующего сонанта (*V̄R*): *īr* или *ūr* для $\bar{R}$ (R_2) (например, *jar*^{i} (*j̊r̄*) ‘стареть’: презенс IV класса *jū́ryati* (RV) и ***jī́r****yati* (AV+), прилагательное ***jū́r***$_{i}$***ya-*** ‘старый’; *dar*^{i} (*d̊r̄*) ‘трескаться, ломать(ся)’: презенс IV класса ***dī́r****yate* или ***dīr****yáte*, отглагольное прилагательное ***dīr****ṇá-*; *par*^{i} (*p̊r̄*) ‘наполнять(ся)’: презенс IV класса ***pū́r****yate* или ***pūr****yáte*, отглагольное прилагательное ***pūr****ṇá-*; *tar*^{i} (*t̊r̄*) ‘преодолевать, пересекать’: презенс IV класса ***tū́r****vati*; ***tū́r****ya-* ‘преодоление, победа’, деепричастие (конверб) *vi-****tū́r****yā* ‘проникнув’ RV 10.68.3c) и *ām* для $\bar{M}$ (M_2), например, *śram*^{i} ‘трудиться, изнуряться’: презенс IV класса ***śrā́m****yati*, отглагольное прилагательное ***śrān****tá-*. Однако для обоих рядов есть исключения — морфологические образования с кратким гласным: *VR* вместо *V̄R*, ср. *jar*^{i}: ***ajur****yá-* (прилагательное) ‘нестареющий’, PART.PF.ACT ***ju jur****vā́n*; *tar*^{i}: 1PL.OPT.AOR ***tur****yāma*, INF ***tur****váṇe* и т. д.

Как показал А. Лубоцкий [Lubotsky 1997], в случае ряда R_2 для фонологического контекста *C_YV*, где *Y* = *y*, *v* (в праиндоевропейской реконструкции мы имеем дело с цепочкой **CRHYV*), такого рода примеры не являются случайными исключениями, а объясняются специальным правилом:

**ŕ̥H* > *ír* или *úr* | *C_YV* (*jū́r*$_{i}$*ya-*, *tū́rvati*, *dī́ryate*, *pū́ryate*)
**r̥H* > *ir* или *ur* | *C_YV* (*ajuryá-*, *turváṇe*)

Иными словами, в контексте перед *y* или *v*, за которым следует гласный, долгота присутствует только под ударением[14], а в иных случаях *ī*/*ū* сокращается в *i*/*u*.

---

[13] Я использую два типа обозначения: первый — принятый А. А. Зализняком, второй, альтернативный, с долготами вместо подстрочного индекса $_2$ — как более мнемонический.

[14] Речь идет, разумеется, о праиндоевропейском ударении, в основном сохранившемся в ведийском; в послеведийском (классическом) санскрите оно утрачивается.

Исключения из этого правила (типа 2SG.OPT.PF *-pupūr$_i$yāḥ* RV 5.6.9c: ударение ожидается на конечном слоге: **-pupūr$_i$yā́ḥ*) объясняются парадигматическими выравниваниями, морфологическими аналогиями и/или разного рода вторичными изменениями (например, *dīryáte* и *pūryáte* с суффиксальным ударением в диалектах / традициях Атхарваведы, Майтраяни-Катхаки и Шатапатха-Брахманы; о ведийских диалектах см., в частности, [Kulikov 2012: 710–714; Куликов 2014]).

По всей видимости, аналогичное правило действует для ряда M_2:

**ṃ̥H > ā́m | C_YV*
**ṃ̥H > am | C_YV*

Это правило объясняет в том числе примечательное различие в долготе корневого гласного между презенсами IV класса (с ударением на корне) и презентными пассивами (с ударением на суффиксе *-yá-*), образованными от корней M_2, ср. ***śā́m****yati* ‘успокаивается, умиротворяется’, ***śrā́m****yati* ‘трудится, изнуряется’[15] ~ ***kram****yáte* TS 1.7.6.2 ‘(шаг) делается’ (букв. ‘шагается’), ***dham****yate* RV 10.135.7c ‘(во флейту) дуют’ (букв. ‘(флейта) дуется’); см. [Kulikov 2012: 126–127]. Общей для рядов R_2 и M_2, по-видимому, является единая схема их манифестации в нулевой ступени перед *y* или *v*, следующая модели *V̄R | _y, v*. Очевидно, именно в такой цепочке из долгого гласного и сонанта в этой позиции происходило сокращение долготы в случае безударности.

6.2. Нулевая ступень рядов I_2 и U_2 перед гласным

Еще одно дополнение, требующееся в том случае, если учитывать материал не только классического, но и ведийского санскри-

[15] К этому же классу может примыкать послеведийский медиальный презенс ***bhrām****yate*, несколько раз засвидетельствованный в двух сравнительно поздних упанишадах, Майтраяни и Шветашватара. По крайней мере для некоторых контекстов возможен непассивный анализ (‘бродить, хаотично двигаться’), что позволяет поместить этот презенс в IV класс (что объясняет долготу в корне); хотя в некоторых случаях не исключена интерпретация как пассива, образованного от каузатива *bhrāmayati* и сохраняющего долготу в корне как в каузативной основе. Кроме того, не вполне ясен тип корня *bhram*$^{(i)}$ — seṭ [LIV: 94] или aniṭ [EWAia II: 279]; см. [Kulikov 2012: 773–775].

та (и в первую очередь — его древнейшей разновидности, языка Ригведы), также касается нулевой ступени двух рядов с долгими сонантами, $\bar{I}$ (I_2) и $\bar{U}$ (U_2), в позиции перед гласным после одиночного неначального согласного (VC_V). В классическом санскрите единственно возможный в этом контексте вариант — *y*, в строгом соответствии со схемой А. А. Зализняка (варианты *iy* и *uv* появляются после цепочки из двух или более согласных и после одиночного начального согласного: CC_V, #C_V). В ведийском языке архаичного периода, известном нам по метрическим текстам Ригведы и Атхарваведы, ситуация несколько сложнее. В общем и целом, «вокализованные» варианты *iy* и *uv* применяются в большем количестве контекстов, однако традиционная нотация соответствующих форм в основном следует правилам классического санскрита, хотя и не всегда последовательно. Однако метрический текст, в котором количество слогов внутри пады (стихотворной строки), как правило, строго фиксировано и который тем самым показывает, как произносилась соответствующая форма в действительности, во многих случаях требует произношения $_i y / _u v$ (в соответствии с принятой в настоящее время в санскритологии нотацией, где подстрочное $_i / _u$ обозначает гласный, произносимый metri causa и в нарушение буквальной транслитерации). В языке Ригведы — древнейшего ведийского текста — действует правило об обязательном «восстановлении» (или, точнее, если формулировать это правило в диахронической перспективе, см. [Kuiper 1987; Lubotsky 1997: 150–151], — сохранении) гласного под основным ударением udātta (что видно по обозначаемому грависным акцентом нисходящему ударению svarita на последующем слоге), ср., например, в следующем примере из стиха размера гаятри, состоящего из трех восьмисложных строк: *ásya vratáni nā́dhṛṣe' pávamānasya dūḍh**i**y**à*** ‘Не покуситься на заветы этого / Паваманы злоумышленнику’ (перев. Т. Я. Елизаренковой) RV 9.53.3ab, в деванагари दू॒ढ्या॑ (фактически *dūḍh**i**y**à***, хотя обычно ударение на подстрочном гласном не ставится), косвенные падежи многочисленных имен на *ī́-*/*ū́-* (например, формы от основы *suprāvī́-*/*suprāv**i**y-* ‘хорошо идущий к цели; ревностный’: ACC.SG *suprāv**i**y**àm***, DAT.SG *suprāv**i**y**è*** и т. д.). В безударной позиции этот гласный может утрачиваться, но в ранних частях Ригведы (фамильных мандалах)

формы с сохранением гласного еще встречаются достаточно часто. Так, от слабой основы перфекта *vivy-* (корень *vyā*, *vī* ‘покрывать’) засвидетельствовано медиальное причастие *viv*$_{(i)}$*yāná-*, один раз с сохранением $_i$ (*viv*$_i$*yāná*[*ḥ*] RV 1.130.4d) и один раз без $_i$ (*vivyānáś* RV 5.29.4b), и форма 3SG.MED *vivyé* (два раза, в обоих случаях без $_i$: *vivyé*).

От корня *vī* ‘следовать’ находим формы корневого презенса: медиальное причастие *v*$_i$*yāná-* (один раз) и формы с активной морфологией, в частности 3PL.IMPV *v*$_i$*yántu* — почти всегда с сохранением $_i$ (из семи употреблений только раз *vyántu*, в RV 7.19.6), сходным образом в активном причастии того же презенса (из шести только два раза *vyántu*, оба в поздней первой мандале в строфе RV 1.127.5).

У сходного корня *dhī* ‘размышлять’ для засвидетельствованной два раза формы 3SG.MED один раз зафиксирован вариант с сохранением гласного (*dī́dh*$_i$*ye* RV 5.33.1a), а перфектное медиальное причастие *dī́dh*$_i$*yāna-* почти всегда встречается с $_i$*y* (13 раз), кроме одного случая *pra-dī́dhyānā* (опять-таки в поздней первой мандале в RV 1.113.10d) в начальной позиции в паде.

Ситуация дополнительно осложняется тем, что стандартная нотация (в частности, версия падапатхи) не всегда последовательна и варьирует между написанием без сохранения гласного (ср. 3SG.MED.PF *dī́dh***i***ye* RV 5.33.1a) и, реже, с сохранением гласного (ср. 3PL.ACT.PF *dīdh***iy***ur* RV 10.40.10b).

6.3. Трехступенчатые чередования гласных в некорневых морфемах (суффиксах)

Наконец, важно также отметить, что область применения описанной в приведенной выше таблице схемы не ограничивается, разумеется, глагольными корнями и корнями вообще, а распространяется также на служебные морфемы — в первую очередь на суффиксы. В области именного словоизменения хорошей иллюстрацией является парадигма имен с основой на *-an-*, где все три ступени чередования засвидетельствованы для суффикса *-an-* (*-n-*/*-a-*, *-an-*, *-ān-*): *rā́j-an-* ‘царь’: DAT.SG *rā́j-***ñ***-e* (нулевая ступень в позиции перед гласным); INS.PL *rā́j-***a***-bhiḥ* (нулевая ступень в позиции между согласными); LOC.SG *rā́j-***an***-i* (ведийская форма) или VOC.SG *rāj-***an**

(полная ступень, или guṇa); ACC.SG *rā́j-**ān**-am* (продленная ступень, или vṛddhi). Примером чередования в глагольной парадигме может служить презентный суффикс V класса *-nu-/-nv-/-no-/-nav-*, как, например, в спряжении глагола *kṛ* ‘делать’: 3SG.IND.MED *kṛ-**ṇu**-té*, 3PL.IND.ACT *kṛ-**ṇv**-ánti* (нулевая ступень в позиции перед согласным или гласным соответственно); 3SG.IND.ACT *kṛ-**ṇó**-ti*, 1SG.SUBJ.ACT *kṛ-**ṇáv**-āni* или 3SG.SUBJ.ACT *kṛ-**ṇáv**-a-ti* (полная ступень в позиции перед согласным или гласным соответственно).

В связи с этим расширением применения таблицы следует также оговорить, что существуют небольшие отличия между контекстными правилами выбора манифестации ступени чередования для корней и для суффиксов. Так, нулевая ступень упомянутого выше презентного суффикса V класса в позиции перед гласным зависит также от левого контекста и может реализовываться 1) после корня, оканчивающегося на согласный: как *-nuv-* (т. е. так же, как предписывается таблицей чередований в глагольных корнях), ср. *āp* ‘достигать’: 3PL.ACT *āp-**nuv**-anti*; или 2) после корня, оканчивающегося на гласный: как *-nv-* (вариант нулевой ступени, не зафиксированный для корней), ср. *kṛ-**ṇv**-ánti*; *su* ‘выжимать’: 3PL.ACT *su-**nv**-ánti*. Интересно, что даже в тех сравнительно немногочисленных случаях, когда фонологический контекст для корня ряда U в нулевой ступени идентичен контексту манифестации нулевой ступени суффикса *-nv-* (т. е. глагольный корень оказывается между гласными: V_V), корень появляется в виде *-Cuv-*, а не *-Cv-*, ср. *nu* ‘реветь’: 3PL.ACT перфекта с интенсивной редупликацией *no**nuv**ur* (в ведийском: RV 6.45.25; см. об этой форме [Kümmel 2000: 283]) и 3PL.ACT обычного перфекта *nu**nuv**uḥ* (в классическом санскрите), но не ** *no**nv**ur*, ** *nu**nv**uḥ*; *lū* ‘резать’: формы перфекта 3DU.ACT *lu**luv**atuḥ*, 2PL.MED *lu**luv**idhve* (или *lu**luv**iḍhve*, см. [Böhtlingk, Roth 1868 [PW 6]: 567]), но не ** *lu**lv**atuḥ*, ** *lu**lv**idhve*.

Очевидно, для описания такого рода различий при выборе варианта ступени чередования необходимо будет ввести в некоторых случаях параметр «тип морфемы» (корень/суффикс).

Тем не менее даже в таком, отредактированном и несколько «утяжеленном» виде, таблица трехступенчатых чередований по А. А. Зализняку остается шедевром компактности и элегантности.

7. Трехступенчатые чередования в грамматиках и в преподавании: заключительные замечания

В завершение этого краткого обсуждения замечу, что некоторые участки (клетки) этой таблицы вызывают определенные затруднения не только у начинающих изучать санскрит студентов, но и у профессиональных санскритологов, что может даже приводить к ошибочным формулировкам в грамматиках. Например, грамматика С. Сани [Sani 2012] характеризует ступень чередования *ām* для корней ряда M̄ (M_2 = с долгим сонантом), типа *śam* ‘успокаивать(ся)’, *śram* ‘трудиться, изнуряться’, в морфологических образованиях, требующих нулевую ступень (т. е. в таких формах, как презенс IV класса *śrāmyati*), как продленную[16]. Это, разумеется, неверно: на самом деле мы имеем здесь дело с нулевой ступенью, регулярная манифестация которой для корней этого ряда — *ām*, см. выше (в отличие от ряда N_2, где нулевая ступень — *ā*, ср., например, *jan* ‘рождать(ся)’: ***jātá-*** ‘рожденный, родившийся’), совпадающая таким образом с продленной ступенью (подробнее см. [Kulikov 2012: 5–6] и в рецензии на грамматику С. Сани [Kulikov 2017: 312])[17].

Завершая свои заметки и возвращаясь к проблемам преподавания санскрита, отмечу, что в своих курсах я всегда рекомендую

---

[16] При описании презенсов IV класса: «Alcune radici in *-m-* come *tam* “irrigidirsi”, *śram* “affaticarsi” mostrano il grado vṛddhi: *tāmyati*, *śrāmyati*» (‘Некоторые корни на *-m-*, такие как *tam* “напрягаться[, задыхаться, утомляться. — *Л. К.*]”, *śram* “утомляться[, усердно трудиться. — *Л. К.*]”, демонстрируют ступень чередования вриддхи: *tāmyati*, *śrāmyati*’) [Sani 2012: 78]. Отмечу, что в индийской традиции (в грамматике Панини) такие формы описываются иначе: предписывается удлинение корневого гласного, но не ступень вриддхи (сутра Pāṇ. 7.3.74: *śamām aṣṭānāṃ dīrghaḥ śyani* ‘у восьми [корней, начиная с] *śam*, перед [презентным суффиксом] *-ya-* [корневой гласный] — долгий’).

[17] Обсуждению соотношения нулевых ступеней рядов с долгим назальным (N_2 и M_2) и их генезису посвящена довольно значительная литература. Предполагается, что первоначально нулевые ступени в позиции перед согласным были сходными, но до сих пор остается открытым вопрос, как именно они выглядели: *ā* в обоих случаях (как полагал Я. Ваккернагель), или *ān* и *ām* соответственно (так считал, например, А. Мейе); еще одна точка зрения представлена Е. Куриловичем, который реконструировал нулевые ступени с краткими гласными (*an* и *am*) на основании форм типа *dhamyate* и *tanyati* ‘гремит’. См. краткий обзор и литературу в [Kulikov 2012: 5–6].

использовать именно схему А. А. Зализняка, которая позволяет компактно представить всю систему чередований в виде единственной таблицы на одну страницу и содержит всю необходимую информацию. С моей точки зрения, это самый точный, адекватный и **простой** способ подачи соответствующих сведений из грамматики санскрита, позволяющий безошибочно анализировать и образовывать санскритские формы[18]. Эта таблица — отправной момент для построения любой санскритской формы: с нее (точнее, с поиска нужной клетки в этой таблице) начинается синтез любого морфологического образования. Без использования информации, содержащейся в этой таблице, не построить ни одной санскритской формы, и с разъяснения этого факта должно начинаться изложение основ санскритской морфологии.

Возвращаясь к статье Е. А. Десницкой, приходится констатировать, что в результате недостаточной компетентности автора в той области, которой посвящена статья (т. е. в области санскритской грамматики), получился «критический обзор», критикующий, среди прочего, недостатки и ошибки, в которых можно упрекнуть самого автора статьи. В частности, автор, попутно перепутав несколько библиографических ссылок и приписав огрехи учебника В. А. Кочергиной грамматическому очерку А. А. Зализняка, рекомендует не пользоваться при изучении санскрита грамматикой [Зализняк 1978/1987] не в силу своих личных пристрастий[19], а просто

[18] Верно и обратное: мой собственный многолетний опыт преподавания санскрита студентам целого ряда университетов показывает, что нетвердое знание основ этой системы приводит к частым ошибкам как при порождении (синтезе), так и при анализе санскритских форм.

[19] В конце концов, по какому учебнику или грамматике учить студентов — дело вкуса. Кто-то предпочитает, к примеру, учебник Карла Бюлера (1-е изд. [Bühler 1883]), многократно переиздававшийся и переведенный на другие языки, в том числе на английский (переработанный Э. Д. Перри [Perry 1885] и также выдержавший многочисленные переиздания), польский и русский (под редакцией Ф. И. Щербатского; по русскому переводу [Бюлер 1923] я учил санскрит у Татьяны Яковлевны Елизаренковой в 1980-е гг.), а кто-то — учебник Мадхава Дешпанде [Deshpande 1997/2007] или Адольфа Штенцлера [Stenzler 1868/1995], многократно перепечатывавшийся в Германии, редактировавшийся такими выдающимися санскритологами, как Рихард Пишель, Карл Гельднер и Альбрехт Вецлер (начиная с 18-го изд. 1995 г.) и используемый

потому, что не понимает того, что написано в соответствующем разделе этой грамматики.

Увы, приходится признать, что, как было точно подмечено одним из участников обсуждения статьи Е. А. Десницкой в социальных сетях, «статья — симптом той болезни, которую она пытается диагностировать».

Воистину: *Medice, cura te ipsum! — Врачоу, исцѣлися самъ!* (Лк. 4:23).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; ACT — активный залог; AOR — аорист; DAT — датив; DU — двойственное число; IND — индикатив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; MED — медиальный залог; OPT — оптатив; PART — причастие; PF — перфект; PL — множественное число; SG — единственное число; SUBJ — субъюнктив; VOC — вокатив.

Литература

БАС — К. С. Горбачевич (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. I: *А—Бишь.* М.; СПб.: Наука, 2004.

Бюлер 1923 — Г. И. Бюлер. Руководство к элементарному курсу санскритского языка. Стокгольм: Б. и., 1923.

Волошина 2018 — О. А. Волошина. «Система этимологии» Ф. И. Буслаева, или о сравнении русских слов с санскритскими // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. Т. 4. № 273. С. 94–99.

Десницкая 2020 — Е. А. Десницкая. Преподавание санскрита в современной России // Asiatica: Труды по философии и культурам Востока. 2020. Т. 14. № 2. С. 209–219.

Зализняк 1975 — А. А. Зализняк. Морфонологическая классификация древнеиндийских глагольных корней // Т. Я. Елизаренкова (ред.). Очерки по фонологии восточных языков. М.: Наука, 1975. С. 59–85.

Зализняк 1978/1987 — А. А. Зализняк. Грамматический очерк санскрита // В. А. Кочергина. Санскритско-русский словарь. М.: Русский язык, 1987. С. 785–895. (1-е изд. 1978.)

Зализняк 2010 — А. А. Зализняк. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русскій міръ, 2010.

Земская 2008 — Е. А. Земская. Мои учителя: из воспоминаний филолога // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 134–140.

во многих немецких университетах; в Лейденском университете уже много лет пользуются учебником Яна Гонды [Gonda 1966].

Кочергина 1956 — В. А. Кочергина. Начальный курс санскрита. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956.

Куликов 2014 — Л. И. Куликов. Общеиндоарийские сибилянты в Атхарваведе: заметки по ведийской диалектологии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2014. Т. X. Ч. 1. С. 178–201.

Лейтан 2011 — Э. Лейтан. Очередное переиздание Бюлеровского «Санскрита» на русском // LiveJournal (электронный ресурс). 14.06.2011. URL: https://edgar-leitan.livejournal.com/149253.html (дата обращения 25.02.2025).

Марр 1933 — В. Б. Аптекарь (сост.). Вопросы языка в освещении яфетической теории: Избранные отрывки из работ акад. Н. Я. Марра. Л.: Государственная академия истории материальной культуры, 1933.

Миронас 1960 — Р. П. Миронас. Рец. на: В. А. Кочергина. Начальный курс санскрита (Изд. АН СССР. М., 1956.) // Kalbotyra. 1960. Vol. 2. P. 195–198.

Обсуждение 2022 — Обсуждение доклада Л. И. Куликова «Сталин и “курско-орловский диалект”: К истории одной лингвистической загадки» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). Серия III: Филология. 2022. № 72. С. 149–169.

Полиниченко 2012 — Д. Ю. Полиниченко. Неоязычество и любительская лингвистика в современной России // Jazyk a kultúra. 2012. No. 12. P. 1–10.

Ушаков 1935 — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. I: *А—Кюрины*. М.: Советская энциклопедия, 1935.

Böhtlingk, Roth 1868 [PW 6] — O. Böhtlingk, R. Roth. Sanskrit-Wörterbuch. 6. Theil: *ya-va*. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1868.

Brocquet 2016/2023 — S. Brocquet. Grammaire élémentaire et pratique du sanskrit classique: avec exercices corrigés et textes expliqués. (Langues et cultures anciennes 26.) 3e éd. Bruxelles: Éditions Safran, 2023. (2e éd. 2016.)

Bühler 1883 — G. Bühler. Leitfaden für den Elementarcursus des Sanskrit: mit Übungsstücken und zwei Glossaren. Wien: Carl Konegen, 1883.

Chafe 1964 — W. L. Chafe. Look at Siouan and Iroquoian // American Anthropologist. 1964. Vol. 66. No. 4. Pt. 1. P. 852–862.

Coulson 1976 — M. Coulson. Sanskrit. London: Hodder and Stoughton, 1976.

Deshpande 1997/2007 — M. M. Deshpande. Saṃskṛtasubodhinī: A Sanskrit primer. (Michigan Papers on South and Southeast Asia Studies 47.) 5th printing. Ann Arbor: University of Michigan, 2007. (1st printing 1997.)

EWAia II — M. Mayrhofer. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. II. Heidelberg: Winter, 1996.

Genee 2003 — I. Genee. An Indo-Europeanist on the prairies: C. C. Uhlenbeck’s work on Algonquian and Indo-European // H. C. Wolfart (ed.). Papers

of the 34th Algonquian Conference: 2002, Kingston, Ontario. Winnipeg: University of Manitoba, 2003. P. 147–164.

Gonda 1966 — J. Gonda. A concise elementary grammar of the Sanskrit language: with exercises, reading selections, and a glossary. Leiden: Brill, 1966.

Kuiper 1987 — F. B. J. Kuiper. Rigvedic *súar* and *tvám* // Indo-Iranian Journal. Vol. 30. No. 1. P. 1–8.

Kulikov 2012 — L. Kulikov. The Vedic *-ya-*presents: Passives and intransitivity in Old Indo-Aryan. (Leiden studies in Indo-European 19.) Amsterdam; New York: Rodopi, 2012.

Kulikov 2017 — L. Kulikov. Review of: Saverio Sani, Grammatica sanscrita. 2nd ed. Pisa, Roma, 2012 // Journal of South Asian Languages and Linguistics. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 311–313. DOI: https://doi.org/10.1515/jsall-2017-0011.

Kümmel 2000 — M. J. Kümmel. Das Perfekt im Indoiranischen: eine Untersuchung der Form und Funktion einer ererbten Kategorie des Verbums und ihrer Weiterentwicklung in den altindoiranischen Sprachen. Wiesbaden: Reichert, 2000.

Lipkind 1945 — W. Lipkind. Winnebago grammar. New York: King's Crown Press, 1945.

LIV — H. Rix, M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer (Hrsg.). Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. 2. Auflage. Wiesbaden: Reichert, 2001.

Lubotsky 1997 — A. Lubotsky. The Indo-Iranian reflexes of PIE **CRHUV* // A. Lubotsky (ed.). Sound law and analogy: Papers in honor of Robert S. P. Beekes on the occasion of his 60th birthday. (Leiden studies in Indo-European 9.) Amsterdam: Rodopi, 1997. P. 139–154. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004658844_019.

Maurer 1995 — W. H. Maurer. The Sanskrit language: An introductory grammar and reader. Richmond: Curzon Press, 1995.

Mirzayan 2024 — A. Mirzayan. Sketch of the Siouan language family // C. Dagostino, M. Mithun, K. Rice (eds.). The languages and linguistics of indigenous North America: A comprehensive guide. Vol. 2. (The World of Linguistics 13.2.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2024. P. 1447–1518. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110712742-056.

Perry 1885 — E. D. Perry. A Sanskrit primer: Based on the Leitfaden für den Elementar-Cursus des Sanskrit of professor Georg Bühler of Vienna. Boston: Ginn and Company, 1885.

Sani 2012 — S. Sani. Grammatica sanscrita. (Orientamenti Linguistici 27.) II ed. Pisa; Roma: Fabrizio Serra editore, 2012.

Stenzler 1868/1995 — A. F. Stenzler. Elementarbuch der Sanskrit-Sprache: Grammatik, Texte, Wörterbuch. Berlin: de Gruyter, 1995. (1. Auflage. Breslau: Mälzer, 1868.)

Uhlenbeck 1909 — C. C. Uhlenbeck. Grammatische onderscheidingen in het Algonkisch, voornamelijk gedemonstreerd aan het Otchipwe-dialect // Verslagen en mededeelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen. Afdeeling Letterkunde. 4e Reeks. 1909. Deel X. P. 20–39.

Источники

Pāṇ. — O. Böhtlingk (Hrsg.). *Pâṇini's Grammatik (Aṣṭādhyāyī).* Leipzig: Haessel, 1887.

RV — B. A. van Nooten, G. B. Holland (eds.). *Rig Veda: A metrically restored text with an introduction and notes.* (Harvard Oriental Series 50.) Cambridge (MA): Harvard University Press, 1994.

TS — A. Weber (Hrsg.). *Die Taittirîya-Saṃhitâ.* (Indische Studien 11–12.) 2 Theile. Leipzig: Brockhaus, 1871–1872.

References

BAS — K. S. Gorbachevich (ed.). *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka.* T. I: *A—Bish'* [Great academic dictionary of the Russian language. Vol. I: *A—Bish'*]. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 2004.

Böhtlingk, Roth 1868 [PW 6] — O. Böhtlingk, R. Roth. *Sanskrit-Wörterbuch.* 6. Theil: *ya-va.* Sankt Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1868.

Brocquet 2016/2023 — S. Brocquet. *Grammaire élémentaire et pratique du sanskrit classique : avec exercices corrigés et textes expliqués.* (Langues et cultures anciennes 26.) 3e éd. Bruxelles: Éditions Safran, 2023. (2e éd. 2016.)

Bühler 1883 — G. Bühler. *Leitfaden für den Elementarcursus des Sanskrit: mit Übungsstücken und zwei Glossaren.* Wien: Konegen, 1883.

Bühler 1923 — G. I. Bühler. *Rukovodstvo k elementarnomu kursu sanskritskogo yazyka* [Guide to the elementary course on the Sanskrit language]. Stockholm: S. n., 1923.

Chafe 1964 — W. L. Chafe. Look at Siouan and Iroquoian. *American Anthropologist.* 1964. Vol. 66. No. 4. Pt. 1. P. 852–862.

Coulson 1976 — M. Coulson. *Sanskrit.* London: Hodder and Stoughton, 1976.

Deshpande 1997/2007 — M. M. Deshpande. *Saṃskṛtasubodhinī: A Sanskrit primer.* (Michigan Papers on South and Southeast Asia Studies 47.) 5th printing. Ann Arbor: University of Michigan, 2007. (1st printing 1997.)

Desnitskaya 2020 — E. A. Desnitskaya. Prepodavanie sanskrita v sovremennoy Rossii [Sanskrit instruction in modern Russia]. *Asiatica: Trudy po filosofii i kul'turam Vostoka.* 2020. Vol. 14. No. 2. P. 209–219.

EWAia II — M. Mayrhofer. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd. II. Heidelberg: Winter, 1996.

Genee 2003 — I. Genee. An Indo-Europeanist on the prairies: C. C. Uhlenbeck's work on Algonquian and Indo-European. H. C. Wolfart (ed.). *Papers of the 34th Algonquian Conference: 2002, Kingston, Ontario*. Winnipeg: University of Manitoba, 2003. P. 147–164.

Gonda 1966 — J. Gonda. *A concise elementary grammar of the Sanskrit language: with exercises, reading selections, and a glossary*. Leiden: Brill, 1966.

Kochergina 1956 — V. A. Kochergina. *Nachal'nyy kurs sanskrita* [Basic course on Sanskrit]. Moscow: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1956.

Kuiper 1987 — F. B. J. Kuiper. Rigvedic *súar* and *tvám*. *Indo-Iranian Journal*. 1987. Vol. 30. No. 1. P. 1–8.

Kulikov 2012 — L. Kulikov. *The Vedic* -ya-*presents: passives and intransitivity in Old Indo-Aryan*. (Leiden Studies in Indo-European 19.) Amsterdam: Rodopi, 2012.

Kulikov 2014 — L. I. Kulikov. Obshcheindoariyskiye sibilyanty v Atharvavede: zametki po vediyskoy dialektologii [Common Indo-Aryan sibilants in the Atharvaveda: Notes on Vedic dialectology]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2014. Vol. X. Pt. 1. P. 178–201.

Kulikov 2017 — L. Kulikov. Review of: Saverio Sani, *Grammatica sanscrita*. 2nd ed. Pisa, Roma, 2012. *Journal of South Asian Languages and Linguistics*. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 311–313. DOI: https://doi.org/10.1515/jsall-2017-0011.

Kümmel 2000 — M. J. Kümmel. *Das Perfekt im Indoiranischen: eine Untersuchung der Form und Funktion einer ererbten Kategorie des Verbums und ihrer Weiterentwicklung in den altindoiranischen Sprachen*. Wiesbaden: Reichert, 2000.

Leytan 2011 — E. Leytan. Ocherednoe pereizdanie Byulerovskogo "Sanskrita" na russkom [Yet another reprint of Bühler's "Sanskrit" in Russian]. *LiveJournal*. 14.06.2011. Available at: https://edgar-leitan.livejournal.com/149253.html (accessed on 25.02.2025).

Lipkind 1945 — W. Lipkind. *Winnebago grammar*. New York: King's Crown Press, 1945.

LIV — H. Rix, M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer (Hrsg.). *Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. 2. Auflage. Wiesbaden: Reichert, 2001.

Lubotsky 1997 — A. Lubotsky. The Indo-Iranian reflexes of PIE **CRHUV*. A. Lubotsky (ed.). *Sound law and analogy: Papers in honor of Robert S. P. Beekes on the occasion of his 60th birthday*. (Leiden studies in Indo-European 9.) Amsterdam: Rodopi, 1997. P. 139–154. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004658844_019.

Marr 1933 — Aptekar V. B. (comp.). *Voprosy yazyka v osveshchenii yafeticheskoy teorii: Izbrannye otryvki iz rabot akad. N. Ya. Marra* [Language issues in light of the Japhetic theory: Selected excerpts from the works of academician N. Ya. Marr]. Leningrad: State Academy of the History of Material Culture, 1933.

Maurer 1995 — W. H. Maurer. *The Sanskrit language: An introductory grammar and reader*. Richmond: Curzon Press, 1995.

Mironas 1960 — R. P. Mironas. Review of: V. A. Kochergina. *Nachalnyy kurs sanskrita (Izd. AN SSSR. M., 1956.)* [Basic course on Sanskrit (Press of the Academy of Sciences of the USSR. Moscow, 1956.)]. *Kalbotyra*. 1960. Vol. 2. P. 195–198.

Mirzayan 2024 — A. Mirzayan. Sketch of the Siouan language family. C. Dagostino, M. Mithun, K. Rice (eds.). *The languages and linguistics of indigenous North America: A comprehensive guide*. Vol. 2. (The World of Linguistics 13.2.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2024. P. 1447–1518. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110712742-056.

Obsuzhdenie 2022 — Obsuzhdenie doklada L. I. Kulikova «Stalin i "kursko-orlovskiy dialekt": K istorii odnoy lingvisticheskoy zagadki» [Discussion of the talk by L. I. Kulikov "Stalin and the 'Kursk-Oryol dialect': On the history of a linguistic puzzle"]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta (PSTGU)*. Seriya III: *Filologiya*. 2022. No. 72. P. 149–169.

Perry 1885 — E. D. Perry. *A Sanskrit primer: Based on the Leitfaden für den Elementar-Cursus des Sanskrit of Georg Bühler of Vienna*. Boston: Ginn and Company, 1885.

Polinichenko 2012 — D. Yu. Polinichenko. Neoyazychestvo i lyubitelskaya lingvistika v sovremennoy Rossii [Neopaganism and amateur linguistics in modern Russia]. *Jazyk a kultúra*. 2012. No. 12. P. 1–10.

Sani 2012 — S. Sani. *Grammatica sanscrita*. II ed. (Orientamenti Linguistici 27.) Pisa; Roma: Fabrizio Serra editore, 2012.

Stenzler 1868/1995 — A. F. Stenzler. *Elementarbuch der Sanskrit-Sprache: Grammatik, Texte, Wörterbuch*. Berlin: de Gruyter, 1995. (1. Auflage. Breslau: Mälzer, 1868.)

Uhlenbeck 1909 — C. C. Uhlenbeck. Grammatische onderscheidingen in het Algonkisch, voornamelijk gedemonstreerd aan het Otchipwe-dialect. *Verslagen en mededeelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen. Afdeeling Letterkunde*. 4e Reeks. 1909. Deel X. P. 20–39.

Ushakov 1935 — D. N. Ushakov (ed.). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka*. T. I: *A—Kyuriny* [Dictionary of the Russian language. Vol. I: *A — Kyuriny*]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1935.

Voloshina 2018 — O. A. Voloshina. «Sistema etimologii» F. I. Buslayeva, ili o sravnenii russkikh slov s sanskritskimi [F. I. Buslaev's "system of etymology", or on the comparison of Russian and Sanskrit words]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. Vol. 4. No. 273. P. 94–99.

Zaliznyak 1975 — A. A. Zaliznyak. Morfonologicheskaya klassifikaciya drevneindiyskikh glagol'nykh korney [A morphophonological classification of Old Indian verbal roots]. T. Ja. Elizarenkova (ed.). *Ocherki po fonologii vostochnykh yazykov* [Essays on the phonology of Oriental languages]. Moscow: Nauka, 1975. P. 59–85.

Zaliznyak 1978/1987 — A. A. Zaliznyak. Grammaticheskiy ocherk sanskrita [A short grammar of Sanskrit]. V. A. Kochergina. *Sanskritsko-russkiy slovar'* [Sanskrit-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk, 1987. P. 785–895. (1st edn. 1978.)

Zaliznyak 2010 — A. A. Zaliznyak. *Iz zametok o lyubitel'skoy lingvistike* [Notes on amateur linguistics]. Moscow: Russkiy mir, 2010.

Zemskaya 2008 — E. A. Zemskaya. Moi uchitelya: iz vospominaniy filologa [My teachers: From the reminiscences of a linguist]. *Voprosy Jazykoznanija.* 2008. No. 1. P. 134–140.

Получено/received 20.11.2024 *Принято/accepted 23.05.2025*

Метаморфозы персидского «аориста» в русской востоковедческой школе: путь длиной в два столетия

М. В. Головизнин

Российский университет медицины (Москва, Россия);
mvasilef@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-0004-4615

Аннотация. Нами проанализирована эволюция взглядов на аорист в персидском языке в российской иранистике XIX–XX вв. Факты свидетельствуют, что в грамматиках персидского языка, изданных в России в XIX в., термин «аорист» употреблялся в исходном значении этого слова (греч. *aoristos* ‘неопределенный’) для обозначения непрошедших времен персидского глагола. Он был адаптирован для различения видовременных категорий персидского глагола, именовавшихся в начале XIX в. в рамках арабской традиции فعل ماضي (совр. *fi‘l māḍī* ‘глагол прошедший’) и فعل مضارع (совр. *fi‘l muḍāri‘* ‘глагол подобный’). Последний в российских грамматиках XIX в. именовался аористом. По мере внедрения в российскую иранистику терминов и понятий европейского языкознания и ее переориентации с книжного языка на разговорный фарси, буквальный смысл понятия «аорист» утратил свою актуальность, но этот термин, несмотря на попытки его элиминировать, закрепился в качестве обозначающего настояще-будущее время сослагательного наклонения.

Ключевые слова: аорист, глагольные основы, история лингвистики, наклонение, персидский язык

Для цитирования: Головизнин М. В. Метаморфозы персидского «аориста» в русской востоковедческой школе: путь длиной в два столетия // Индоиранские языки. 2025. 1(2). С. 130–146.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.5

© М. В. Головизнин, 2025

Two hundred years of metamorphoses of the Persian “aorist” in the Russian school of Oriental studies

Mark V. Goloviznin

Russian University of Medicine (Moscow, Russia);
mvasilef@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-0004-4615

Abstract. In this paper I analyze the evolution of the meaning of the term “aorist” for Persian which was traditionally used in the Russian school of Iranian studies during the 19th and 20th centuries. The meaning of the Persian “aorist” does not correspond to that found in the grammars of ancient Indo-European languages (Sanskrit, Ancient Greek, etc.). Initially, in Persian grammars published in Russia in the 19th century, the term “aorist” was used in the literal meaning of this word (Greek *aoristos* ‘indefinite’) and denoted the non-past tenses of the Persian verb. The concept of “aorist” was adapted by the Russian orientalists of the 19th century to distinguish the aspect-tense categories of the Persian verb which were traditionally defined in the Arabic grammatical tradition as فعل ماضي (*fi‘l māḍī*) and فعل مضارع (*fi‘l muḍāri‘*). The latter was called “aorist”. As the terms and concepts of European linguistics were adopted in the Russian school of Iranian studies (which shifted its focus from classical written Persian to colloquial Farsi), the literal meaning of “aorist” lost its relevance. However, the term “aorist” survived, despite the attempts to eliminate it from Persian textbooks and grammars in Russia, and now denotes the non-past tense of the subjunctive mood.

K**eywords:** aorist, history of linguistics, mood, verbal stems, Persian

For citation: Goloviznin M. V. Two hundred years of metamorphoses of the Persian “aorist” in the Russian school of Oriental studies. *Indo-Iranian languages*. 2025. 1 (2). P. 130–146.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.5

В монографии Ю. А. Рубинчика «Грамматика современного персидского литературного языка» [2001] термин «аорист» относится к формам сослагательного наклонения, которые используются при выражении желания, возможности, необходимости, допущения, понуждения к действию, косвенного приказания, условия и т. п. При этом автор указывает в сноске: «Термин “аорист”, получивший

распространение в работах западноевропейских авторов по отношению к настояще-будущему времени сослагательного наклонения, не соответствует подлинному значению этого термина (от греч. *aoristos* ‘необозначенный’), используемого в грамматиках индоевропейских языков (греческого, старославянского, древнерусского, современных южнославянских) и обозначающего видо-временную форму недлительного действия, полностью относящегося к прошлому» [Там же: 249].

Данное терминологическое несоответствие между грамматиками персидского языка и других индоевропейских языков, древних и современных, не прошло в свое время и мимо нашего внимания, побудив разобраться в сути проблемы. Обозначение сходных по функции грамматических категорий в неродственных языках одним и тем же термином в лингвистике встречается нередко, достаточно вспомнить употребление термина «изафет». Но изафет в тюркских языках, персидском, как и идафа в арабском, будучи различными по строению и происхождению конструкциями, везде играют сходную роль, выражая связь определяемого слова с определением. «Аорист» в современном персидском языке и «аорист» в других индоевропейских языках кардинально не соответствуют друг другу, выражая не просто различные, а противоположные языковые реальности. Более того, термин «аорист» бытует не «в работах западноевропейских авторов», как указал Ю. А. Рубинчик, а именно в отечественной иранистике, в связи с чем иранские филологи, работающие в России, в своих публикациях на эту тему вынуждены давать специальные пояснения, ссылаясь на российскую лингвистическую традицию[1].

Целью настоящей работы является выяснение причин несоответствия в употреблении термина «аорист» в русскоязычной иранистической традиции и в индоевропеистике, а также анализ исторических обстоятельств, которые обусловили это несоответствие.

[1] Например, в кандидатской диссертации Нахид Джоландан Шейхи, выполненной на кафедре русского языка филологического факультета МГУ, в качестве одного из положений на защиту было вынесено следующее: «Дополнительным фактором, затрудняющим освоение персидскоговорящими студентами русского глагольного вида, являются терминологические расхождения между персидской и русской грамматикой, в частности употребление терминов *аорист* и *аористическое значение*» [Шейхи 2011: 5].

Известно, в частности, что при описании восточных языков имеют место не всегда удачные попытки охарактеризовать их категории, не свойственные европейским языкам, в понятиях и терминах индоевропеистики. Для решения этой проблемы мы проанализировали несколько грамматик персидского языка, вышедших в нашей стране в XIX–XX вв.

Не имея намерения вдаваться в детали сравнительно-исторического языкознания, подчеркнем, что в случае персидского языка и в случае других индоевропейских языков — древних и современных — имеются в виду совершенно разные «аористы». В последнем случае речь идет о достаточно древнем грамматическом явлении, которое эволюционировало во времени, а его дефиниции формировались при сопоставлении древних языков Европы, прежде всего древнегреческого, с санскритом, древнеперсидским и некоторыми живыми языками, прежде всего славянскими. Аорист в персидском языке, по утверждению Ю. А. Рубинчика [2001: 249], является инновационной формой глагола, появившейся на стадии новоперсидского языка и не имеющей генетической связи с древним аористом.

Как оказалось, в российских грамматиках персидского языка термин «аурист» (в значении ‘неопределенный’) появился достаточно давно. Самой ранней из таких грамматик, обнаруженных нами, была «Краткая грамматика персидского языка, сочиненная и переведенная с персидского майором Аббас-Кули Агою Бакихановым»[2]. Она была издана в Тифлисе в 1841 г.[3] Автор, будучи офицером русской армии, собиравшим материал в годы русско-персидской войны 1820-х гг., ориентировался на арабские термины и понятия, которые являлись тогда образцом для описания многих восточных языков. Характеризуя глагольную парадигму, он,

[2] Баки-ханов (Бакиханов) Аббас-Кули-Ага Мирза-Мухаммед-оглы (1794–1846) — азербайджанский писатель, поэт, философ, дипломат и историк. Он исследовал, в частности, историю Азербайджана и Дагестана с древнейших времен до 1813 г. — времени заключения Гюлистанского договора между Россией и Ираном [ЭГД 2015: 64].

[3] Из посвящения А. А. Бакиханова императору Николаю I, предпосланного тексту грамматики, можно сделать вывод, что эта грамматика была первой на русском языке: «Правила языка персидского, употребление коего, может быть, более всех других распространено в Азии, не были еще доселе ни определены в точности, ниже изданы в совокупности» [Бакиханов 1841: I–IV].

в частности, указывал: «Глагол происходит от неопределенного имени и имеет два положения: فعل ماضي — времени прошедшего и فعل مضارع — "ауриста"[4], т. е. настоящего и будущего в одном окончании» [Бакиханов 1841: 19]. «"Аурист" бывает трех родов: а) "аурист", исключительно означающий будущее время, большею частию принимает в начале ب [приставку *bi.* — *М. Г.*] и показывает, что действие имеет совершиться; б) "аурист" общий, который имеет می, или همی [приставку *mī* или *hamī.* — *М. Г.*], означает настоящее и будущее время нераздельно; принадлежность его должно распознавать по свойству речи; в) "аурист" сложный, который делается через присоединение слова خواهد [*xāhad.* — *М. Г.*] к неопределенному и означает исключительно будущее время» [Бакиханов 1841: 67–68]. Таким образом, автор, сам или используя труды предшественников, «эллинизировал» арабский термин *fi'l muḍāri'* (совр. 'глагол подобный'), назвав его «ауристом». Эта «неопределенность» была, вероятно, связана как с грамматической многофункциональностью данной формы, так и с факультативностью употребления указанных выше приставок в классическом персидском языке.

Надо сказать, что в грамматиках арабского языка, изданных в первой половине XIX в., в частности в краткой грамматике А. В. Болдырева [1836], обе арабские формы, *fi'l māḍī* и *fi'l muḍāri'*, именовались соответственно аористом 1-го и аористом 2-го типа. Эту «неопределенность» российские и, возможно, западноевропейские грамматисты связывали, вероятно, с необычным для языков Европы употреблением арабских глагольных форм. В арабском языке и «глагол прошедший», и «глагол подобный» в разных контекстуальных ситуациях могут выражать события и настоящего, и прошедшего, и будущего времени, что иллюстрирует А. В. Болдырев, приводя многочисленные примеры [Там же: 13–15, 28–31], см. рис. 1–2 ниже.

Возвращаясь к персидскому аористу, мы покажем, что установка считать «аористом» все непрошедшие времена персидского глагола (настояще-будущее время, сослагательное наклонение на-

[4] Некоторые современные школы российской арабистики используют данную терминологию видовременных форм арабского глагола: فعل ماضي (*fi'l māḍī* 'глагол прошедший') и فعل مضارع (*fi'l muḍāri'* 'глагол подобный'). Последнее название дано по сходству этой формы с именным классом слов за счет наличия словоизменения [Лебедев 2020: 82, 88].

Бобр
6195

КРАТКАЯ

АРАБСКАЯ

ГРАММАТИКА,

СОСТАВЛЕННАЯ

Алексѣемъ Болдыревымъ,

Профессоромъ Восточныхъ языковъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.

Изданіе второе

329
12

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1836.

Рис. 1. Титульный лист грамматики А. В. Болдырева
Fig. 1. The title page of A. V. Boldyrev's grammar

О ЗНАЧЕНІИ АОРИСТОВЪ.

АОРИСТЪ I.

1. *Прошедшее.*

غَزَالٌ مَرَّةً عَطِشَ فَأَتَى إِلَى عَيْنِ مَاءٍ Однажды серна *почувствовала* жажду и *пошла* къ источнику воды.

قَدْ ذَكَرْنَا زِيَارَةَ جَدِّهِمْ وَنَذْكُرُ هَاهُنَا زِيَارَةَ ٱلْبَاقِينَ Мы уже *разсказали* исторію о визирствѣ дѣда ихъ; теперь разскажемъ здѣсь о визирствѣ прочихъ.

بَكَّرَ إِلَى ٱلْفَضْلِ فَوَجَدَهُ قَدْ بَكَّرَ إِلَى دَارِ ٱلرَّشِيدِ Онъ рано поутру *пошелъ* къ Фадлю и узналъ, что сей *ушелъ* уже во дворецъ Рашида.

2. *Недавнопрошедшее.*

إِذَا جَآءَ ٱللَّيْلُ جَعَلْنَا جَمِيعَ مَا لَنَا فِي سَرَادِيبَ Когда *наступала* ночь, то мы *прятали* все свое имущество въ подземелья.

3. *Давнопрошедшее.* (съ гл. كان)

كُنْتُ عَرَفْتُهُمْ Я *давно зналъ* ихъ.

لَوْ كُنْتُ عَلِمْتُ ذٰلِكَ لَضَرَبْتُكَ Естьлибъ я *зналъ* это прежде, то прибилъ бы тебя.

4. *Будущее.*

إِنْ فَعَلْتُ ذٰلِكَ ضَيَّعْتُ مَالِي Естьли я *сдѣлаю* это, то *потеряю* все свое имущество.

إِنْ كَثَّرْتُ عَلَفَهَا تَبِيضُ بَيْضَتَيْنِ Естьли *умножу* кормъ ея, то она станетъ нести по два яйца.

جَالِسْ أَهْلَ ٱلْعِلْمِ وَٱلْحِكْمَةِ وَأَكْثِرْ مُنَاقَشَتَهُمْ فَإِنَّكَ إِنْ كُنْتَ

Рис. 2. Раздел грамматики А. В. Болдырева с описанием типов аориста

جَاهِلًا عَلِّمُوكَ وَإِنْ كُنْتَ عَالِمًا إِزْدَادَتْ عِلْمًا Спарайся быть въ обществѣ съ людьми умными и учеными и чаще бесѣдуй съ ними; ибо, естьли ты ничего не знаешь, то они *научатъ* тебя; естьлиже знаешь что нибудь, то *умножишь* свои познанія.

5. *Настоящее.*

مَنْ كَتَمَ سِرَّهُ بَلَغَ مُرَادَهُ Кто *скрываетъ* тайну свою, тотъ *достигаетъ* желаемаго.

مَنْ صَبَرَ غَنِمَ مَنْ سَكَتَ سَلِمَ Кто *терпитъ*, тотъ *выгрываетъ*; кто *молчитъ*, тотъ *остается* цѣлъ.

6. *Желательное.*

. . . . . اَللّٰهُ تَعَالَى Богъ, *да будетъ онъ превознесенъ* . . . . .

. . . . . اَلرَّشِيدُ دَامَ مُلْكُهُ Рашидъ, *да продлится* его царствованіе . . . . .

. . . . . سَيِّدُ لَعَنَهُ اَللّٰهُ Сеидъ, да *проклянетъ* его Богъ . . . . .

АОРИСТЪ II.

1. *Будущее.*

إِقْنَعْ بِمَا قَسَمَ اَللّٰهُ تَكُنْ غَنِيًّا Довольствуйся тѣмъ, что даровалъ тебѣ Богъ, — и ты *будешь* богатъ.

سَأَقْتَرِحُ عَلَيْهِ هٰذِهِ اَلْجَارِيَةَ وَأُدِلُّهُ عَلَيْكَ Я непремѣнно *потребую* у него эту дѣвушку и *пошлю* его къ тебѣ.

2. *Настоящее.*

مَا يُزَكِّي اَلْإِنْسَانُ بِشَهَادَةِ أَهْلِ بَيْتِهِ Никто не *оправдывается* свидѣтельствомъ своихъ домашнихъ.

وَأَنْتَ أَبْقَاكَ اَللّٰهُ لَكَ تُجَّارٌ يُعَامِلُونَكَ وَأَنَا أَسْأَلُكَ أَنْ تَقْتَرِضَ لِي А у тебя — да продлитъ Богъ жизнь твою — есть купцы, которые *имѣютъ* съ тобою дѣла, и я *прошу* тебя занять для меня . . . . .

وَإِنِّي أَسْتَحْيِي أَنْ أُعْلِمَ أَحَدًا بِذٰلِكَ وَأَنِفُ أَنْ أَسْأَلَ Я *стыжусь* сказать кому нибудь объ этомъ и *не хочу* просить . . . . .

Fig. 2. The section of A. V. Boldyrev's grammar devoted to aorist types

стоящего времени и будущее категорическое) в той или иной мере сохранялась в российской иранистике вплоть до конца 1920-х гг. Вместе с тем развитие европейского языкознания стимулировало российских востоковедов к отходу от традиционных арабских грамматических категорий и внедрению в восточную филологию понятий и терминов, выработанных в европейской лингвистике. Уже в грамматиках персидского языка, изданных И. Н. Березиным в 1853 г. и Мирзой Джафаром в 1901 г., авторы при описании персидского глагола не используют употребляемые Бакихановым два базовых временны́х «положения» персидского глагола: *fi'l māḍī* — прошедшее и *fi'l muḍāri'* — настояще-будущее. Оба автора разделяют персидские глаголы на «правильные» и «неправильные». Они выделяют четыре залога (действительный, средний, страдательный и принуждающий), три наклонения (изъявительное, повелительное и неопределенное), три времени (прошедшее, настоящее и будущее) и несколько «видов» или «форм» глагола [Березин 1853: 172–189; Джафар 1901: 73–95]. «Аорист» упоминается ими как бы вскользь. И. Н. Березин пишет следующее: «настоящее неопределенное или аорист образуется из повелительного через прибавление личных глагольных окончаний: например, خوان — читай, خوانم — читаю[5]. Настоящее определенное время образуется из повелительного наклонения, прибавляя впереди частицу *mi* или *hami*, а в конце личные окончания глагола» [Там же: 188]. В то же время ту же форму основы с частицей *bi*, например *bipursam* 'я спрошу'[6], И. Н. Березин не причисляет к аористу, относя ее или к «определенному будущему времени» [Там же: 189], или к повелительному наклонению [Там же: 187]. Он, как и многие другие авторы, фиксирует бытовавшую в персидской поэзии результативную форму «прошедшего

[5] Приведем фонологическую запись примеров: *xān* — основа настоящего времени глагола *xāndan* 'читать', а также форма императива второго лица единственного числа ('(ты) читай'); *xānam* — основа настоящего времени глагола *xāndan* 'читать' с личным окончанием первого лица единственного числа (*-am*). В данном случае И. Н. Березин, как и ранее А. А. Бакиханов, отождествляет «аорист» с основой настоящего времени изъявительного наклонения, к которой при спряжении присоединяются личные окончания.

[6] Такой перевод у И. Н. Березина. В современном персидском языке форма *bipursam* имеет другое значение — 'Спрошу-ка я' или 'Можно я спрошу?'.

окончательного времени», в которой также используется частица *bi*: например, *bikuštam* ‘я (окончательно) убил’ [Там же: 188]. Любопытно, что эта результативная форма, наиболее близкая по функции к славянскому или древнегреческому аористу, в отечественной традиции иранистики аористом никогда не именовалась. По крайней мере в доступных для изучения грамматиках персидского языка нам это не встретилось.

Мирза Джафар существенно поправил утверждения И. Н. Березина. По его мнению, «аорист употреблялся *некогда* [курсив наш. — *М. Г.*] в смысле настоящего времени изъявительного наклонения ⟨…⟩ он встречается в пословицах или изречениях, но здесь он уже колеблется по значению между будущим временем и сослагательным или повелительным наклонением. ⟨…⟩ Во всех этих случаях разговорная речь требует приставки частицы *bi*» [Джафар 1901: 106]. М. Джафар на многих примерах из живого, современного ему персидского языка, анализируя, в частности, употребление «аориста» в придаточных предложениях, дает дефиницию этой грамматической категории, близкую к современной. Он, в отличие от И. Н. Березина, постулирует, что аорист имеет значение более модальное, чем временно́е: *bipursam* ‘чтобы я спрашивал’, ‘если спрошу’ [Там же: 91, 105, 110].

Предварительно обобщим. На протяжении XIX в. научная парадигма российских филологов-иранистов претерпевала эволюцию. В первой половине столетия грамматики персидского языка ориентировались на книжный язык и бытовавшую в Иране арабскую грамматическую традицию. При этом термин «аорист» в буквальном его смысле (‘неопределенный’) был адаптирован авторами для лучшего, по их мнению, понимания как собственно арабских видовременных категорий глагола, так и тех, которые существовали в современном им персидском языке. Эта адаптация происходила, по-видимому, без учета сведений из классической филологии, где осмысление категории аориста шло своим путем и также было далеко от завершения. Ближе к концу XIX в. в российской иранистике вызревала и противоположная тенденция — отойти от арабских грамматических категорий, ориентируясь в большей степени на европейское языкознание, а в практике — на живой персидский язык. В последнем на протяжении двух столетий происходили специализация и обособление глагольных категорий. Так,

если в языке классического периода употребление частиц *mi* и *bi* перед глаголами было факультативным, то к началу XX века оно становилось все более обязательным. Вместе с этим происходило более четкое «размежевание» настоящего времени изъявительного наклонения, категорического будущего времени (требующего вспомогательного глагола ‘хотеть’ от основы настоящего времени *xāh-* с личными окончаниями) и сослагательного наклонения. При этом само употребление термина «аорист» в русских грамматиках персидского языка было поставлено под вопрос.

Полное избавление от термина «аорист» впервые произошло в «Грамматике персидского языка» Е. Э. Бертельса, вышедшей в 1926 г. Упразднив данный термин, он выделяет в персидском глаголе основу настоящего времени. От нее, согласно автору, путем специализации с помощью частицы *mi* образуется собственно настоящее время изъявительного наклонения, а путем специализации с помощью частицы *bi* настоящее время приобретает значение сослагательного наклонения (в некоторых случаях — будущего времени). Прошедшее время от присоединения частицы *bi* приобретает значение однократности или законченности действия [Бертельс 1926: 60].

Вместе с тем полного отказа от термина «аорист» в отечественной парадигме описания персидского глагола не произошло. Р. А. Галунов сохраняет за термином «аорист» обозначение категории, образованной от «корня» глагола, указывая, как и М. Джафар, на его модальное значение и образование с его помощью желательного наклонения [Галунов 1922: 27, 30]. Л. И. Жирков в «Элементарной грамматике персидского языка», вышедшей в 1927 г., уже после издания книги Е. Э. Бертельса, как бы споря с последним, вводит понятие «основа аориста», противопоставляя ее основе прошедшего времени персидского глагола[7]. По его мнению, от «основы

[7] Нам неизвестно, вели ли Е. Э. Бертельс и Л. И. Жирков прямую полемику по поводу персидского «аориста», но мы считаем нужным отметить, что разными терминами у них именовалась одна и та же грамматическая реальность: «основа настоящего времени» у Е. Э. Бертельса и «основа аориста» у Л. И. Жиркова. В последующих иранистических трудах в отношении наименования основы персидского глагола закрепилась точка зрения Е. Э. Бертельса.

аориста» образуется как настояще-будущее время, так и «аорист». Образованный от этой основы «аорист» (греческое слово, означает неопределенное время) [примечание Л. И. Жиркова. — *М. Г.*] употребляется в современной разговорной речи после союзов условия и цели (‘если бы’, ‘чтобы’). «Форма эта выражает будущее действие, но не наверное, не непременно наступающее, а или чем-нибудь обусловленное (“если бы”) или указываемое в речи в виде цели, которая ведь может быть и не достигнута ⟨…⟩. Все случаи употребления аориста объединяются одной общей идеей этого времени: утверждение будущего действия, но не категорическое» [Жирков 1927: 62–63]. Основа аориста, как пишет Л. И. Жирков, имеет значение повелительного наклонения, но она употребляется в этом значении только в литературном языке, а в разговорном преобладает другая форма повелительного наклонения [Там же: 59–60][8]. Такое «возвращение к истокам» — двум главным основам персидского глагола, которые вслед за арабскими грамматистами выделяли первые российские иранисты и арабисты, произошло, на наш взгляд, еще и потому, что глагольная парадигма персидского языка со множеством форм, сконструированная на основе категорий европейской классической филологии позднейшими филологами, в частности И. Н. Березиным (см. выше), оказалась громоздкой и не лишенной противоречий.

Современные отечественные филологи-иранисты в описании парадигмы персидского глагола во многом стоят на позиции Е. Э. Бертельса, отождествившего «аорист» с сослагательным наклонением. Так, в многотомном издании «Основы иранского языкознания», в части, касающейся языков фарси, таджикского и дари, авторы отмечают термин «так называемый аорист» [Ефимов и др. 1982: 156] в этих современных языках как определенный анахронизм и уточняют: «форму настояще-будущего времени

[8] Эта сентенция Л. И. Жиркова по поводу другой формы повелительного наклонения нам не вполне ясна. Далее автор пишет, что второе лицо единственного числа повелительного наклонения «имеет особую форму, хотя и близкую по типу образования к аористу» — *bi* + основа аориста без окончания, но в таких выражениях, как «Сделайте это!», «Пусть вы это сделаете», употребляется аорист, который заменяет второе лицо множественного числа повелительного наклонения [Жирков 1927: 63].

сослагательного наклонения в персидском, таджикском языках и дари традиционно называют аористом. Ее не следует смешивать с аористом древнеиранских языков, который был одной из форм прошедшего времени индикатива» [Там же: 184]. Сослагательное наклонение настояще-будущего времени сложилось на базе унаследованной от классического периода беспрефиксальной (в персидском языке также с префиксом *bi*) формы настояще-будущего времени изъявительного наклонения. По мнению авторов, это произошло «после XVI в. в упомянутых выше трех современных языках, развившихся на базе классического» [Там же: 171]. Интересно, что — вопреки А. А. Бакиханову, который называл аористом все непрошедшие времена персидского глагола, опираясь на арабскую терминологию, принятую в описании именно классического персидского языка, — В. А. Ефимов и соавторы вообще не упоминают «аорист» применительно к языку классического периода. Возможно, труды А. А. Бакиханова и И. Н. Березина ими были расценены как неактуальные для современного языкознания. Надо также сказать, что в современной учебной литературе, например в неоднократно переизданном учебнике персидского языка для первого года обучения В. Б. Иванова [1999], термин «аорист» в применении к современному персидскому языку (возможно, из-за его краткости) употребляется, во-первых, часто, во-вторых, без кавычек и без оговорки «так называемый».

Таким образом, «диалектическая спираль» развития проблемы термина «аорист» в российской иранистике, где явно заметно отрицание противоположностей друг другом и повторение в новом черт старого, может быть завершена определением Ю. А. Рубинчика аориста как настояще-будущего времени сослагательного наклонения, которое часто маркируется частицей *be* перед глагольной основой [Рубинчик 2001: 249–250]. Можно задать вопрос, почему термин «аорист в персидском языке» столь жизнеспособен, несмотря на явное несоответствие его общепринятому индоевропейскому понятию аориста[9]. Нельзя не сказать, что определенный

[9] Как мы писали выше, попытка Е. Э. Бертельса в 1926 г. элиминировать термин «аорист» из грамматики персидского языка не оказалась общепринятой.

консерватизм научной терминологии является в истории науки объективной реальностью. Так, например, в клинической медицине названия некоторых нозологий восходят еще к временам Галена и не соответствуют современным представлениям о природе этих нозологий, а иногда даже явно противоречат современной медицинской науке.

Что касается предмета данной статьи, то мы хотели бы обратить внимание на работу [ван дер Аувера, Схаллей 2004], где авторы описали исторически обусловленные несовпадения употребления лингвистических терминов (субъюнктив, оптатив, конъюнктив и др.) в различных лингвистических школах XX–XXI вв. Авторы в заключение указывают, что «непременным условием их [тех или иных терминов. — *М. Г.*] использования должно быть всё же согласие специалистов по данному языку в отношении употребления того или иного термина» [Там же: 84–85]. В связи с указанным выше, автор настоящей статьи хотел бы намеренно воздержаться от предложений по замене понятия «аорист в персидском языке» другим термином, предоставив эту возможность лингвистам-типологам (и надеясь при этом на их консенсус). Не вдаваясь в дискуссии о генезе аориста в новоперсидском языке, мы, тем не менее, обратим внимание на близость функций современного персидского «аориста» и категории юссива в некоторых семитских языках, особенно древних. С учетом очень длительного влияния семитских языков на персидский на разных стадиях его развития, сопоставление генеза и функций этих двух категорий может дать интересные результаты.

Литература

Бакиханов 1841 — А. А. Бакиханов. Краткая грамматика персидского языка, сочиненная и переведенная с персидского майором Аббас-Кули Агою Баки-хановым. Тифлис: Типография Я. и Д. Арзановых, 1841.

Березин 1853 — И. Н. Березин. Грамматика персидского языка, составленная И. Н. Березиным. Казань: Типография Казанского университета, 1853.

Бертельс 1926 — Е. Э. Бертельс. Грамматика персидского языка. Л.: Издание Института живых восточных языков имени А. С. Енукидзе, 1926.

Болдырев 1836 — А. В. Болдырев. Краткая арабская грамматика, составленная Алексеем Болдыревым, профессором Восточных языков при Императорском Московском университете. 2-е изд. М.: Университетская типография, 1836.

ван дер Аувера, Схаллей 2004 — Й. ван дер Аувера, Э. Схаллей. От оптатива и конъюнктива к ирреалису // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 75–85.

Галунов 1922 — Р. А. Галунов. Краткая грамматика персидского языка. М.: Б. и., 1922.

Джафар 1901 — М. Джафар. Грамматика персидского языка, составленная Мирзою Джафаром, преподавателем персидского языка в специальных классах при Лазаревском институте восточных языков. 2-е изд. М.: Типография и словолитня Оттона Осиповича Гербека, 1901.

Ефимов и др. 1982 — В. А. Ефимов, В. С. Расторгуева, Е. Н. Шарова. Персидский, таджикский, дари // В. С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М.: Наука, 1982. С. 5–230.

Жирков 1927 — Л. И. Жирков. Персидский язык. Элементарная грамматика. М.: Издание Института востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК СССР, 1927.

Иванов 1999 — В. Б. Иванов. Учебник персидского языка. М.: Издательство Московского университета, 1999.

Лебедев 2020 — В. В. Лебедев. Более полувека в арабистике. Из опыта моей учебно-методической и научно-исследовательской работы. М.: ВКН, 2020.

Шейхи 2011 — Н. Дж. Шейхи. Функционирование несовершенного вида глагола в русском языке: проблемные случаи для носителей персидского языка. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 2011.

Рубинчик 2001 — Ю. А. Рубинчик. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Восточная литература, 2001.

Источники

ЭГД — Г. Я. Гусейнов. Энциклопедия города Дербента. Махачкала: Лотос, 2015.

References

Bakikhanov 1841 — A. A. Bakikhanov. *Kratkaya grammatika persidskogo yazyka, sochinennaya i perevedennaya s persidskogo mayorom Abbas-Kuli Agoyu Baki-khanovym* [A brief grammar of the Persian language, compiled and

translated from Persian by Major Abbas-Kuli Aga Baki-khanov]. Tiflis: Printing house of Ya. and D. Arzanov, 1841.

Berezin 1853 — I. N. Berezin. *Grammatika persidskogo yazyka, sostavlennaya I. N. Berezinym* [Grammar of the Persian language, compiled by I. N. Berezin]. Kazan: Press of the Kazan University, 1853.

Bertels 1926 — Ye. E. Bertels. *Grammatika persidskogo yazyka* [Grammar of the Persian language]. Leningrad: Press of the A. S. Yenukidze Oriental Institute, 1926.

Boldyrev 1836 — A. V. Boldyrev. *Kratkaya arabskaya grammatika, sostavlennaya Alekseyem Boldyrevym, Professorom Vostochnykh yazykov pri Imperatorskom Moskovskom Universitete* [A brief Arabic grammar, compiled by Alexei Boldyrev, Professor of Oriental languages at the Imperial Moscow University]. 2nd edn. Moscow: University Printing House, 1836.

Dzhafar 1901 — M. Dzhafar. *Grammatika persidskogo yazyka, sostavlennaya Mirzoyu Dzhafarom, prepodavatelem persidskogo yazyka v spetsialnykh klassakh pri Lazarevskom institute vostochnykh yazykov* [A grammar of the Persian language, compiled by Mirza Dzhafar, teacher of the Persian language in the special classes of the Lazarev Institute of Oriental Languages]. 2nd edn. Moscow: Printing house and letter-foundry of Otton O. Gerbek, 1901.

Galunov 1922 — R. A. Galunov. *Kratkaya grammatika persidskogo yazyka* [A brief grammar of the Persian language]. Moscow: S. n., 1922.

Ivanov — V. B. Ivanov. *Uchebnik persidskogo yazyka* [A textbook of Persian]. Moscow: Moscow University Press, 1999.

Lebedev 2020 — V. V. Lebedev. *Boleye poluveka v arabistike. Iz opyta moyey uchebno-metodicheskoy i nauchno-issledovatelskoy raboty* [More than half a century in Arabic studies. From the experience of my teaching and research work]. Moscow: VKN, 2020.

Rubinchik 2001 — Yu. A. Rubinchik. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern literary Persian language]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001.

Sheikhi 2011 — N. J. Sheikhi. *Funktsionirovaniye nesovershennogo vida glagola v russkom yazyke: problemnyye sluchai dlya nositeley persidskogo yazyka* [Functionality of the imperfective aspect of the verb in Russian: Problematic cases for native speakers of Persian]. Author's abstract of candidate thesis. Moscow: Moscow State University, 2011.

van der Auwera, Schalley 2004 — J. van der Auwera, E. Schalley. Ot optativa i konyunktiva k irrealisu [From Optative and Subjunctive to Irrealis] // Yu. A. Lander, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchieva (eds.). *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 3. Irrealis i irrealnost* [Studies in the theory of grammar. Iss. 3. Irrealis and irreality]. Moscow: Gnozis, 2004. P. 75–85.

Yefimov et al. 1982 — V. A. Yefimov, V. S. Rastorguyeva, E. N. Sharova. Persidskiy, tadzhikskiy, dari [Persian, Tajik, Dari] // V. S. Rastorguyeva (ed.). *Osnovy*

iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskiye yazyki: zapadnaya gruppa, prikaspiyskiye yazyki [Fundamentals of Iranian Linguistics. New Iranian Languages: The western group, Caspian languages]. Moscow: Nauka, 1982. P. 5–230.

Zhirkov 1927 — L. I. Zhirkov. *Persidskiy yazyk. Elementarnaya grammatika* [Persian. An elementary grammar]. Moscow: Press of the Narimanov Institute of Oriental Studies at the Central Executive Committee of the Soviet Union, 1927.

Получено / received 31.07.2024 *Принято / accepted 26.11.2024*

Речевой этикет у зороастрийцев Ирана

Е. К. Молчанова

Институт языкознания РАН (Москва, Россия);
e_molchanova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5381-5532

Аннотация. У зороастрийцев Ирана, как и у иранцев в целом, представлен старинный обширный и разнообразный этикет, вербальный и невербальный. Его назначение — показать повышенное (порой гипертрофированное) уважение к собеседнику и сниженную самооценку. В статье рассматриваются образцы зороастрийского речевого этикета.

Ключевые слова: зороастрийский дари, зороастрийцы, персидский, речевой этикет

Для цитирования: Молчанова Е. К. Речевой этикет у зороастрийцев Ирана // Индоиранские языки. 2025. 1 (2). С. 147–160.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.6

Speech etiquette among the Zoroastrians of Iran

Elena K. Molchanova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
e_molchanova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5381-5532

Abstract. The Zoroastrians of Iran, as well as Iranians in general, have an ancient, extensive and varied etiquette, which can be verbal and non-verbal. This topic is almost unexplored. Speech etiquette, otherwise known by the Arabic word *ta'aróf*, is an important part of socio-communicative activity in Iran. It is realized in a set of etiquette lexical formulas and their repetition; special intonations; specific etiquette gestures, movements and poses; facial expressions; and ceremonial actions. Speech etiquette permits and constitutes an integral part of the entire process of speech communication.

The article examines specific examples of Zoroastrian speech etiquette, including original instances as well as those shared with Persian. They may be

© Е. К. Молчанова, 2025

difficult to interpret due to frequent use of hyperbolization. I undertake a preliminary systematization of factual material to determine the purpose of the *ta'aróf* system — it is used to show increased (sometimes exaggerated) respect for the interlocutor and decreased self-esteem.

Keywords: Persian, speech etiquette, Zoroastrian Dari, Zoroastrians

For citation: Molchanova E. K. Speech etiquette among the Zoroastrians of Iran. *Indo-Iranian Languages*. 2005. 1 (2). P. 147–160.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.6

Речевой этикет, также называемый арабским словом تعارف *ma'apóф*[1], представляет собой важную часть социо-коммуникативной деятельности в Иране в целом, которая формирует комплексную систему. Она реализуется в определенном наборе этикетных лексических формул, их неоднократном повторении, в особых интонациях, специфических этикетных жестах, движениях и позах, выражении лица, церемониальных действиях. Эта система пронизывает и составляет неотъемлемую часть всего процесса речевого общения, см. подробнее в работе [Асгариан 2008, гл. I].

Религиозное меньшинство иранцев — зороастрийцы — представляет собой социально изолированную группу. Они проживают в Иране в труднодоступном регионе, главным образом в городе Йезде и его окрестностях. Зороастрийцы двуязычны, легко переходят с зороастрийского дари на персидский (литературный и разговорный) и обратно. В этикетных формулах обоих языков много общего, о чем см. ниже.

Зороастрийцы часто посещают свои **святые места** в окрестностях городов Йезд и Керман, в состав названий которых входит лексема *pir* (в иранских языках это слово имеет значения 'старый, пожилой; древний; старик, старец; духовный вождь, наставник', а также обозначает само место поклонения).

У зороастрийцев также имелись места любимых **прогулок** с семьей и детьми. Например, *Bāb Kemāl* недалеко от города Керман. Туда шли пешком или ехали на ослах. Там были очаги и печи-тануры, где люди выпекали лепешки, варили свеклу. На земле расти-

[1] У арабов, откуда пришел этот термин, речевой этикет совершенно не совпадает с иранским, ни содержательно, ни количественно.

лали паласы, дети сидели, их угощали чаем, лепешками, вареной свеклой. Можно было остаться переночевать под большим платаном. Люди пели и танцевали. Днем совершали прогулки в горы [Gholami, Farahmand 2016: 124–127]. Теперь эта традиция ушла.

Зороастрийцы отмечают свои **праздники** вместе с детьми. Например, день рождения Зороастра и день избрания его пророком (26 марта по григорианскому календарю). Этот день отмечается ежегодно. Люди читают или поют Гаты Авесты, бьют в бубны, выступают с рассказами об истории Ноуруза (иранского Нового года) или о празднике рождения Ашу Зартошт (*ašū* ‘чистый; святой’). Зороастрийцы в этот день давали обещание творить добрые дела. Богатые проводили обряд инициации «седра-пуши» или «седра-пушун» с детьми бедных.

В день традиционного и почитаемого праздника Сада (в конце января), который сопровождается зажиганием огней и костров, маленькие девочки в определенный момент зажигают подготовленные заранее дрова. Этот праздник проводится и в настоящее время, средства для него собираются вскладчину.

Регулярно проводятся **поминки** по усопшим. Зороастрийцы почитают души умерших праведников. Тем, кто не смог прийти на поминки, посылают угощение.

При таком постоянном общении естественно употребление **формул вежливости или речевого этикета**. Специально темой зороастрийского этикета, насколько нам известно, никто не занимался.

Источником нашего материала послужили зороастрийские словари (в том числе учебные пособия), составленные учеными-зороастрийцами в XX в. [К; М I; М II], в которых материал зороастрийского дари переводится на персидский. В настоящей статье переводы с персидского выполнены нами. Также проводились консультации с носителями бесписьменного зороастрийского дари.

Само заимствованное название речевого этикета зороастрийского дари закономерно отражает его специфическую историческую фонетику: *tōrop*/*tōrof,* ср. перс. *ta’ārof* ‘обмен любезностями’. В зороастрийском дари есть также свои названия этикета: 1) *xaš-o-xeyr* (перс. *xoš-o-xeyr*; *xoš* ‘хороший, приятный’; *xeyr* арабизм ‘добро, благо; доброе дело, благодеяние; благотворительность’) и 2) *xaš-bu* ‘ароматный, пахучий, душистый, благовонный’. Последнее назва-

ние отчасти совпадает с формулой прощания (о чем см. ниже): компонент *-bu* может быть и именем ‘запах’, и формой глагола *bodvun* ‘быть’. См. образцы употребления:

(1) *iye soluxat na-dōr-ɛn o* xin *o*
они вежливость neg-иметь.prs-3pl и кровь и
mehr sar-šo na-but-e; mō xo
любовь голова-3pl neg-быть-prs.3sg мы comp
xiš$_1$*-o*$_2$*-xōmgɛri*$_3$*-ye xa mo yō ve’ō torte*[2] *o*
семья$_{1,2,3}$-ez refl мы место надо нести.inf и
yak-i ***xašbu*** *mo ve’ō košt-ɛn!*
один-indef этикет мы надо бить.inf-3pl
‘У них нет обходительности, и они не разбираются в родственных связях, а мы должны соблюдать родственные отношения и проводить с ними церемонии!’ [M II: 525][3].

(2) *yak-i rušgoryak oš vōt o*
один-indef добрый_день 3sg.cl говорить.pst.3sg и
oma tu vo yōddōšt oš
прийти.pst.3sg внутрь и обрядовая_еда 3sg.cl
dō’-im o ***«xaš do but»*** *di*
дать.pst-1pl и хороший 2pl.cl быть.sbjv.3sg add
oš vōt o vašt o ša o
3sg.cl говорить.pst и убегать.pst.3sg и идти.pst.3sg и
na-vištōd ge ***xaš*****$_1$*-o*$_2$*-xeyr*$_3$ *oš*
neg-встать.pst.3sg comp любезности$_{1,2,3}$ 3sg.cl

---

[2] Сложный глагол *yō* (*v*)*ōrtvun* букв. «нести место» означает ‘соблюдать’, ср. перс. *jā āvardan* ‘id.’.

[3] Но, вместе с тем, там же находим высказывание с противоположным смыслом:

(i) *xiši yo pōmil bod-vun o xiš*$_1$*-o*$_2$*-qōm*$_3$
родство и семья быть-inf и семья$_{1,2,3}$
bod-vun e kōr n-ot-e!
быть-inf к дело neg-прийти.prs-3sg
ve-va čeqa aldi d-e
sbjv-говорить.imp.2sg сколько деньги 2sg.cl-в
hošgōv a!
карман cop.prs.3sg
‘Что толку в родственных связях! Скажи лучше, сколько у тебя денег в кармане!’ [M II: 525].

ve-vaj-im *o* *ve-vaj-im* *ge*
SBJV-говорить.PRS-1PL и SBJV-говорить.PRS-1PL COMP
dašt *o* *pɛnja-do* *sabb* *but!*
рука и пять_пальцев-2PL.CL зеленый быть.SBJV.3SG
‘Один сказал: «Добрый день!» и вошел (в дом) и передал нам (обрядовую еду) *yōddōšt*, и попрощался, и ушел, и даже не остановился, чтобы мы обменялись с ним любезностями и сказали ему: «Будьте здоровы, будьте счастливы! Процветайте!» (букв. «чтобы ваши руки были зелеными»)’ [M II: 80].

В (2) наблюдается символическое использование **цвета**. У зороастрийцев в речевых формулах часто встречаются обозначения зеленого (*savz*, *sabb*) и белого цвета (*svid*, *sepit*, *sepid*, *sefid*).

Для сравнения обратимся к словарю просторечной персидской лексики [Najafi 1378, j. 1: 851–852], где приведены сочетания с лексемой *sabz* ‘зеленый’, в том числе *sabz budan* ‘быть здоровым, веселым и счастливым’ (обычно с глаголом в 2SG или 2PL *sabz bāši* / *sabz bāšid* ‘будь(те)…’), используется при та’арофе и комплиментах. В персидско-русском словаре [ПРС, 1: 421] приводится учтивая формула выражения сожаления: *jā-ye šomā xāli* / *sabz bud* (место-EZ вы пустой / зеленый быть.PST.3SG) ‘жаль, что вас не было’.

В зороастрийском дари выражения со словом *sabb*/*sabz*/*savz* ‘зеленый’ часто используются в диалоге в ответ на предложение угоститься:

(3) *mo* *šted-a;* *daš-do* ***sabb*** ***but***
мы брать.PST-PRF.3SG рука-2PL.CL зеленый быть.SBJV.3SG
‘Мы уже взяли [сладости]; будьте здоровы / будьте счастливы / процветайте! (букв. «чтобы ваши руки были зелеными»)’ [M I: 346].

Следующее выражение говорится в знак благодарности за полученный подарок:

(4) *dašt-o* *pɛnja-t* ***savz*** ***but***
рука-и пальцы-2SG.CL зеленый быть. SBJV.3SG
букв. «чтобы ваши руки и пальцы были зелеными» [K: 49].

На это отвечают, используя выражение в (5), что соответствует широко распространенной персидской формуле *qābel-i na-dār-ad*

(стоимость-INDEF NEG-иметь.PRS-3SG) ‘ничего не стоит’ (например, в ответ на вопрос «Сколько стоит…?»).

(5) *kri dašt-o pɛnja na kr-a*
наем рука-и пять_пальцев NEG делать.PRS-3SG
‘руки и пальцы того не стоят’.

Для пожелания успеха в делах, долголетия используется фраза (6), которая начинается персизмом *das-ma-riz-ād* (рука-PRON-лить-OPT.3SG), ср. *dašt* ‘рука’ в зороастрийском дари.

(6) *das-ma-riz-ād o ojōq-do **sabb** **but**!*
рука-PRON-лить-OPT.3SG и очаг-2PL.CL зеленый быть.SBJV.3SG
ojōq pōyɛnda!
очаг долговечный
‘Да не устанут [ваши] руки! И да будет ваш очаг зеленым! Долговечным!’ [M I: 212].

Другой пример употребления слова ‘зеленый’ в контексте о процветании / неблагополучии семьи представлен в (7).

(7) *ojōq-oš kur on o xdō **dumen-savzi***
очаг-3SG.CL слепой COP.3SG и Бог юбка-зелень
še ne-dōd-a o vača na-dōr-a
3SG.CL NEG-дать.PST-PRF.3SG и ребенок NEG-иметь.PRS-3SG
‘Он(а) бездетный(ая) (букв. «его/ее очаг слепой»), и Господь не дал ему/ей процветания, и у него/у нее нет детей’ [M I: 212].

В описании церемоний зороастрийского праздника Сада [Gholami, Farahmand 2016: 131–137] упоминаются семь ангелов в **белых** одеждах, как у невест, и шесть мобедов (зороастрийских священников), тоже одетых в белое. Символическая семантика белого (и зеленого) цвета сохранялась у зороастрийцев до конца XX в. в свадебной процедуре, подробнее см. [Молчанова 2010]. Позже, по европейскому обычаю, невеста стала надевать белое платье, а не зеленое, как прежде. В день помолвки жених приносил в дом невесты подарки, в число которых входили белые сласти (*noql*). Во время самого бракосочетания в храм несли разные аксессуары: снова белые сласти (*noql*) и **яйцо** (белый цвет). Молодые садились за стол, покрытый белой скатертью и уставленный традиционными

аксессуарами. В своем новом жилье, в брачной комнате, в присутствии нескольких близких родственников, новобрачные традиционно мыли друг другу ноги; под ноги им ставили сосуд, в котором вода была смешана с молоком (белый цвет) и с зеленой травой (символ роста и счастья). Молоко гарантировало им безгрешность и чистоту. В словаре [K: 74] зафиксирован фразеологизм зороастрийского дари, символизирующий соединение белого и зеленого цвета: *šir o mavr* (молоко и мавр) ‘смесь из молока и сока травы мавр’. После брачной ночи семья новобрачной посылала родным с обеих сторон йогурт (белый — как знак целомудрия невесты) и сладости (пожелания сладкой жизни). После полудня жених со своими близкими родственниками-мужчинами шел к реке. Они несли две лампы с горящими свечами и, прочитав «Авесту», лили в воду молоко, смешанное с водой и цветами. Считалось, что эта процедура очищает жениха от его прежних нечистот и скверны, так что он входит в семейную жизнь чистым и целомудренным, подобно молоку, смешанному с водой и цветами.

Церемониальные формулы, связанные с **ограждением** от возможной опасности, особенно часто адресуются детям. В частности, для этого может использоваться слово *krun* (араб. *qirān*) ‘возможная опасность’. В персидском языке это слово имеет форму *qerān* с пометой *устаревшее* и означает ‘1) соединение, сближение; 2) соединение двух светил в одном знаке зодиака (воспринимается как дурное или доброе предзнаменование)’ [ПРС, 2: 262]. Рассмотрим примеры зороастрийского дари со словом *krun* (8)–(10), выражающие благопожелания, которые обычно адресуют близким, особенно детям.

(8) *tav* *o* ***krun-’d*** *e* *ri* *me/mɛ* *ka*
лихорадка и опасность-2SG.CL PRS на я падать
‘пусть на меня падут твоя опасность и твои волнения’ [K: 79]

(9) ***krun-od*** *e* *ri* *me/mɛ* *ka*
опасность-2SG.CL PRS на я падать
‘пусть на меня падет твоя опасность’ [Ibid.]

(10) ***krun-od*** *ve-xr-ɛ*
опасность-2SG.CL SBJV-есть.PRS-1SG
букв. «пусть я съем твою опасность» [Ibid.]

Персидским аналогом предложений (8)–(10) является выражение *balā gardān-at šav-am* (беда спасающий-2SG.CL становиться.SBJV-1SG) ‘да отведу я от тебя беду, несчастье’.

Ниже будут рассмотрены **формулы повседневного общения**: формулы приветствия, прощания, обращения, ответы на подношение подарков, комплименты, соболезнования.

В зороастрийских формулах очень употребительна лексема *xaš* ‘хороший, приятный’ в различных сочетаниях. Например: *xaš o vaš* соответствует перс. *xošobeš* ‘любезности’, перс. *xošobeš kardan* (любезности делать) ‘обмениваться любезностями, любезничать’; *xaš o xub* (перс. *xoš o xub*) — широко распространенное приветствие и осведомление о здоровье; *xaš-o-xeyr* — выражение, использующееся при поздравлении или вручении подарка по случаю знаменательного события, например свадьбы, рождения ребенка и т. п.; *xaš-o-mɛzi* — лесть, подхалимство с целью уговорить или обмануть кого-л; *xaš-koni* ‘лесть, подхалимство’ (перс. *sabzi-pāk-koni kardan* ‘льстить кому-л., подхалимничать’, букв. «чистить для кого-л. зелень»); *gušt-e **xaš-e** babog o ōš-e **xaš-e** mɛmog* (мясо-EZ хороший-EZ папочка и аш-EZ хороший-EZ мамочка), букв. «хорошее мясо от папаши и вкусный аш/похлебка от мамаши» — объяснение необходимости совместной работы и согласия в делах [K: 44] и др.

Выражение низкой, пренебрежительной оценки своего **подарка**, который преподносят другому (в противовес уважению и почтению к тому, кому дарят): *hel o gel* (по говорам также вариант *hel o gol*), букв. «кардамон и глина/цветок»; эквивалентно перс. *barg-e sabz* ‘зеленый листок’, означающему скромный подарок [K: 124]. С тем же значением низкой, пренебрежительной оценки своего подарка, который преподносят невесте или жениху или привезли кому-либо из путешествия и т. п., говорят: *hel o golōv*, букв. «кардамон и розовая вода». В качестве пояснения к этой формуле можно привести сходную персидскую: *golāb be ru-ye-tān* (розовая_вода к лицо-EZ-2PL.CL) с пометой *разг.* и переводом ‘пусть вам не будет противно, пусть (это) будет для вас как розовая вода’ [ПРС, 2: 400].

При **прощании** используется формула *xaš do but* или *xaš do bu* (хороший 2PL.CL быть.SBJV.3SG), примерно соответствующая ‘всего вам доброго!’. Маркером этой формулы можно считать присутствие

личного местоимения 2 л. мн. ч. *do*. Пример употребления этого выражения был представлен в (2) выше, см. также:

(11a) *xub* *o* *xaš* *b-it* *o* *xaš*
хороший и хороший быть-SBJV.2PL и хороший
do *bu!*
2PL.CL быть.SBJV.3SG
‘Всего вам доброго и до свидания!’ [M II: 507];

Персидский перевод:

(11b) *xub* *o* *xoš* *bāš-id* *o* *xoš-etān*
хороший и хороший быть.SBJV-2PL и хороший-2PL.CL
bāš-ad!
быть.SBJV-3SG
‘Всего вам доброго и до свидания’!

(12) *xaš-o-xeyr* *do* *o* *xaš* *but!*
хороший-и-хороший 2PL.CL и хороший быть.SBJV.3SG
‘Всего вам доброго и до свидания!’ [M II: 512].

Для сравнения приведем лексему зороастрийского дари *xoš-bu*(*d*) [M II: 510] ‘ароматный, пахучий, душистый, благовонный’. В [M II: 510] она дается как эквивалент перс. *xoš-bu* ‘id.’. Образец из зороастрийского дари:

(13) *bud-e* *xaš-e-xaš* *o* ***xoš-bu***
запах-EZ хороший-EZ-хороший и хороший-запах
mo *hrid-a* *ba* *o* *oš*
мы купить.PST-PTCP быть.PST и 3SG.CL
vō *bud-oš* *xaš* *on;*
говорить.PST запах-3SG.CL хороший COP.3SG
yak-i ***xaš-bu*** *mo* *košt-ɛn*[4] *o*
один-INDEF хороший-запах мы бить.PST-3PL и
mo *vōxt!*
мы проиграть.PST
‘Мы купили очень ароматный (*xaš-bu*) запах [чтобы вылить в [священный] огонь], и он(а) сказал(а): «Запах ароматный»;

[4] В данном случае глагольное окончание относится к косвенному дополнению (‘для них’).

мы провели та'ароф (*xaš-bu*) [церемонию] для них, и мы проиграли!' [M II: 510].

Заметим, что *xaš-bu* 'та'ароф' употребляется в сочетании с глаголом *koštvun* 'бить, ударять'. В персидском это соответствует глаголу *zadan* 'бить, ударять', например: *xoš-bu beh-ešān zad-im* (хороший-запах к-3PL.CL бить.PST-1PL) 'мы провели та'ароф [церемонию] для них'.

Выражение **соболезнования** сходно с традиционным русским *Бог дал — Бог взял*. Высказывание в (14) говорится в утешение родителям недавно умершего ребенка, в том числе новорожденного.

(14) *xdō-š* *dō* *xdō-š* *graft*
Бог-3SG.CL дать.PST Бог-3SG.CL брать.PST
'Бог дал — Бог взял' [K: 43].

При **обращении** используется возвратно-притяжательное местоимение *xiš* 'свой' (15). В приведенной фразе имеется омоним: *xiš* 'плуг, соха'.

(15) ***xiš!*** *xiš* *o* *klōkud* *de*[5] *mɛ:n* *ge* *sahrō*
свой плуг и дробилка дать.IMP.3SG я COMP поле
š-e *o* *kōr-iš* *dōr-e!*
идти.PRS-1SG и работа-3SG.CL иметь.PRS-1SG
— od *na-t-imɛ*[6] *o* *xō-m* *kōr-oš*
3SG.CL NEG-дать.PRS-1SG и REFL-1SG.CL работа-3SG.CL
dōr-e, *xiš!*
иметь.PRS-1SG свой
'Родня (букв. «свой»)! Дай мне плуг и дробилку: пойду в поле и буду с ними работать. — Я тебе их не дам: я сам с ними буду работать, родня' [M II: 537].

Еще одно обращение — синоним эпитета *xoš-xabar* 'добрый вестник', засвидетельствованного и в персидском, и в зороастрийском дари. Это уменьшительно-ласкательная форма с суффиксом

[5] Возможно, здесь форма императива глагола 'давать' слилась с направительным предлогом *e*.

[6] Серия окончаний с *-i*(*m*)- в целом характерна для непереходных глаголов, однако регулярно появляется в формах глагола 'давать', вероятно, в силу аналогии.

-ak (перс.) и *-og* (зороастрийский дари) — она может использоваться и не как обращение. Образец представлен в (16). В персидском переводе *xabarog* ‘одуванчик’ передан лексемой *qāsedak*, при том что *qāsed* означает ‘вестник, курьер, посыльный, гонец’.

(16) *ta xaš e-md-i;* ***xabar-og!***
ты хороший PREF-прийти.PST-PRF.2SG весть-DIM
xoš-xabar b-ih! *klō* *di-š*
хороший-новость быть.SBJV-3SG ворона ADD-3SG.CL
xɛn o ʻišāllā ɛmru xat-š
кричать.PST и иншалла сегодня письмо-3SG.CL
e-tō!
PREF-приходить.PRS.3SG
‘Добро пожаловать, Одуванчик! Чтобы ты [всегда] приносил добрые вести! К тому же ворона кричала (каркнула), так что, даст Бог, сегодня придет от него / от нее письмо’ [M II: 513].

Приведем также образцы этикета из личной практики. Если, например, вы заболели или в стране приключилось бедствие, то ваши друзья зороастрийцы (как и иранцы-мусульмане) будут за вас и/или за вашу страну молиться, ср. примеры из писем зороастрийки по-персидски (*dorud* — старинное иранское приветствие):

(17) *dorud bar šomā, xānom-e Elena-ye*
приветствие на вы госпожа-EZ Елена-EZ
aziz-am. man xeyli nārāhat šod-am
дорогой-1SG.CL я очень огорченный стать.PST-1SG
ke šomā kam-i bimār šod-id.
COMP вы немного-INDEF больной стать.PST-2PL
barā-ye šomā Avestā-ye tandorosti mi-xān-am.
за-EZ вы Авеста-EZ здоровье DUR-читать.PRS-1SG
‘Приветствую Вас, дорогая госпожа Елена. Я очень огорчилась из-за того, что Вы заболели. За Вас [за Ваше здоровье] я читаю/пою Авесту’.

(18) *dorud bar šomā, xānom-e Elena-ye aziz*
приветствие на вы госпожа-EZ Елена-EZ дорогой
va mehrabān-am. man hamiše barā-ye šādi
и любезный-1SG.CL я всегда за-EZ радость

va tandorosti-ye šomā do'ā mi-kon-am,
и здоровье-EZ вы молитва DUR-делать.PRS-1SG
čun xeyli dust-etān dār-am.
так_как очень друг-2PL.CL иметь.PRS-1SG
'Приветствую Вас, дорогая и любезная госпожа Елена. Я постоянно молюсь за Вас и Ваше здоровье, потому что я Вас очень люблю'.

(19) *man barā-ye šomā va xānevāde-ye šomā hamiše*
я за-EZ вы и семья-EZ вы всегда
Avestā mi-xān-am ke salāmat va šād
Авеста DUR-читать.PRS-1SG COMP здоровый и счастливый
bāš-id. dust-etān dār-am.
быть.SBJV-2PL друг-2PL.CL иметь.PRS-1SG
'Я постоянно читаю/пою Авесту за Вас и Вашу семью, чтобы Вы были здоровы и счастливы. Я Вас люблю'.

Если у вас с вашими корреспондентами дружелюбные отношения и вы, по мере возможности, оказываете им поддержку или помощь, то устно они могут сказать или в конце письма может быть приписка: «Я Вас люблю» (см. выше). И это не дежурная фраза.

Этикетные формулы часты в электронных письмах. Например, в письме по-персидски от той же зороастрийки (ответ на посланный ей снимок со мной):

(20) *če aks-e zibā-e. šomā xeyli*
какой фото-EZ красивый-COP.PRS.3SG вы очень
xoš-lebās va xoš-čeher hast-id,
хороший-одежда и хороший-лицо COP.PRS-2PL
Elena jān…
Елена душа
'Какой красивый снимок. У Вас красивое платье и Вы сами привлекательны, Елена-джан…'

Итак, у иранских зороастрийцев, как и у иранцев в целом, представлен старинный обширный и разнообразный эт*икет, вербальный и невербальный. Его назначение — показать повышенное (порой гипертрофированное) уважение к собеседнику и сниженную самооценку.*

Сохранение и поддержание культурной и языковой идентичности внутри зороастрийского сообщества обеспечивается благодаря традициям, в число которых входят и речевой этикет, и присущий зороастрийцам коллективизм, приобретенный в условиях длительной изоляции. Конкретный состав зороастрийского этикета, помимо исконных, включает также персидские единицы.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ADD — аддитивная частица (‘тоже’); CL — клитика; COMP — подчинительный союз; COP — связка; DIM — диминутив; DUR — дуратив; EZ — изафет; IMP — повелительное наклонение; INDEF — неопределенность; INF — усеченный инфинитив; NEG — отрицание; OPT — оптатив; PL — множественное число; PREF — префикс; PROH — прохибитив; PRF — перфект; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; REFL — возвратное местоимение; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число.

Литература

Асгариан 2008 — А. Асгариан. Язык телевидения Ирана (анализ лексики). Дис. … канд. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2008.

Молчанова 2010 — Молчанова Е. К. Обрядовые тексты в связи с изменением социокультурной среды (на материале йезди, или зороастрийского дари) // И. И. Челышева (ред.). Текст и язык в переходные эпохи. Материалы Круглого стола. Институт языкознания РАН, 26 октября 2010 г. М.: Тезаурус, 2010. С. 69–76.

Gholami, Farahmand 2010 — S. Gholami, A. Farahmand. Zoroastrian Dari (Behdini) in Kerman. Girona: Sociedad de Estudios Iranios y Turanios, 2016.

Najafi 1378 — A. Najafi. Farhang-e Fārsi-ye ʿāmiyāne [Словарь персидского просторечия]. J. 1–2. Tehrān: Nilufar, 1378 (1999).

Источники

ПРС, 1–2 — Ю. А. Рубинчик (ред.). Персидско-русский словарь. В 2-х т. М.: Русский язык, 1983.

K — K. Keshāvarz. Farhang-e zartoshtiyān-e ostān-e Yazd [Словарь зороастрийцев провинции Йезд]. Eskilstuna: Б. и., 1993.

M I — K. Mazdāpour. Vāzhe-nāme-ye guyesh-e behdinān-e shahr-e Yazd [Словарь говора зороастрийцев города Йезд]. Jeld-e avval [Первый том]. Tehrān: Institute for Humanities and Cultural Studies, 1995.

M II — K. Mazdāpour. Vāzhe-nāme-ye guyesh-e behdinān-e shahr-e Yazd [Словарь говора зороастрийцев города Йезд]. Jeld-e dovvom [Второй том]. Tehrān: Institute for Humanities and Cultural Studies, 2006.

References

Asgarian 2008 — A. Asgarian. *Yazyk televideniya Irana (analiz leksiki)* [The language of the television in Iran]. Candidate dissertation. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2008.

Molchanova 2010 — E. K. Molchanova. Obryadovye teksty v svyazi s izmeneniem sotsiokul'turnoy sredy (na materiale yezdi, ili zoroastriyskogo dari) [Ceremonial texts in light of the changing socio-cultural environment (the case of Yezdi, or Zoroastrian Dari)]. I. I. Chelysheva. *Tekst i yazyk v perekhodnye epokhi* [Text and language in a time of change]. Proceedings from a workshop. Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 26 October 2010. Moscow: Tezaurus, 2010. P. 69–76.

Gholami, Farahmand 2010 — Gholami S., Farahmand A. *Zoroastrian Dari (Behdini) in Kerman.* Girona: Sociedad de Estudios Iranios y Turanios, 2016.

Najafi 1999 — Najafi A. *Farhang-e Fārsi-ye ʿāmiyāne* [Dictionary of Persian Vernacular]. J. 1–2. Tehrān: Nilufar, 1378 (1999).

Получено/received 19.09.2024 *Принято/accepted 30.06.2025*

Языковая и популяционно-генетическая история населения Памира и Гиндукуша

А. С. Коньков

Университет «Сириус» (Сириус, Россия);
andrey.s.konkov@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4681-2007

С. И. Каверин

Институт востоковедения Российско-Армянского университета (Ереван, Армения); swat.slav@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1086-0488

Д. А. Тверяков

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия); dtveriakov@gmail.com; ORCID: 0009-0001-6826-3371

А. Б. Малярчук

Институт общей генетики имени Н. И. Вавилова РАН (Москва, Россия); a_malyarchuk98@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-9252-2302

Аннотация. В работе сопоставлены данные языкознания и генетики, позволяющие реконструировать историю населения Памира и Гиндукуша. Доиндоевропейские обитатели региона в языковом отношении могли быть связаны с буришами, а по генетике — с палеолитическим населением Сибири. Этот компонент сохранился в генофонде калашей. Современные популяции региона сформировались в период миграций носителей дардских и памирских языков. Дополнительно памирцы ассимилировали переселенцев из Синьцзяна, а предки балти — мигрантов из Тибета.

Ключевые слова: балти, буриши, дарды, калаши, памирцы, Памир, Гиндукуш, палеогенетика, популяционная генетика

Для цитирования: Коньков А. С., Каверин С. И., Тверяков Д. А., Малярчук А. Б. Языковая и популяционно-генетическая история населения Памира и Гиндукуша // Индоиранские языки. 2025. 1(2). С. 161–195.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.7

© А. С. Коньков, С. И. Каверин, Д. А. Тверяков, А. Б. Малярчук, 2025

The linguistic and population-genetic history of the Pamirs and Hindu Kush people

Andrey S. Kon'kov
Sirius University (Sirius, Russia);
andrey.s.konkov@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4681-2007

Sviatoslav I. Kaverin
Institute of Oriental Studies, Russian-Armenian University (Yerevan, Armenia); swat.slav@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1086-0488

Dmitrii A. Tveriakov
Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia);
dtveriakov@gmail.com; ORCID: 0009-0001-6826-3371

Alexandra B. Malyarchuk
Vavilov Institute of General Genetics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); a_malyarchuk98@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-9252-2302

Abstract: In this article we combine linguistic and genetic data to reconstruct the history of the populations of the Pamirs and the Hindu Kush. According to linguistic classification, the languages of this area belong to the following groups: Iranian, Nuristani, Indo-Aryan, and Dardic (parts of the Indo-European family), Western Tibetan (part of the Sino-Tibetan family); and Burushaski as a language isolate. The languages of these groups also form contact zones with each other and with the languages of neighboring regions. Comparing available modern linguistic and genetic data, we conclude that the pre-Indo-European inhabitants of the region could be proto-Burushaski-speaking and related to the pre-glacial Paleolithic population of the Siberian Mal'ta culture. Their genetic component has been preserved to the greatest extent in the Kalash gene pool. The modern populations of the region were formed during the period of migrations of speakers of the Dardic and Pamiri languages, wherein the Pamiri peoples are genetically related to the Iranian groups of Central Asia (the Tajiks and the Yaghnobis), and the Dardic-speaking population is genetically related to the Indo-Aryan and Iranian native speakers of Pakistan (Sindhi, Punjabi; Pashtun, Baloch). Later the Pamiris absorbed immigrants from Xinjiang 3 kya, and the ancestors of the Balti absorbed migrants from Tibet 1 kya.

Keywords: Balti, Burusho, Dardic, Kalash, Pamiris, Pamirs, Hindu Kush, paleogenetics, population genetics

For citation: Kon'kov A. S., Kaverin S. I., Tveriakov D. A., Malyarchuk A. B. The linguistic and population-genetic history of the people of the Pamirs and Hindu Kush people. *Indo-Iranian Languages.* 2025. 1 (2). P. 161–195.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.7

1. Введение

История населения Памиро-Гиндукушского региона интересна своим исключительным лингвистическим разнообразием и этнической мозаичностью. Горные условия этой области способствовали значительной изоляции от трансконтинентальных миграционных процессов, активно охватывавших другие территории Евразии. Это, в свою очередь, способствовало сохранению на Памире и Гиндукуше более ранних языковых и популяционных компонентов. Вместе с тем этот регион не был полностью закрыт от переселенческих потоков и контактов с населением других регионов. Поэтому в этом сложном языковом и популяционно-генетическом ландшафте можно найти отражение древних миграций, следы которых оказались затерты и смыты более поздними переселенческими волнами в других областях Евразии. Также в языковом и популяционном ландшафте Памира и Гиндукуша можно найти и отражение тех миграционных процессов, которые шли в обход основных магистральных путей (например, связи между Балтистаном и Тибетом, Синьцзяном и Памиром).

В этом горном регионе сохранился ряд своеобразных групп языков — нуристанских, дардских и иранских. Носители этих языков могли проникнуть сюда еще на ранних этапах экспансии индоевропейского населения в южной части Центральной Азии. Также можно отметить проблему языка балти, который относится к группе тибето-бирманских языков, и его распространение указывает на исторические связи Памиро-Гиндукушской зоны с Тибетом [Tournadre, Suzuki 2023]. Самым интригующим вопросом является происхождение изолированного языка бурушаски, не имеющего однозначно доказанных связей с другими языками мира и распространенного только в этом регионе. Возникает вопрос, как про-

исхождение и распространение этих языков связано с генетическим и этническим происхождением их носителей и как языковая история может быть связана с историей самого населения Памира и Гиндукуша в биологическом аспекте.

Большие надежды в решении этих вопросов возлагаются на генетику, так как она представляет собой новый инструмент для исследования прошлого, который позволяет изучить биологическую историю населения непосредственно и независимо от социально-культурных аспектов. Поэтому соотносить известные данные генетики и языкознания тем более интересно и перспективно. Конечно, при таком сопоставлении необходимо осознавать и несинхронность социально-культурной и популяционно-биологической истории, и неполное соответствие языковых и популяционно-генетических границ. Другая проблема при сравнении результатов данных наук — неполнота доступных материалов, которая особенно ощутима со стороны генетики как современного, так и древнего населения. Тем не менее, с учетом этих ограничений и поправок, сопоставление данных лингвистики с генетикой может прояснить многое в историческом прошлом населения этого горного края — как уточняя прежние гипотезы, так и очерчивая новые контуры.

Статья включает четыре раздела. В разделе 1 описаны общие аспекты проблемы. В разделе 2 показано, какие языковые группы распространены в регионе, представлены ареалы и языковые союзы, в которые они входят, а также возможный языковый субстрат, лежащий в основе этого многообразия. Раздел 3 посвящен соотнесению генетических данных древних и современных популяций; описывается история заселения этого региона с указанием эпизодов и датировок миграций, очерчено соответствие языковых и популяционных границ и общностей. Для этого мы проанализировали опубликованные научные статьи по популяционной генетике данного региона и сопоставили их результаты и выводы. В разделе 4 представлена общая картина истории населения региона с точки зрения лингвистики и генетики и предложена ее интерпретация с учетом выявленных соответствий данных этих двух наук и противоречий между ними.

Данные этнографии и биологической антропологии, которые составляют еще два измерения фундаментального изучения чело-

веческих популяций, мы вынуждены пока оставить за рамками данного обзора, но в будущем рассчитываем соответственно расширить ареальные исследования региона Памира и Гиндукуша. Определенная междисциплинарная работа в данном направлении уже ведется, в том числе, полевая, см. [Tegethoff, Kaverin 2023].

2. Структура языкового ландшафта Памира и Гиндукуша

Рассматриваемый географический ареал является одним из самых своеобразных на лингвистической карте мира — как в отношении высокой плотности входящих в него языков, так и в отношении их генеалогического и типологического разнообразия. Ниже мы приведем основные факты, позволяющие оценить это разнообразие.

2.1. Языковые группы населения Памира и Гиндукуша

С точки зрения языкового родства языки настоящего ареала относятся к следующим генеалогическим группам: иранские, нуристанские, индоарийские и дардские (в составе индоевропейской семьи), западнотибетские (в составе сино-тибетской семьи), а также язык-изолят бурушаски.

Впрочем, по поводу филогенетического соотношения перечисленных групп индоевропейской семьи нет единого мнения: так, некоторые исследователи выделяют дардские языки (или по крайней мере часть их) в отдельную группу [Коган 2005], другие включают дардские языки целиком в состав индоарийских [Bashir 2003: 905; Liljegren 2023: 396]. В памирскую подгруппу включены только восточноиранские языки, но их объединение в одну подгруппу основывается только на ареально-географическом признаке и не имеет надежных лингвистических оснований (см., например, [Wendtland 2009]). В обзоре мы следуем в основном предложениям, высказанным в работах [Коган 2005] и [Wendtland 2009]; тем самым мы признаем существование особой дардской группы (считая достаточно убедительными аргументы А. И. Когана в пользу существования общего языка-предка дардских языков), но не выделяем памирскую

подгруппу в качестве генеалогического единства (хотя в некоторых ранних работах это делалось, см., например, рассуждения об «общепамирском языковом состоянии» в [Пахалина 1983; 1989]).

Полный перечень языков памиро-гиндукушского ареала (с указанием их генеалогической принадлежности) приведен в Приложении.

2.2. Языковые союзы и ареалы Памира и Гиндукуша

Большинство специалистов (см. [Эдельман 1980; Tikkanen 2008; Borin et al. 2020; Liljegren 2023]) сходятся во мнении, что языки, распространенные в этой части Азии, образуют языковой ареал (т. е. область длительных и интенсивных языковых контактов) с многочисленными проявлениями конвергентного сходства[1]. Для этого ареала предлагались разные названия, в частности, «Гиндукуш-Каракорум-Памир», «Перистан»[2], «центральноазиатский языковой союз» (В. Н. Топоров, Д. И. Эдельман), «памиро-гиндукушский этнолингвистический регион» (А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский), «переходная зона между Южной и Центральной Азией» (“transit zone between South and Central Asia”) (B. Tikkanen), «индоиранское пограничье» (“Indo-Iranian Frontier”) (G. Morgenstierne). У разных исследователей как характер, так и границы ареала отличаются. Так, в работе [Borin et al. 2020], выполненной на материале электронной базы данных, составленной на основе известного раннего обзора языков Индии (Linguistic Survey of India) [Grierson 1903–1927], рассматриваются грамматические черты всех языков Южной Азии, но не включаются языки Памира; впрочем, и выводы авторов

[1] Некоторые исследователи предлагают различать понятия «языковой союз» (Sprachbund) и «языковой ареал» [Liljegren 2023: 394]. Данное противопоставление представляется нам несколько искусственным, так как зачастую эти явления различаются лишь степенью интенсивности языковых контактов; в большинстве современных работ по ареальной лингвистике оно не проводится.

[2] Перистан — мифическая область, населяемая фееподобными горными духами, присущая фольклору Западной, Центральной и Южной Азии. Как научный термин впервые вводится в работе [Cacopardo, Cacopardo 2001: 14]: «Мы используем этот термин как поэтическое обозначение научно определяемой сущности» (“We employ this term as a poetic designation for a scientifically definable entity”).

этой работы о границах и самом существовании явно выделяемого ареала остаются предварительными. В исследовании Б. Тикканена [Tikkanen 2008], основанном прежде всего на фонетических характеристиках, сравниваются ареалы Центральной и Южной Азии. В ходе этого сравнения автор приходит к выводу о необходимости выделить и некоторый «промежуточный ареал» (the transit zone), границы которого в общем соответствуют «центральноазиатскому» ареалу, выделенному еще в работе [Эдельман 1980]. Несмотря на то, что языки этого ареала схожи с языками смежных регионов, они обладают и собственным набором характерных свойств. Д. И. Эдельман в указанной работе включает в данный ареал языки Памира, Нуристана, Восточного Гиндукуша (и западной части Гималаев), а также распространенные несколько южнее белуджский (иранский) и периферийный язык брахуи (дравидийский). Так называемый «Перистан» в работе Х. Лильегрена [Liljegren 2023] отличается от предыдущего только отсутствием этих двух языков (подробнее см. ниже).

Характеризуя социолингвистическую ситуацию в данном регионе, следует прежде всего отметить, что к югу от Гиндукушского хребта в качестве лингва франка функционирует язык пашто (восточноиранский), на севере афганской провинции Нуристан и далее до Припамирья данный статус имеет дари (западноиранский). На севере Пакистана ситуация сложнее: в Читрале региональным языком общения давно стал кховар (дардский), в области Гилгита и верховьях Инда — язык шина (дардский), в целом же в регионе Хайбер-Пахтунхва эту функцию выполняет пашто. В определенных сферах (СМИ, образование, администрация и т. п.) используются также официальные языки Индии и Пакистана — хинди и урду, соответственно, и английский (подробнее см., например, [Masica 1976]).

В обзоре мы принимаем те границы ареала, которые предложены в недавней работе Х. Лильегрена [Liljegren 2023], где обобщены результаты многих предыдущих исследований и наиболее полно учтен имеющийся языковой материал (в том числе, с опорой на базу данных, составленную авторским коллективом, [Liljegren et al. 2021]). «Перистан», как в работе назван этот макроареал, может быть дополнительно разделен на три микроареала (западный, во-

сточный, северный) и три периферийные зоны (центральноазиатская, южноазиатская, гималайская), см. карту [Liljegren 2023: 402].

2.3. Общие ареальные черты языков Памира и Гиндукуша

В качестве основных ареальных черт, присутствующих в большинстве языков Перистана, в работах Х. Лильегрена и соавторов [Liljegren et al. 2021; Liljegren 2023] выделяются следующие[3]:

- ретрофлексные согласные фонемы (смычные, аффрикаты и фрикативные);
- финальные вопросительные частицы;
- черты расщепленной эргативности (выбор синтаксической стратегии зависит главным образом от времени или аспекта глагола);
- грамматическое противопоставление имен по признаку одушевленности-неодушевленности;
- сложные дейктические системы;
- вигезимальная система числительных;
- модель типа ‘большой отец’ для обозначения брата отца;
- лексема ‘родители’, построенная по модели «парного слова» (вида ‘отец-мать’).

Западный Перистан характеризуется следующими специфическими чертами:

- ретрофлексные аппроксиманты;
- отсутствие фонологического противопоставления по аспирации;
- отсутствие лексически и грамматически релевантных тоновых различий;
- посессивные суффиксы, выражающие неотчуждаемую принадлежность;
- дейксис, основанный на геоморфических свойствах местности (например, расположение объекта в зависимости от того, какую позицию он занимает относительно направления течения реки);

[3] Подробное рассмотрение каждого признака выходит за рамки настоящей статьи.

- большой набор дискурсивных частиц;
- смешанная система числительных (десятичная и вигезимальная).

Восточный Перистан характеризуется следующими специфическими чертами:
- фонологическая значимость аспирации и тона;
- простое устройство слога;
- наличие грамматического рода (участвующего в согласовании);
- полная (нерасщепленная) эргативность.

Северный Перистан характеризуется следующими специфическими чертами:
- номинативно-аккузативный тип маркирования ядерных актантов;
- нулевая связка;
- отсутствие грамматического рода.

Центральноазиатская переходная зона характеризуется следующими специфическими чертами:
- отсутствие ретрофлексных смычных;
- наличие предлогов (наряду с послелогами);
- десятичная система числительных.

Южноазиатская переходная зона характеризуется следующими специфическими чертами:
- наличие ретрофлексных взрывных при отсутствии ретрофлексных аффрикат и фрикативных;
- расщепленная эргативность, зависящая от времени и аспекта;
- десятичная система числительных.

Наконец, **гималайская переходная зона** характеризуется следующими чертами:
- сложная структура слога;
- отсутствие глагольного согласования;
- семантически зависимое маркирование ядерных актантов (в том числе, в зависимости от контролируемости).

На основе взаимодействия всех этих признаков и выстроена классификация в [Liljegren 2023].

Конечно, данный список черт не является исчерпывающим. С другой стороны, многие из перечисленных выше свойств встречаются и в языках других ареалов. В докладе [Плунгян 2023] в качестве важных особенностей языков «памиро-гиндукушского» ареала, которые могут быть существенны для определения ареальной принадлежности, были также предложены следующие:

- апофония в именных и глагольных основах;
- высокая степень нерегулярности морфологических показателей, обилие сложной алломорфии и множественность словоизменительных классов;
- грамматикализация эвиденциальности (инферентивной и репортативной) и миративности;
- противопоставление перфективных и имперфективных серий в глаголе;
- относительно слабая грамматикализация времени;
- классно-числовое согласование, локализованное скорее в предикатах, чем в атрибутах (исключая демонстративы);
- «сложные глаголы» в составе предикатной лексики (прежде всего, с легкими глаголами ‘становиться’, ‘делать’, ‘бить’, ‘давать’);
- слабая дифференциация наречий от других частей речи.

2.4. Языковой субстрат населения Памира и Гиндукуша

Для исследований по ареальной типологии этого региона всегда особую значимость имел вопрос не только о характере наблюдаемого языкового разнообразия, но и о его истоках. В связи с этим не раз обсуждалась идея общего субстрата распространенных здесь языков. Гипотеза, постулирующая наличие такого субстрата, к которому можно возвести многие (или даже все) описанные выше свойства, конечно, была бы во многих отношениях привлекательной.

Одна из наиболее ранних (и наиболее известных) гипотез такого рода была сформулирована Д. И. Эдельман. В качестве «естественного» кандидата на роль субстрата был предложен язык, родственный современному языку бурушаски. В настоящее время бурушаски — генеалогический изолят, распространенный только в двух несмежных горных долинах Северного Пакистана (в провин-

ции Гилгит-Балтистан), но прежде, по всей вероятности, охватывавший гораздо более широкую территорию. В частности, в работе [Эдельман 1980] рассматривается гипотеза существования бурушаски (гималайского) субстрата[4] в языках рассматриваемого региона. Помимо собственно факта автохтонности языка бурушаски, эта гипотеза обосновывается наличием некоторых черт в современных языках ареала, которые могут представлять собой результат иррадиации (с дальнейшей эволюцией) явлений, характерных именно для грамматики бурушаски или каких-то близких ему вымерших языков, существовавших в регионе. Основные черты, о которых идет речь, следующие:

- противопоставление по категории одушевленности-неодушевленности или агентивности-неагентивности[5], проявляющееся в
  а) наличии двух различных связок 3-го лица, распределенных по данному признаку (кховар, калаша, пашаи и др.);
  б) морфосинтаксическом маркировании неотчуждаемой принадлежности, при котором домашние (иногда и прочие) животные маркируются как неотчуждаемые (в дардских, памирских и в особенности в нуристанских языках);
  в) наличии так называемых «псевдопереходных» глаголов (особенно в памирских и дардских языках), которые, не имея прямого объекта, грамматически уподобляются переходным (агентивным) глаголам;
- переориентация категории рода с грамматической доминанты на семантическую (памирские, дардские языки);
- наличие отдельного грамматического класса стативных глаголов, обозначающих качества или свойства (например, в таких значительно различающихся дардских языках, как кашмири и шумашти);

[4] В статье практически не проводится сравнения с языками Гималаев, распространенных за пределами Перистана.

[5] Грамматикализация семантически сходной инволитивности в языках региона рассматривается также в [Bashir 2015]. Ср. замечание Д. И. Эдельман [1980: 31]: «Таким образом, складывается впечатление, что субстрат должен был обладать чертами активной типологии. В этом плане он может быть сопоставлен прежде всего с бурушаски и гималайскими языками, выявляющими и сейчас черты активного строя или их формальные рудименты».

- противопоставление по категории инклюзивности-эксклюзивности местоимений 1-го лица множественного числа (отдельные генетически неродственные языки ареала);
- ретрофлексные фрикативные согласные.

Следует подчеркнуть, что сегодня далеко не все исследователи признают наличие буришского субстрата, ср. характерное замечание: «…некоторые из более широких ареальных особенностей в этом регионе не имеют специально буришских черт либо являются слишком универсальными или типологически различными по своей природе, чтобы быть отнесенными исключительно к субстрату типа бурушаски» [Tikkanen 1988: 320][6].

Язык, подобный бурушаски, мог оказаться не единственным субстратом для ареала Перистана — свой вклад в его формирование могли внести и другие автохтонные языки Гималаев[7], которые могли бы также послужить в качестве субстрата и для языков смежных регионов. Эту идею высказывает и Х. Лильегрен: «В более долгосрочной исторической перспективе Перистан можно описать как северо-западное продолжение более обширного гималайского мира, и поэтому весьма вероятно, что многие типичные перистанские черты также распространены за пределами несколько искусственных границ, предложенных здесь» [Liljegren 2023: 425][8].

Таким образом, многие проблемы описания одного из самых сложных и разнообразных языковых ареалов на карте мира еще предстоит решить.

---

[6] “Some of the wider areal features in this region specifically exclude Burushaski or are too universal or typologically different in nature to be ascribed to an exclusively Burushaski-type substratum”.

[7] Насколько мы можем судить, во втором из дошедших до наших дней изолированном автохтонном языке Гималаев — кусунда (в настоящее время практически исчезнувшем) — вышеперечисленные «перистанские» черты не наблюдаются. Примечательно, что глагольная система данного языка характеризуется сильной грамматикализацией семантической зоны реальности ситуации [Watters et al. 2006] (связь последней с семантикой волитивности-контролируемости заслуживает отдельного исследования).

[8] “In a longer historical perspective, Peristan can be described as the Northwestern extension of the larger Himalayan world, and it is therefore very likely that many typical Peristani properties are also shared across the somewhat artificial boundaries suggested here”.

3. Популяционно-генетическая структура населения Памира и Гиндукуша и ее генезис

Языковое разнообразие населения Памиро-Гиндукушского региона ставит закономерный вопрос о том, как языковая структура региона соответствует популяционной истории его населения, как распространение разных языковых групп связано с древними потоками миграций, а сформировавшиеся контактные языковые союзы — с последующим взаимодействием и изоляцией этих групп.

В свете сказанного выше о языковой характеристике населения Памиро-Гиндукушского региона, наиболее интересны следующие проблемы:

1) локализация происхождения языка бурушаски и самой популяции буришей, что особенно значимо в силу не только изолированного характера самого языка, но и допущения о возможном общем квазибуришском языковом субстрате для всего разноязычного населения региона или его большей части;
2) как и когда происходило заселение памироязычными и дардоязычными группами территорий Памира и Гиндукуша; чем объясняется обособленное положение этих групп в языковом отношении по сравнению с другими ветвями индоиранского населения, и находит ли оно такое соответствие в популяционной истории;
3) проблема происхождения тибетского языка балти и связь народа балти с другими группами тибето-бирманского населения, а также общие популяционные связи Памиро-Гиндукушского региона с Тибето-Гималайским регионом.

В настоящее время среди современного населения методами полногеномного анализа изучены следующие дардоязычные народы: калаши, кхо (читральцы), кашмирцы из Пакистана [Yang et al. 2021; Khan et al. 2022]. Среди памироязычных групп исследованы ваханцы и сарыкольцы из Китая [Peng et al. 2018; Dai et al. 2022]. Также проанализированы буриши из Пакистана [Pagani et al. 2017; Yang et al. 2021; Khan et al. 2022] и балти из Пакистана [Yang et al. 2021; Khan et al. 2022]. Анализ только митохондриальных маркеров был проведен для дардского народа шина [Rahman et al. 2021]. Полноценных данных, полученных в академических иссле-

дованиях по другим популяциям памирцев и дардов, пока нет, как и данных по нуристанцам, собранных в научных проектах.

Данные о ДНК древних популяций доступны из мезолитического слоя могильника Туткаул-2 возрастом 8,4–8 тыс. лет [Posth et al. 2023]. Также существует обширная выборка образцов из долины Сват и несколько образцов из Читрала с конца эпохи бронзы до Нового времени [Narasimhan et al. 2019]. Среди них 99 образцов относятся к гандхарской археологической культуре (сер. II — сер. I тыс. до н. э.) из долины реки Сват. Гандхарскую культуру многие исследователи связывают с периодом переселения индоарийского населения в Южную Азию. Кроме них, имеется три образца X–VI вв. до н. э., 12 образцов из погребения буддистского монастыря Саиду Шариф V–III вв. до н. э. Другие пять образцов с памятника Буткара IV датируются III в. до н. э. — I в. н. э., представляя индо-греческий и индо-скифский периоды. Семь средневековых образцов датируются VII–XIII вв. н. э., еще один образец позднего Средневековья датируется XIII–XV вв. н. э. Все они происходят из нижней части долины Сват. Кроме того, имеется четыре образца из Читрала VIII–XVII вв. н. э. [Narasimhan et al. 2019].

3.1. Популяционно-генетическая характеристика и структура населения Памира и Гиндукуша

Сопоставление этих данных с известной информацией о ДНК древнего и современного населения Евразии (которое включало и проведенный биоинформационный анализ) выявило следующие особенности популяционно-генетической структуры населения Памиро-Гиндукушского региона и обстоятельства его формирования.

Все современное население Памира и Гиндукуша вне зависимости от языковой принадлежности относительно близко населению Пакистана, северо-западной Индии, южного Афганистана и ираноязычным популяциям Средней Азии.

Дардские популяции — калаши, читральцы (кхо) и кашмирцы (а также не дарды — балти и буриши) — генетически более схожи с равнинным населением Пакистана (пенджабцами, синдхами), но также с паштунами, белуджами и брахуи. В горной зоне из иноязычных групп дарды составляют общий популяционный кластер

с буришами, но несколько обособляются от балти [Yang et al. 2021; Khan et al. 2022].

Памироязычные популяции — сарыкольцы и ваханцы Синьцзяна — близки дардоязычным популяциям Гиндукуша и буришам, но несколько отклоняются от них и сближаются с ираноязычными популяциями Средней Азии — таджиками и ягнобцами [Dai et al. 2022]. Также наблюдается небольшое сближение с современным уйгурским населением Синьцзяна [Ibid.].

Однако у ряда этноязыковых групп имеется еще ряд локальных популяционно-генетических особенностей. Генофонд балти включает 20 % примеси со стороны населения Тибета, что коррелирует с их языковым отличием от прочего населения региона. Эту тибетскую примесь имеют также дарды-кхо и буриши. Для них же характерна и небольшая примесь от южноиндийского населения, близкого популяциям дравидоязычных панья — этнической группы из лесных районов индийского штата Керала, относящейся к внекастовым зарегистрированным племенам [Peng et al. 2018; Yang et al. 2021; Dai et al. 2022; Khan et al. 2022]. Генофонд изученных памироязычных популяций и калашей Читрала включает реликтовый компонент, намного более древний, чем их язык и культура, близкий плейстоценовому палеолитическому населению Сибири доледниковой эпохи.

3.2. Генезис популяционного ядра населения Памира и Гиндукуша

Самое древнее известное в палеогенетической летописи население из мезолитического слоя Туткаул-1 отличалось от современных популяций Памира и Гиндукуша [Posth et al. 2023]. Оно было близко в популяционном отношении древним североевразийцам ANE — древнему палеолитическому населению Сибири, связанному с сибирскими могильниками Мальта и Афонтова Гора [Ibid.]. Известно, что эта популяция по своему происхождению была ближе к европеоидному западноевразийскому населению [Sikora et al. 2019; Yu et al. 2020; Mao et al. 2021; Posth et al. 2023; Allentoft et al. 2024]. Вероятно, в древности группы ANE были распространены западнее, так как они участвовали в генезисе мезолитических восточноевро-

пейских охотников-собирателей EHG [Posth et al. 2023]. В Сибири же древние североевразийцы были замещены несколькими волнами монголоидного населения из Восточной Азии, проникавшего на север Евразийского континента с периода ледникового максимума до начала голоцена [Sikora et al. 2019; Yu et al. 2020; Mao et al. 2021]. Примечательно, что генетический след североевразийцев ANE локально прослеживается в центре степной зоны и Синьцзяне до бронзового века. Их потомками стали представители окуневской культуры (Хакасия), ботайской культуры (Центральный Казахстан), а также население, оставившее таримские мумии [Dai et al. 2022; Kumar et al. 2022; Allentoft et al. 2024], сохранившиеся в засушливых условиях пустыни Такла-Макан.

Компонент ANE преобладал и у мезолитического населения Припамирья, но помимо него включал и компонент иранских охотников-собирателей — IHG [Posth et al. 2023]. Примечательно, что IHG мигрировали с территории Ирана и в зону распространения индийских автохтонов AASI в северной Индии. Их инфильтрация произошла около 14 тыс. лет назад, т. е. еще в доаграрное время [Shinde et al. 2019]. Подобная оценка прихода мигрантов с Иранского плато в горную зону Таджикистана для могильника Туткаул-1 не была сделана. Поэтому пока не ясно, в составе той же ли миграционной волны носители иранского компонента проникли в Припамирье, что и переселенцы в Индостан [Коньков 2023]. Обращает на себя внимание то, что в Туткауле-1 не прослеживается влияния со стороны автохтонных групп Индостана, в связи с чем мы предполагаем, что горные зоны Памира и, по-видимому, Гиндукуша были в это время изолированы от популяционных контактов с Южной Азией.

Неолитическая революция привела волны нового населения с Ближнего Востока, которое включало анатолийский и иранский компоненты [Skourtanioti et al. 2020], в Среднеазиатское междуречье и на восток Ирана [Narasimhan et al. 2019]. Эти люди стали основой населения анаусской культуры, а в более поздние времена — населения доиндоевропейской Бактрии (Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, БМАК) и Гильмендской цивилизации [Skourtanioti et al. 2020]. В период формирования городских поселений в Средней Азии в III тыс. до н. э. и на востоке Ирана сюда активно переселяются выходцы из хараппского ареала [Narasimhan

et al. 2019; Коньков 2023]. Неизвестно, как процессы аграрной революции — контактов между хараппским ареалом и БМАК — затронули зону Памира и Гиндукуша в популяционном отношении. Пока для этого периода нет данных древней ДНК, а данные биоинформатического моделирования ни по древнему, ни по современному населению не дают какой-либо релевантной информации [Narasimhan et al. 2019]. Этот период остается белым пятном в популяционно-генетической истории региона.

Конец бронзового века во II тыс. до н. э. привел к новой популяционной трансформации соседних с Памиром и Гиндукушем территорий Средней и Южной Азии. Они были связаны с переселениями протоиранских, протоиндоарийских (и, вероятно, протонуристанских) мигрантов из степей Центральной Азии. В конце II тыс. до н. э. выходцы из степной зоны Казахстана расселяются по территории Ирана, Индии, Средней Азии. С ними распространяются генетические компоненты охотников-собирателей Восточной Европы (EHG) и обитателей Кавказа (CHG), смешанные в равном соотношении [Narasimhan et al. 2019; Scorrano et al. 2021; Lazaridis et al. 2022].

Именно в это время в Среднеазиатском междуречье формируется генофонд современных таджиков и ягнобцев [Cilli et al. 2019; Narasimhan et al. 2019; Kumar et al. 2021; Dai et al. 2022; Guarino-Vignon et al. 2023]. Хотя он и подвергается некоторым трансформациям в последующие эпохи [Kumar et al. 2021; Dai et al. 2022; Guarino-Vignon et al. 2023], его ядро возникает от смешения жителей БМАК с пришлыми андроновскими племенами в период XX–XVI вв. до н. э.

Выходцы из степной зоны современного Казахстана через долину реки Сват заселяют и территорию Индостана, где в этот же период смешиваются с предшествующим населением, в том числе с потомками хараппского населения. Именно в эпоху индоарийских вторжений формируется ядро современных популяций бассейна Инда, равнин Белуджистана, южного Афганистана и северо-запада Индии [Cristofaro et al. 2013; Metspalu et al. 2018; Narasimhan et al. 2019; Kerdoncuff et al. 2024].

Переселения носителей иранских, дардских и индоарийских языков в Среднюю и Южную Азию сформировали популяционную основу современного населения Памира и Гиндукуша. Генофонд

современных памироязычных народов в рамках исследования [Dai et al. 2022] обнаруживает бóльшую близость с таджикскими и ягнобскими популяциями (также ираноязычными). У дардоязычного населения Восточного Гиндукуша велика генетическая близость с равнинными популяциями Инда, белуджами и паштунами Афганистана [Yang et al. 2021; Khan et al. 2022]. Несмотря на длительную изоляцию в горных условиях, эта близость сохраняется до наших дней.

Прежнее же население Памира и Гиндукуша, которое существовало до распространения индоиранского населения, было полностью замещено. Исключение составляют дардоязычные калаши, которые в своем генофонде частично сохранили субстрат первых мезолитических обитателей региона. Этот субстратный компонент более всего близок населению Туткаула-1 и древним североевразийцам ANE. Уже в первых исследованиях выявлялась резкая обособленность калашей в евразийском масштабе [Ayub et al. 2015]. Позже этот вывод был скорректирован: калаши схожи с другими группами Гиндукуша и равнинных областей Пакистана и Афганистана, но их субстратный компонент создает некоторое своеобразие популяции калашей по отношению к другим исследованным популяциям Гиндукуша. Вероятно, язык калашей и специфическая система традиционных верований, связанная с так называемой «гиндукушской» религией, были восприняты коренным населением Читрала извне и позднее от индоиранских мигрантов [Ayub et al. 2015; Pagani et al. 2017; Yang et al. 2021; Khan et al. 2022]. Небольшой вклад компонента гиндукушских автохтонов (с меньшей долей, чем у калашей) включился и в генофонд дардоязычных кхо [Khan et al. 2022].

Особый случай представляют буриши, которые, наоборот, сохранили реликтовый язык при полном замещении генофонда исходной популяции. В отличие от калашей, современные популяции буришей не несут реликтового компонента ANE и схожи с прочими дардскими группами [Ibid.].

Гипотеза буришского субстрата и сопоставление данных генетики с данными лингвистики вполне допускают, что исходное доиндоевропейское население, связанное с потомками мезолитического населения Туткаула, чей след прослеживается в генофонде

калашей и в меньшей степени у кхо, могло говорить на буришских языках. Но в этом случае наблюдается результат двух зеркальных контактных явлений: генетический реликт частично сохранился в популяциях калашей и кхо при полной смене языка, а у буришей сохранился прежний язык при полной смене генофонда.

3.3. Дополнительные популяционные влияния на население Памира и Гиндукуша

В более поздние века население Памира и Гиндукуша впитало новые потоки миграции извне.

В популяции предков памирцев в конце II тыс. до н. э. (около 3,2 тыс. лет назад) влились группы, генетически схожие с теми обществами, чьи погребения представлены таримскими мумиями. Эти обитатели Синьцзяна, наряду с ботайцами и окуневцами, представляли собой последние группы потомков североевразийцев ANE, уцелевших в Центральной Азии [Yu et al. 2020; Gnecchi-Ruscone et al. 2021; Dai et al. 2022]. Переселившись на Памир 3 тыс. лет назад, они внесли компонент ANE в генофонд прародителей ваханцев и сарыкольцев. Примечательно, что у (персоязычных) таджиков, включая горные группы из Западного Памира, этой примеси нет [Dai et al. 2022]. Значит, данная миграция повлияла не на все ираноязычные группы вообще, а именно на памироязычные группы. Возможно, она даже повлияла не на все памироязычное население, а только на восточные группы — сарыкольцев и ваханцев Кашгарии (на западе Синьцзяна). Данный вопрос требует уточнения в будущих исследованиях. Также установлено, что указанная миграция из Притаримья не повлияла на генофонд населения Гиндукуша [Ibid.].

В более поздние эпохи, в период VII–XIII вв. н. э. памирцы, уже вместе с таджиками, получили примесь степного монголоидного компонента. Впрочем, его вклад у памирцев, как и у таджиков, намного меньше, чем у тюркоязычного населения земледельческой зоны — узбеков и уйгуров [Dai et al. 2022; Guarino-Vignon et al. 2023].

Население Гиндукуша в первые века н. э. испытало популяционные влияния со стороны населения Тибетского нагорья. Они затронули популяции буришей и дардоязычных кхо, но миновали кашмирцев и калашей [Khan et al. 2022]. Новый миграционный им-

пульс со стороны Тибета охватил территорию Балтистана на рубеже I и II тыс. н. э. [Yang et al. 2021]. Он повлиял на предков балти, оставив в их генофонде ощутимую примесь тибетского населения, равную 20 %. Эта миграция с востока и привела к смене языка на тибетский. Возможная причина, вызвавшая популяционный и языковой сдвиг в Балтистане, — коллапс Тибетского царства в IX в. и бегство людей из зоны упадка и нестабильности.

Помимо этих очевидных и реконструируемых популяционных событий, в генофонде населения Гиндукуша прослеживаются следы нескольких менее понятных эпизодов. Это обнаруженный в ряде популяций генетический след реликтового населения, близкого южноиндийским дравидоязычным панья (племенной некастовой группе, обитающей в лесных районах индийского штата Керала) и романоязычным сардинцам юга Европы [Khan et al. 2022]. Популяционные процессы, которые связывают гиндукушское население с южноиндийским, прямо не исследовались, а контакты с южноевропейским населением изучены недостаточно.

Что касается связей с южной Индией, они прослеживаются в генофонде буришей и дардоязычных кхо. Помимо Восточного Гиндукуша, такие «легкие» южноиндийские примеси от населения, близкого другой дравидоязычной популяции пуллияр (одна из неприкасаемых групп народа малаяли), обнаружены в ряде тибето-бирманских популяций среднего пояса Гималаев (у гурунгов, барам, чантаялов, чепанг) [Arciero et al. 2018; Liu et al. 2022]. Ко времени индоарийских миграций такое население уже не обитало на севере Индостана [Narasimhan et al. 2019]. В палеогенетическом материале его след не выявляется [Liu et al. 2022]. Известно, что в генофонде южноиндийских дравидоязычных групп панья и пуллияр высока доля индийских первообитателей AASI [Metspalu et al. 2018; Narasimhan et al. 2019; Kerdoncuff et al. 2024]. Но важно, что, как уже говорилось выше, вклад этого компонента отсутствует в мезолитическом населении Припамирья [Posth et al. 2023]. Это говорит о существовании неких пока не выявляемых палеогенетикой и еще неизвестных ранних групп населения, обитавших у подножия Гималайских гор и Гиндукуша.

Что касается влияния средиземноморского населения, то в одних исследованиях его вклад выявлялся у калашей Читрала и свя-

зывался с греко-македонскими армиями Александра Великого [Hellenthal et al. 2014], в других опровергался [Ayub et al. 2015]. В последних исследованиях вклад южноевропейского населения не выявлен у калашей по данным полногеномного анализа, но обнаружен у бурушей и дардоязычных кхо [Khan et al. 2022]. При этом, согласно исследованию З. Рахман, калаши несут митохондриальные клады J2b1a7a и R0a5a, которые связаны происхождением со Средиземноморьем [Rahman et al. 2021]. Противоречивость подобных фактов требует прояснения в будущих исследованиях.

4. Выводы

Сопоставление данных генетики с данными лингвистики свидетельствует о том, что основным процессом, который заложил фундамент генофонда современного населения Памира и Гиндукуша, были миграции индоиранского населения в позднем бронзовом веке II тыс. до н. э. События именно этой эпохи сформировали языковую и популяционную структуру горного региона, где стало преобладать памироязычное и дардоязычное население.

Памирцы и дарды, будучи близки между собой, обладают схожим, но несколько отличающимся генетическим фундаментом. Памироязычное население формировалось на общей основе с ираноязычным населением Средней Азии (таджиками и ягнобцами), а дардоязычное — на общей основе с индоарийским населением равнинного Пакистана в долине Инда (синдхами и пенджабцами) и ираноязычными белуджами и паштунами. Потому языковые границы здесь не везде совпадают с генетическими.

Еще одним важным событием в регионе, которое сопровождалось одновременно языковым и популяционно-генетическим сдвигом, была миграция тибетского населения в Балтистан на рубеже I и II тыс. н. э. Она привела к смене языка и появлению 20 % тибетской примеси в генофонде балти.

Предположение об автохтонности буришеязычных групп для Памира и Гиндукуша допустимо при ряде оговорок. Носителями языков, родственных бурушаски, могли являться доиндоевропейские обитатели региона, родственные древним североевразийцам ANE из Сибири. В этом случае генофонд данного населения был

сохранен как реликтовый сокомпонент при языковом сдвиге у основных дардских популяций Читрала — калашей и, в меньшей степени, кхо. Для современных носителей языка бурушаски характерен генофонд дардоязычных групп при замещении исходного, но язык сохранился как реликт древней эпохи.

Ряд иных событий отразился в популяционном ландшафте региона, но не привел к существенной языковой трансформации. Например, миграции населения из Синьцзяна на восточный Памир 3 тыс. лет назад, приток переселенцев из Тибета первых веков н. э. на Восточный Гиндукуш, проникновение южноевропейского компонента в ряд популяций Гиндукуша.

Некоторые вопросы языковой истории региона, такие как формирование трех микроареалов (западного, восточного и северного Перистана) и трех периферийных зон (центральноазиатской, южноазиатской, гималайской), пока не могут быть освещены с позиций генетики в силу неполноты материала и недостаточной разрешающей способности современных генетических методов.

Список условных сокращений

БМАК — Бактрийско-Маргианский археологический комплекс; AASI — индийские первообитатели (Ancient Ancestral South Asians), выделенная в палеогенетических исследованиях группа палеолитического населения Индостана, связанная с потомками первых представителей вида Homo sapiens, заселивших территорию Южной Азии; ANE — древние североевразийцы (Ancient North Eurasian), выделенная в палеогенетических исследованиях группа палеолитического населения Сибири доледниковой эпохи, включающая популяции байкальского могильника Мальта и енисейского могильника Афонтова Гора; CHG — охотники-собиратели Кавказа (Caucasus hunter-gatherers), выделенная в палеогенетических исследованиях группа позднепалеолитического и мезолитического населения Кавказа и северного Ирана; EHG — восточноевропейские охотники-собиратели ([Eastern] European hunter-gatherers), выделенная в палеогенетических исследованиях группа мезолитического населения Восточной Европы; IHG — иранские охотники-собиратели (Iranian hunter-gatherers), выделенная в палеогенетических исследованиях группа раннеголоценового населения Иранского нагорья.

Литература

Коган 2005 — А. И. Коган. Дардские языки. Генетическая характеристика. М.: Восточная литература, 2005.

Коньков 2023 — А. С. Коньков. Контакты населения Индостана и Среднеазиатского междуречья в эпоху Хараппской цивилизации и в период Кушанского царства // С. И. Рыжакова, М. Б. Щербак (ред.-сост.). Особые миры Индии и российская этнография: контакты и контексты. Секция на XV Конгрессе антропологов и этнологов России. 26–30 июня 2023 г., Санкт-Петербург. Материалы исследований и докладов. М.: ИЭА РАН; ПОЛИМЕДИА, 2023. С. 113–126. DOI: 10.33876/978-5-89180-137-0/1-132.

Оранская и др. 2011 — Т. И. Оранская, Ю. В. Мазурова, А. А. Кибрик, Л. И. Куликов, А. Ю. Русаков (ред.). Языки мира: Новые индоарийские языки. М.: Academia, 2011.

Пахалина 1983 — Т. Н. Пахалина. Исследование по сравнительно-исторической фонетике памирских языков. М.: Наука, 1983.

Пахалина 1989 — Т. Н. Пахалина. Сравнительно-историческая морфология памирских языков. М.: Наука, 1989.

Плунгян 2023 — В. А. Плунгян. Типология языков памиро-гиндукушского ареала: современный взгляд. Доклад на заседании иранистического семинара НИУ ВШЭ от 19 мая 2023 г.

Эдельман 1980 — Д. И. Эдельман. К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // Вопросы языкознания. 1980. № 5. С. 21–32.

Allentoft et al. 2024 — M. E. Allentoft, M. Sikora, A. Refoyo-Martínez, E. K. Irving-Pease, A. Fischer, W. Barrie, A. Ingason, J. Stenderup, K. G. Sjögren, A. Pearson, B. S. da Mota, B. S. Paulsson, A. Halgren, R. Macleod, M. L. Schjellerup Jørkov, F. Demeter, L. Sørensen, P. O. Nielsen, R. A. Henriksen, Th. Vimala, et al. Population genomics of post-glacial western Eurasia // Nature. 2024. Vol. 625. P. 301–311. DOI: 10.1038/s41586-023-06865-0.

Arciero et al. 2018 — E. Arciero, T. Kraaijenbrink, Asan, M. Haber, M. Mezzavilla, Q. Ayub, W. Wang, Zh. Pingcuo, H. Yang, J. Wang, M. A. Jobling, G. van Driem, Y. Xue, P. de Knijff, Ch. Tyler-Smith. Demographic history and genetic adaptation in the Himalayan region inferred from genome wide SNP genotypes of 49 populations // Molecular Biology and Evolution. 2018. Vol. 35. No. 8. P. 1916–1933. DOI: 10.1093/molbev/msy094.

Ayub et al. 2015 — Q. Ayub, M. Mezzavilla, L. Pagani, M. Haber, A. Mohyuddin, S. Khaliq, S. Q. Mehdi, Ch. Tyler-Smith. The Kalash genetic isolate: Ancient divergence, drift, and selection // The American Journal of Human Genetics. 2015. Vol. 96. No. 5. P. 775–783. DOI: 10.1016/j.ajhg.2015.03.012.

Bashir 2003 — E. Bashir. Dardic // G. Cardona, D. Jain (eds.). The Indo-Aryan languages. London: Routledge, 2003. P. 818–894.

Bashir 2015 — E. Bashir. Two micro-areal developments in northwestern South Asia: Causative involuntatives and cause marking postpositions // Journal of South Asian Languages and Linguistics. 2015. Vol. 2. No. 1. P. 29–62.

Borin et al. 2020 — L. Borin, A. Saxena, B. Comrie, Sh. M. Virk. A bird's-eye view on South Asian languages through LSI: Areal or genetic relationships? // Journal of South Asian Languages and Linguistics. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 203–237.

Cacopardo, Cacopardo 2001 — A. M. Cacopardo, A. S. Cacopardo. Gates of Peristan: History, religion and society in the Hindu Kush. Rome: Institute italiano per l'Africa e l'Oriente, 2001.

Cilli et al. 2019 — E. Cilli, S. Sarno, G. A. Gnecchi Ruscone, P. Serventi, S. De Fanti, P. Delaini, P. Ognibene, G. P. Basello, G. Ravegnini, S. Angelini, G. Ferri, D. Gentilini, A. M. Di Blasio, S. Pelotti, D. Pettener, M. Sazzini, A. Panaino, D. Luiselli, G. Gruppioni. The genetic legacy of the Yaghnobis: A witness of an ancient Eurasian ancestry in the historically reshuffled central Asian gene pool // American Journal of Physical Anthropology. 2019. Vol. 168. No. 4. P. 717–728. DOI: 10.1002/ajpa.23789.

Cristofaro et al. 2013 — J. Di Cristofaro, E. Pennarun, S. Mazières, N. M. Myres, A. A. Lin, Sh. A. Temori, M. Metspalu, E. Metspalu, M. Witzel, R. J. King, P. A. Underhill, R. Villems, J. Chiaroni. Afghan Hindu Kush: Where Eurasian sub-continent gene flows converge // PLOS One. 2013. Vol. 8. No. 10. e76748. DOI: 10.1371/journal.pone.0076748.

Dai et al. 2022 — S. S. Dai, X. Sulaiman, J. Isakova, W. F. Xu, T. A. Najmudinov, E. A. Manilova, B. I. Khudoidodov, X. Chen, W. K. Yang, M. S. Wang, Q. K. Shen, X. Y. Yang, Y. G. Yao, A. A. Aldashev, A. Saidov, W. Chen, L. F. Cheng, M. S. Peng, Y. P. Zhang. The genetic echo of the Tarim Mummies in Modern Central Asians // Molecular Biology and Evolution. 2022. Vol. 39. No. 9. msac179. DOI: 10.1093/molbev/msac179.

Gnecchi-Ruscone et al. 2021 — G. A. Gnecchi-Ruscone, E. Khussainova, N. Kahbatkyzy, L. Musralina, M. A. Spyrou, R. A. Bianco, R. Radzeviciute, N. F. G. Martins, C. Freund, O. Iksan, A. Garshin, Zh. Zhaniyazov, B. Bekmanov, E. Kitov, Z. Samashev, A. Beisenov, N. Berezina, Y. Berezin, A. Z. Bíró, S. Évinger, et al. Ancient genomic time transect from the Central Asian Steppe unravels the history of the Scythians // Science Advances. 2021. Vol. 7. No. 13. eabe4414. DOI: 10.1126/sciadv.abe4414.

Grierson 1903–1927 — G. A. Grierson. A linguistic survey of India. Vols. I–XI. Calcutta: Government of India, Central Publication Branch, 1903–1927.

Guarino-Vignon et al. 2023 — P. Guarino-Vignon, M. Lefeuvre, A. Chimènes, A. Monnereau, F. Guliyev, L. Pecqueur, E. Jovenet, B. Lyonnet, C. Bon. Genome-wide analysis of a collective grave from Mentesh Tepe provides insight into the population structure of early neolithic population in the South Caucasus // Communications Biology. 2023. Vol. 6. 319. DOI: 10.1038/s42003-023-04681-w.

Hellenthal et al. 2014 — G. Hellenthal, G. B. J. Busby, G. Band, J. F. Wilson, C. Capelli, D. Falush, S. A. Myers. Genetic atlas of human admixture history // Science. 2014. Vol. 343. No. 6172. P. 747–751.

Kerdoncuff et al. 2024 — E. Kerdoncuff, L. Skov, N. Patterson, W. Zhao, Y. Y. Lueng, G. D. Schellenberg, J. A. Smith, S. Dey, A. Ganna, A. B. Dey, S. L. R. Kardia, J. Lee, P. Moorjani. 50,000 years of evolutionary history of India: Insights from ~2,700 whole genome sequences // bioRxiv. 2024. Preprint. DOI: 10.1101/2024.02.15.580575.

Khan et al. 2022 — A. Khan, L. Vallini, S. Aziz, H. Khan, K. Zaib, K. Nigar, Q. Ayub, L. X. Wang, L. Pagani, Sh. Q. Wen. Cross-continental admixture in the Kho population from northwest Pakistan // European Journal of Human Genetics. 2022. Vol. 30. No. 6. P. 740–746.

Kumar et al. 2021 — V. Kumar, E. A. Bennett, D. Zhao, Y. Liang, Y. Tang, M. Ren, Q. Dai, X. Feng, P. Cao, R. Yang, F. Liu, W. Ping, M. Zhang, M. Ding, M. A. Yang, A. Berdimurodov, M. Hasanov, J. Wang, Q. Fu. Genetic continuity of Bronze Age Ancestry with increased steppe-related ancestry in Late Iron Age Uzbekistan // Molecular Biology and Evolution. 2021. Vol. 38. No. 11. P. 4908–4917. DOI: 10.1093/molbev/msab216.

Kumar et al. 2022 — V. Kumar, W. Wang, J. Zhang, Y. Wang, Q. Ruan, J. Yu, X. Wu, X. Hu, X. Wu, W. Guo, B. Wang, A. Niyazi, E. Lv, Z. Tang, P. Cao, F. Liu, Q. Dai, R. Yang, X. Feng, W. Ping, et al. Bronze and Iron Age population movements underlie Xinjiang population history // Science. 2022. Vol. 376. No. 6588. P. 62–69. DOI: 10.1101/2024.02.15.580575.

Lazaridis et al. 2022 — I. Lazaridis, S. Alpaslan-Roodenberg, A. Acar, A. Açıkkol, A. Agelarakis, L. Aghikyan, U. Akyüz, D. Andreeva, G. Andrijašević, D. Antonović, I. Armit, A. Atmaca, P. Avetisyan, A. İ. Aytek, K. Bacvarov, R. Badalyan, S. Bakardzhiev, J. Balen, L. Bejko, R. Bernardos, et al. The genetic history of the Southern Arc: A bridge between West Asia and Europe // Science. 2022. Vol. 377. No. 6609. eabm4247. DOI: 10.1126/science.abm4247.

Liljegren et al. 2021 — H. Liljegren, R. Forkel, N. Knobloch, N. Lange. Hindu Kush Areal Typology. Version v1.0 (электронный ресурс). 2021. URL: https://hindukush.clld.org (дата обращения 13.11.2024).

Liljegren 2023 — H. Liljegren. The languages of Peristan through the lens of areal typology // A. M. Cacopardo, A. S. Cacopardo (eds.). Roots of Peristan: The Pre-Islamic Cultures of the Hindukush / Karakorum. Proceedings of the International Interdisciplinary Conference. ISMEO, Rome, Palazzo Baleani, 5–7 October, 2022. Part I. Roma: ISMEO, 2023. P. 391–431.

Liu et al. 2022 — Chi-Ch. Liu, D. Witonsky, A. Gosling, J. H. Lee, H. Ringbauer, R. Hagan, N. Patel, R. Stahl, J. Novembre, M. Aldenderfer, C. Warinner, A. Di Rienzo, Ch. Jeong. Ancient genomes from the Himalayas illuminate the genetic history of Tibetans and their Tibeto-Burman speaking neighbors // Nature Communications. 2022. Vol. 13. 1203. DOI: 10.1038/s41467-022-28827-2.

Mao et al. 2021 — X. Mao, H. Zhang, Sh. Qiao, Y. Liu, F. Chang, P. Xie, M. Zhang, T. Wang, M. Li, P. Cao, R. Yang, F. Liu, Q. Dai, X. Feng, W. Ping, C. Lei, J. W. Olsen, E. A. Bennett, Q. Fu. The deep population history of northern East Asia from the Late Pleistocene to the Holocene // Cell. 2021. Vol. 184. No. 12. P. 3256–3266. DOI: 10.1016/j.cell.2021.04.040.

Masica 1976 — C. P. Masica. Defining a linguistic area: South Asia. Chicago: The University of Chicago Press, 1976.

Metspalu et al. 2018 — M. Metspalu, M. Mondal, G. Chaubey. The genetic makings of South Asia // Current Opinion in Genetics & Development. 2018. Vol. 53. P. 128–133. DOI: 10.1016/j.gde.2018.09.003.

Narasimhan et al. 2019 — V. M. Narasimhan, N. Patterson, P. Moorjani, N. Rohland, R. Bernardos, S. Mallick, I. Lazaridis, N. Nakatsuka, I. Olalde, M. Lipson, A. M. Kim, L. M. Olivieri, A. Coppa, M. Vidale, J. Mallory, V. Moiseyev, E. Kitov, J. Monge, N. Adamski, N. Alex, et al. The formation of human populations in South and Central Asia // Science. 2019. Vol. 365. No. 6457. eaat7487. DOI: 10.1126/science.aat7487.

Pagani et al. 2017 — L. Pagani, V. Colonna, C. Tyler-Smith, Q. Ayub. An ethnolinguistic and genetic perspective on the origins of the Dravidian-speaking Brahui in Pakistan // Man in India. 2017. Vol. 97. No. 1. P. 267–278.

Peng et al. 2018 — M. Sh. Peng, W. Xu, J. J. Song, X. Chen, X. Sulaiman, L. Cai, H. Q. Liu, Sh. F. Wu, Y. Gao, T. A. Najmudinov, M. A. Manilova, K. I. Khudoidodov, X. Chen, W. K. Yang, M. Wu, G. M. Li, X. Y. Yang, A. Rakha, Y. G. Yao, H. Upur, Y. P. Zhang. Mitochondrial genomes uncover the maternal history of the Pamir populations // European Journal of Human Genetics. 2018. Vol. 26. No. 1. P. 124–136. DOI: 10.1038/s41431-017-0028-8.

Posth et al. 2023 — C. Posth, H. Yu, A. Ghalichi, H. Rougier, I. Crevecoeur, Y. Huang, H. Ringbauer, A. B. Rohrlach, K. Nägele, V. Villalba-Mouco, R. Radzeviciute, T. Ferraz, A. Stoessel, R. Tukhbatova, D. G. Drucker, M. Lari, A. Modi, S. Vai, T. Saupe, Ch. L. Scheib, et al. Palaeogenomics of Upper Palaeolithic to Neolithic European hunter-gatherers // Nature. 2023. Vol. 615. No. 7950. P. 117–126. DOI: 10.1038/s41586-023-05726-0.

Rahman et al. 2021 — Z. U. Rahman, J. Y. Tian, Z. L. Gao, H. T. Wang, W. X. Xia, B. Y. Yang, L. Q. Yang, Y. Ch. Li, Q. P. Kong. Complete mitogenomes document substantial genetic contribution from the Eurasian Steppe into northern Pakistani Indo-Iranian speakers // European Journal of Human Genetics. 2021. Vol. 29. No. 6. P. 1008–1018. DOI: 10.1038/s41431-021-00829-6.

Scorrano et al. 2021 — G. Scorrano, F. E. Yediay, Th. Pinotti, M. Feizabadifarahani, K. Kristiansen. The genetic and cultural impact of the Steppe migration into Europe // Annals of Human Biology. 2021. Vol. 48. No. 3. P. 223–233. DOI: 10.1080/03014460.2021.1942984.

Shinde et al. 2019 — V. Shinde, V. M. Narasimhan, N. Rohland, S. Mallick, M. Mah, M. Lipson, N. Nakatsuka, N. Adamski, N. Broomandkhoshbacht, M. Ferry,

A. M. Lawson, M. Michel, J. Oppenheimer, K. Stewardson, N. Jadhav, Y. J. Kim, M. Chatterjee, A. Munshi, A. Panyam, P. Waghmare, et al. An ancient Harappan genome lacks ancestry from Steppe pastoralists or Iranian farmers // Cell. 2019. Vol. 179. No. 3. P. 729–735. DOI: 10.1016/j.cell.2019.08.048.

Sikora et al. 2019 — M. Sikora, V. V. Pitulko, V. C. Sousa, M. E. Allentoft, L. Vinner, S. Rasmussen, A. Margaryan, P. de Barros Damgaard, C. de la Fuente, G. Renaud, M. A. Yang, Q. Fu, I. Dupanloup, K. Giampoudakis, D. Nogués-Bravo, C. Rahbek, G. Kroonen, M. Peyrot, H. McColl, S. V. Vasilyev, E. Veselovskaya, et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // Nature. 2019. Vol. 570. P. 182–188. DOI: 10.1038/s41586-019-1279-z.

Skourtanioti et al. 2020 — E. Skourtanioti, Y. S. Erdal, M. Frangipane, F. Balossi Restelli, K. A. Yener, F. Pinnock, P. Matthiae, R. Özbal, U. D. Schoop, F. Guliyev, T. Akhundov, B. Lyonnet, E. L. Hammer, S. E. Nugent, M. Burri, G. U. Neumann, S. Penske, T. Ingman, M. Akar, R. Shafiq, et al. Genomic history of Neolithic to Bronze Age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus // Cell. 2020. Vol. 181. No. 5. P. 1158–1175. DOI: 10.1016/j.cell.2020.04.044.

Tegethoff, Kaverin 2023 — R. C. Tegethoff, S. I. Kaverin. Documenting Grangali // A. M. Cacopardo, A. S. Cacopardo (eds.). Roots of Peristan: The Pre-Islamic cultures of the Hindukush / Karakorum. Proceedings of the International Interdisciplinary Conference. ISMEO, Rome, Palazzo Baleani, 5–7 October, 2022. Part I. Roma: ISMEO, 2023. P. 433–452.

Tikkanen 1988 — B. Tikkanen. On Burushaski and other ancient substrata in northwestern South Asia // Studia Orientalia. 1988. Vol. 64. P. 303–325.

Tikkanen 2008 — B. Tikkanen. Some areal phonological isoglosses in the transit zone between South and Central Asia // Israr-ud-Din (ed.). Proceedings of the third International Hindu Kush Cultural Conference. Karachi: Oxford University Press, 2008. P. 250–262.

Tournadre, Suzuki 2023 — N. Tournadre, H. Suzuki. The Tibetic languages: An introduction to the family of languages derived from Old Tibetan. Paris: LACITO-Publications, 2023.

Watters et al. 2006 — D. E. Watters. Notes on Kusunda grammar: A language isolate of Nepal. Kathmandu: National Foundation for the Development of Indigenous Nationalities, 2006.

Wendtland 2009 — A. Wendtland. The position of the Pamir languages within East Iranian // Orientalia Suecana. 2009. Vol. 58. P. 172–188.

Yang et al. 2021 — X. Y. Yang, A. Rakha, W. Chen, J. Hou, X. B. Qi, Q. K. Shen, Sh. Sh. Dai, X. Sulaiman, T. A. Najmudinov, M. A. Manilova, B. I. Khudoidodov, X. Chen, W. K. Yang, A. Adnan, R. H. Zhao, Y. G. Yao, B. Su, M. Sh. Peng, Y. P. Zhang. Tracing the genetic legacy of the Tibetan Empire in the Balti // Molecular Biology and Evolution. 2021. Vol. 38. No. 4. P. 1529–1536. DOI: 10.1093/molbev/msaa313.

Yu et al. 2020 — H. Yu, M. A. Spyrou, M. Karapetian, S. Shnaider, R. Radzevičiūtė, K. Nägele, G. U. Neumann, S. Penske, J. Zech, M. Lucas, P. LeRoux, P. Roberts, G. Pavlenok, A. Buzhilova, C. Posth, Ch. Jeong, J. Krause. Paleolithic to Bronze Age Siberians reveal connections with First Americans and across Eurasia // Cell. 2020. Vol. 181. No. 6. P. 1232–1245. DOI: 10.1016/j.cell.2020.04.037.

References

Allentoft et al. 2024 — M. E. Allentoft, M. Sikora, A. Refoyo-Martínez, E. K. Irving-Pease, A. Fischer, W. Barrie, A. Ingason, J. Stenderup, K. G. Sjögren, A. Pearson, B. S. da Mota, B. S. Paulsson, A. Halgren, R. Macleod, M. L. Schjellerup Jørkov, F. Demeter, L. Sørensen, P. O. Nielsen, R. A. Henriksen, Th. Vimala, et al. Population genomics of post-glacial western Eurasia. *Nature*. 2024. Vol. 625. P. 301–311. DOI: 10.1038/s41586-023-06865-0.

Arciero et al. 2018 — E. Arciero, T. Kraaijenbrink, Asan, M. Haber, M. Mezzavilla, Q. Ayub, W. Wang, Zh. Pingcuo, H. Yang, J. Wang, M. A. Jobling, G. van Driem, Y. Xue, P. de Knijff, Ch. Tyler-Smith. Demographic History and Genetic Adaptation in the Himalayan Region Inferred from Genome Wide SNP Genotypes of 49 Populations. *Molecular Biology and Evolution*. 2018. Vol. 35. No. 8. P. 1916–1933. DOI: 10.1093/molbev/msy094.

Ayub et al. 2015 — Q. Ayub, M. Mezzavilla, L. Pagani, M. Haber, A. Mohyuddin, S. Khaliq, S. Q. Mehdi, Ch. Tyler-Smith. The Kalash genetic isolate: Ancient divergence, drift, and selection. *The American Journal of Human Genetics*. 2015. Vol. 96. № 5. P. 775–783. DOI: 10.1016/j.ajhg.2015.03.012.

Bashir 2003 — E. Bashir. Dardic. G. Cardona, D. Jain (eds.). *The Indo-Aryan languages*. London: Routledge, 2003. P. 818–894.

Bashir 2015 — E. Bashir. Two micro-areal developments in northwestern South Asia: Causative involuntatives and cause marking postpositions. *Journal of South Asian Languages and Linguistics*. 2015. Vol. 2. No. 1. P. 29–62.

Borin et al. 2020 — L. Borin, A. Saxena, B. Comrie, Sh. M. Virk. A bird's-eye view on South Asian languages through LSI: Areal or genetic relationships? *Journal of South Asian Languages and Linguistics*. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 203–237.

Cacopardo, Cacopardo 2001 — A. M. Cacopardo, A. S. Cacopardo. *Gates of Peristan: History, religion and society in the Hindu Kush*. Rome: Institute italiano per l'Africa e l'Oriente, 2001.

Cilli et al. 2019 — E. Cilli, S. Sarno, G. A. Gnecchi Ruscone, P. Serventi, S. De Fanti, P. Delaini, P. Ognibene, G. P. Basello, G. Ravegnini, S. Angelini, G. Ferri, D. Gentilini, A. M. Di Blasio, S. Pelotti, D. Pettener, M. Sazzini, A. Panaino, D. Luiselli, G. Gruppioni. The genetic legacy of the Yaghnobis: A witness of an ancient Eurasian ancestry in the historically reshuffled central Asian gene pool. *American Journal of Physical Anthropology*. 2019. Vol. 168. No. 4. P. 717–728. DOI: 10.1002/ajpa.23789.

Cristofaro et al. 2013 — J. Di Cristofaro, E. Pennarun, S. Mazières, N. M. Myres, A. A. Lin, Sh. A. Temori, M. Metspalu, E. Metspalu, M. Witzel, R. J. King, P. A. Underhill, R. Villems, J. Chiaroni. Afghan Hindu Kush: Where Eurasian sub-continent gene flows converge. *PLOS One*. 2013. Vol. 8. No. 10. e76748. DOI: 10.1371/journal.pone.0076748.

Dai et al. 2022 — S. S. Dai, X. Sulaiman, J. Isakova, W. F. Xu, T. A. Najmudinov, E. A. Manilova, B. I. Khudoidodov, X. Chen, W. K. Yang, M. S. Wang, Q. K. Shen, X. Y. Yang, Y. G. Yao, A. A. Aldashev, A. Saidov, W. Chen, L. F. Cheng, M. S. Peng, Y. P. Zhang. The genetic echo of the Tarim Mummies in Modern Central Asians. *Molecular Biology and Evolution*. 2022. Vol. 39. No. 9. msac179. DOI: 10.1093/molbev/msac179.

Edelman 1980 — D. I. Edelman. K substratnomu naslediyu Tsentralnoaziatskogo yazykovogo soyuza [Central Asia Linguistic Areal: a substratum heritage]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1980. No. 5. P. 21–32.

Gnecchi-Ruscone et al. 2021 — G. A. Gnecchi-Ruscone, E. Khussainova, N. Kahbatkyzy, L. Musralina, M. A. Spyrou, R. A. Bianco, R. Radzeviciute, N. F. G. Martins, C. Freund, O. Iksan, A. Garshin, Zh. Zhaniyazov, B. Bekmanov, E. Kitov, Z. Samashev, A. Beisenov, N. Berezina, Y. Berezin, A. Z. Bíró, S. Évinger, et al. Ancient genomic time transect from the Central Asian Steppe unravels the history of the Scythians. *Science Advances*. 2021. Vol. 7. No. 13. eabe4414. DOI: 10.1126/sciadv.abe4414.

Grierson 1903–1927 — G. A. Grierson. *A linguistic survey of India*. Vols. I–XI. Calcutta: Government of India, Central Publication Branch, 1903–1927.

Guarino-Vignon et al. 2023 — P. Guarino-Vignon, M. Lefeuvre, A. Chimènes, A. Monnereau, F. Guliyev, L. Pecqueur, E. Jovenet, B. Lyonnet, C. Bon. Genome-wide analysis of a collective grave from Mentesh Tepe provides insight into the population structure of early neolithic population in the South Caucasus. *Communications Biology*. 2023. Vol. 6. 319. DOI: 10.1038/s42003-023-04681-w.

Hellenthal et al. 2014 — G. Hellenthal, G. B. J. Busby, G. Band, J. F. Wilson, C. Capelli, D. Falush, S. A. Myers. Genetic atlas of human admixture history. *Science*. 2014. Vol. 343. No. 6172. P. 747–751.

Kerdoncuff et al. 2024 — E. Kerdoncuff, L. Skov, N. Patterson, W. Zhao, Y. Y. Lueng, G. D. Schellenberg, J. A. Smith, S. Dey, A. Ganna, A. B. Dey, S. L. R. Kardia, J. Lee, P. Moorjani. 50,000 years of evolutionary history of India: Insights from ~2,700 whole genome sequences. *bioRxiv*. 2024. Preprint. DOI: 10.1101/2024.02.15.580575.

Khan et al. 2022 — A. Khan, L. Vallini, S. Aziz, H. Khan, K. Zaib, K. Nigar, Q. Ayub, L. X. Wang, L. Pagani, Sh. Q. Wen. Cross-continental admixture in the Kho population from northwest Pakistan. *European Journal of Human Genetics*. 2022. Vol. 30. No. 6. P. 740–746.

Kogan 2005 — A. I. Kogan. *Dardskiye yazyki. Geneticheskaya kharakteristika* [Dardic languages. Genetic characteristics]. M.: Vostochnaya literatura, 2005.

Kon'kov 2023 — A. S. Kon'kov. Kontakty naseleniya Indostana i Sredneaziatskogo mezhdurechya v epokhu Kharappskoy tsivilizatsii i v period Kushanskogo tsarstva [Contacts of the populations of Hindustan and Transoxiana during the eras of the Harappan civilization and the Kushan kingdom]. S. I. Ryzhakova, M. B. Shcherbak (eds.). *Osobyye miry Indii i rossiyskaya etnografiya: kontakty i konteksty. Sektsiya na XV Kongresse antropologov i etnologov Rossii. 26–30 iyunya 2023 g., Sankt-Peterburg. Materialy issledovaniy i dokladov* [Special worlds of India and Russian ethnography: Contacts and contexts. A section at the 15th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. June 26–30, 2023, St. Petersburg. Proceedings and abstracts]. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences; POLIMEDIA, 2023. P. 113–126. DOI: 10.33876/978-5-89180-137-0/1-132.

Kumar et al. 2021 — V. Kumar, E. A. Bennett, D. Zhao, Y. Liang, Y. Tang, M. Ren, Q. Dai, X. Feng, P. Cao, R. Yang, F. Liu, W. Ping, M. Zhang, M. Ding, M. A. Yang, A. Berdimurodov, M. Hasanov, J. Wang, Q. Fu. Genetic continuity of Bronze Age Ancestry with increased steppe-related ancestry in Late Iron Age Uzbekistan. *Molecular Biology and Evolution*. 2021. Vol. 38. No. 11. P. 4908–4917. DOI: 10.1093/molbev/msab216.

Kumar et al. 2022 — V. Kumar, W. Wang, J. Zhang, Y. Wang, Q. Ruan, J. Yu, X. Wu, X. Hu, X. Wu, W. Guo, B. Wang, A. Niyazi, E. Lv, Z. Tang, P. Cao, F. Liu, Q. Dai, R. Yang, X. Feng, W. Ping, et al. Bronze and Iron Age population movements underlie Xinjiang population history. *Science*. 2022. Vol. 376. No. 6588. P. 62–69. DOI: 10.1101/2024.02.15.580575.

Lazaridis et al. 2022 — I. Lazaridis, S. Alpaslan-Roodenberg, A. Acar, A. Açıkkol, A. Agelarakis, L. Aghikyan, U. Akyüz, D. Andreeva, G. Andrijašević, D. Antonović, I. Armit, A. Atmaca, P. Avetisyan, A. İ. Aytek, K. Bacvarov, R. Badalyan, S. Bakardzhiev, J. Balen, L. Bejko, R. Bernardos, et al. The genetic history of the Southern Arc: A bridge between West Asia and Europe. *Science*. 2022. Vol. 377. No. 6609. eabm4247. DOI: 10.1126/science.abm4247.

Liljegren et al. 2021 — H. Liljegren, R. Forkel, N. Knobloch, N. Lange. *Hindu Kush Areal Typology*. Version v1.0. 2021. Available at: https://hindukush.clld.org (accessed on 13.11.2024).

Liljegren 2023 — H. Liljegren. The languages of Peristan through the lens of areal typology. A. M. Cacopardo, A. S. Cacopardo (eds.). *Roots of Peristan: The Pre-Islamic Cultures of the Hindukush/Karakorum. Proceedings of the International Interdisciplinary Conference. ISMEO, Rome, Palazzo Baleani, 5–7 October, 2022.* Part I. Roma: ISMEO, 2023. P. 391–431.

Liu et al. 2022 — ChiCh. Liu, D. Witonsky, A. Gosling, J. H. Lee, H. Ringbauer, R. Hagan, N. Patel, R. Stahl, J. Novembre, M. Aldenderfer, C. Warinner, A. Di Rienzo, Ch. Jeong. Ancient genomes from the Himalayas illuminate

the genetic history of Tibetans and their Tibeto-Burman speaking neighbors. *Nature Communications*. 2022. Vol. 13. 1203. DOI: 10.1038/s41467-022-28827-2.

Mao et al. 2021 — X. Mao, H. Zhang, Sh. Qiao, Y. Liu, F. Chang, P. Xie, M. Zhang, T. Wang, M. Li, P. Cao, R. Yang, F. Liu, Q. Dai, X. Feng, W. Ping, C. Lei, J. W. Olsen, E. A. Bennett, Q. Fu. The deep population history of northern East Asia from the Late Pleistocene to the Holocene. *Cell*. 2021. Vol. 184. No. 12. P. 3256–3266. DOI: 10.1016/j.cell.2021.04.040.

Masica 1976 — C. P. Masica. *Defining a linguistic area: South Asia*. Chicago: The University of Chicago Press, 1976.

Metspalu et al. 2018 — M. Metspalu, M. Mondal, G. Chaubey. The genetic makings of South Asia. *Current Opinion in Genetics & Development*. 2018. Vol. 53. P. 128–133. DOI: 10.1016/j.gde.2018.09.003.

Narasimhan et al. 2019 — V. M. Narasimhan, N. Patterson, P. Moorjani, N. Rohland, R. Bernardos, S. Mallick, I. Lazaridis, N. Nakatsuka, I. Olalde, M. Lipson, A. M. Kim, L. M. Olivieri, A. Coppa, M. Vidale, J. Mallory, V. Moiseyev, E. Kitov, J. Monge, N. Adamski, N. Alex, et al. The formation of human populations in South and Central Asia. *Science*. 2019. Vol. 365. No. 6457. eaat7487. DOI: 10.1126/science.aat7487.

Oranskaya et al. 2011 — T. I. Oranskaya, Yu. V. Mazurova, A. A. Kibrik, L. I. Kulikov, A. Yu. Rusakov (eds.). *Yazyki mira: Novyye indoariyskiye yazyki* [Languages of the world: New Indo-Aryan languages]. Moscow: Academia, 2011.

Pagani et al. 2017 — L. Pagani, V. Colonna, C. Tyler-Smith, Q. Ayub. An ethnolinguistic and genetic perspective on the origins of the Dravidian-speaking Brahui in Pakistan. *Man in India*. 2017. Vol. 97. No. 1. P. 267–278.

Pakhalina 1983 — T. N. Pakhalina. *Issledovaniye po sravnitelno-istoricheskoy fonetike pamirskikh yazykov* [A study on the comparative-historical phonetics of the Pamir languages]. Moscow: Nauka, 1983.

Pakhalina 1989 — T. N. Pakhalina. *Sravnitelno-istoricheskaya morfologiya pamirskikh yazykov* [Comparative-historical morphology of the Pamir languages]. Moscow: Nauka, 1989.

Peng et al. 2018 — M. Sh. Peng, W. Xu, J. J. Song, X. Chen, X. Sulaiman, L. Cai, H. Q. Liu, Sh. F. Wu, Y. Gao, T. A. Najmudinov, M. A. Manilova, K. I. Khudoidodov, X. Chen, W. K. Yang, M. Wu, G. M. Li, X. Y. Yang, A. Rakha, Y. G. Yao, H. Upur, Y. P. Zhang. Mitochondrial genomes uncover the maternal history of the Pamir populations. *European Journal of Human Genetics*. 2018. Vol. 26. No. 1. P. 124–136. DOI: 10.1038/s41431-017-0028-8.

Plungian 2023 — V. A. Plungian. Tipologiya yazykov pamiro-gindukushskogo areala: sovremennyy vzglyad [A typology of the languages in the Pamir-Hindu Kush area: a new approach]. Talk at the Workshop on Iranian Studies at the HSE University, 9 May, 2023.

Posth et al. 2023 — C. Posth, H. Yu, A. Ghalichi, H. Rougier, I. Crevecoeur, Y. Huang, H. Ringbauer, A. B. Rohrlach, K. Nägele, V. Villalba-Mouco, R. Radzeviciute,

T. Ferraz, A. Stoessel, R. Tukhbatova, D. G. Drucker, M. Lari, A. Modi, S. Vai, T. Saupe, Ch. L. Scheib, et al. Palaeogenomics of Upper Palaeolithic to Neolithic European hunter-gatherers. *Nature*. 2023. Vol. 615. No. 7950. P. 117–126. DOI: 10.1038/s41586-023-05726-0.

Rahman et al. 2021 — Z. U. Rahman, J. Y. Tian, Z. L. Gao, H. T. Wang, W. X. Xia, B. Y. Yang, L. Q. Yang, Y. Ch. Li, Q. P. Kong. Complete mitogenomes document substantial genetic contribution from the Eurasian Steppe into northern Pakistani Indo-Iranian speakers. *European Journal of Human Genetics*. 2021. Vol. 29. No. 6. P. 1008–1018. DOI: 10.1038/s41431-021-00829-6.

Scorrano et al. 2021 — G. Scorrano, F. E. Yediay, Th. Pinotti, M. Feizabadifarahani, K. Kristiansen. The genetic and cultural impact of the Steppe migration into Europe. *Annals of Human Biology*. 2021. Vol. 48. No. 3. P. 223–233. DOI: 10.1080/03014460.2021.1942984.

Shinde et al. 2019 — V. Shinde, V. M. Narasimhan, N. Rohland, S. Mallick, M. Mah, M. Lipson, N. Nakatsuka, N. Adamski, N. Broomandkhoshbacht, M. Ferry, A. M. Lawson, M. Michel, J. Oppenheimer, K. Stewardson, N. Jadhav, Y. J. Kim, M. Chatterjee, A. Munshi, A. Panyam, P. Waghmare, et al. An ancient Harappan genome lacks ancestry from Steppe pastoralists or Iranian farmers. *Cell*. 2019. Vol. 179. No. 3. P. 729–735. DOI: 10.1016/j.cell.2019.08.048.

Sikora et al. 2019 — M. Sikora, V. V. Pitulko, V. C. Sousa, M. E. Allentoft, L. Vinner, S. Rasmussen, A. Margaryan, P. de Barros Damgaard, C. de la Fuente, G. Renaud, M. A. Yang, Q. Fu, I. Dupanloup, K. Giampoudakis, D. Nogués-Bravo, C. Rahbek, G. Kroonen, M. Peyrot, H. McColl, S. V. Vasilyev, E. Veselovskaya, et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. *Nature*. 2019. Vol. 570. P. 182–188. DOI: 10.1038/s41586-019-1279-z.

Skourtanioti et al. 2020 — E. Skourtanioti, Y. S. Erdal, M. Frangipane, F. Balossi Restelli, K. A. Yener, F. Pinnock, P. Matthiae, R. Özbal, U. D. Schoop, F. Guliyev, T. Akhundov, B. Lyonnet, E. L. Hammer, S. E. Nugent, M. Burri, G. U. Neumann, S. Penske, T. Ingman, M. Akar, R. Shafiq, et al. Genomic history of Neolithic to Bronze Age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus. *Cell*. 2020. Vol. 181. No. 5. P. 1158–1175. DOI: 10.1016/j.cell.2020.04.044.

Tegethoff, Kaverin 2023 — R. C. Tegethoff, S. I. Kaverin. Documenting Grangali. A. M. Cacopardo, A. S. Cacopardo (eds.). *Roots of Peristan: The Pre-Islamic cultures of the Hindukush/Karakorum. Proceedings of the International Interdisciplinary Conference. ISMEO, Rome, Palazzo Baleani, 5–7 October, 2022*. Part I. Roma: ISMEO, 2023. P. 433–452.

Tikkanen 1988 — B. Tikkanen. On Burushaski and other ancient substrata in northwestern South Asia. *Studia Orientalia*. 1988. Vol. 64. P. 303–325.

Tikkanen 2008 — B. Tikkanen. Some areal phonological isoglosses in the transit zone between South and Central Asia. Israr-ud-Din (ed.). *Proceedings of the third International Hindu Kush Cultural Conference*. Karachi: Oxford University Press, 2008. P. 250–262.

Tournadre, Suzuki 2023 — N. Tournadre, H. Suzuki. *The Tibetic languages: An introduction to the family of languages derived from Old Tibetan*. Paris: LACITO-Publications, 2023.

Watters et al. 2006 — D. E. Watters. *Notes on Kusunda grammar: A language isolate of Nepal*. Kathmandu: National Foundation for the Development of Indigenous Nationalities, 2006.

Wendtland 2009 — A. Wendtland. The position of the Pamir languages within East Iranian. *Orientalia Suecana*. 2009. Vol. 58. P. 172–188.

Yang et al. 2021 — X. Y. Yang, A. Rakha, W. Chen, J. Hou, X. B. Qi, Q. K. Shen, Sh. Sh. Dai, X. Sulaiman, T. A. Najmudinov, M. A. Manilova, B. I. Khudoidodov, X. Chen, W. K. Yang, A. Adnan, R. H. Zhao, Y. G. Yao, B. Su, M. Sh. Peng, Y. P. Zhang. Tracing the genetic legacy of the Tibetan Empire in the Balti. *Molecular Biology and Evolution*. 2021. Vol. 38. No. 4. P. 1529–1536. DOI: 10.1093/molbev/msaa313.

Yu et al. 2020 — H. Yu, M. A. Spyrou, M. Karapetian, S. Shnaider, R. Radzevičiūtė, K. Nägele, G. U. Neumann, S. Penske, J. Zech, M. Lucas, P. LeRoux, P. Roberts, G. Pavlenok, A. Buzhilova, C. Posth, Ch. Jeong, J. Krause. Paleolithic to Bronze Age Siberians reveal connections with First Americans and across Eurasia. *Cell*. 2020. Vol. 181. No. 6. P. 1232–1245. DOI: 10.1016/j.cell.2020.04.037.

Приложение

Перечень языков памиро-гиндукушского ареала[9]

- бурушаски (изолят)
- сино-тибетские
  - северо-восточные тибетские
    - балти
    - пурик
    - ладакхи
- индоевропейские
  - нуристанские
    - ашкун
    - кати
    - вайгали
    - прасун

[9] Классификация основана на следующих источниках: сино-тибетские [Tournadre, Suzuki 2023], нуристанские [Liljegren 2022], дардские [Коган 2005], восточноиранские [Wendtland 2009], индоарийские [Оранская и др. 2011].

- дардские
  - восточнодардская подгруппа
    - кашмири
    - шина
    - брокскат
    - пхалура
    - сави
    - кохистанские:
      - майян
      - башкарик
      - торвали
      - катаркалаи
  - тирахи
  - кунарская подгруппа
    - гавар-бати
    - шумашти
    - глангали
  - пашаи
  - кховаро-калашская подгруппа
    - кховар
    - киви
    - калаша
- индоарийские
  - центральные индоарийские языки
    - домааки
    - урду
    - раджастхани (с годжри)
  - северо-западные индоарийские языки
    - хиндко
    - потхохари
- иранские
  - восточноиранские
    - пушту
    - парачи
    - ормури
    - шугнано-язгулямские
      - язгулямский

    - шугнанская группа
        - шугнанский
        - рушанский
        - бартангский
        - рошорвский
        - хуфский
        - старованджский †
        - сарыкольский
- ишкашимский-санглечи-зебаки
- мунджанский-йидга
- ваханский

Получено / received 15.08.2024 *Принято / accepted 26.05.2025*

[Review of:] **Robin Meyer.** ***Iranian Syntax in Classical Armenian: The Armenian Perfect and Other Cases of Pattern Replication.*** Oxford: Oxford University Press, 2023. xx + 310 pp. (Oxford Studies in Diachronic and Historical Linguistics, 53.) ISBN: 9780198851097.

Marco Fattori

University of Rome "La Sapienza" (Rome, Italy);
marco.fattori@uniroma1.it; ORCID: 0000-0001-5093-9495

For citation: Fattori M. [Review of:] Robin Meyer. Iranian Syntax in Classical Armenian: The Armenian Perfect and Other Cases of Pattern Replication. Oxford: Oxford University Press, 2023. *Indo-Iranian Languages*. 2025. 1(2). P. 196–201.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.8

Марко Фаттори

Римский университет «Ла Сапиенца» (Рим, Италия);
marco.fattori@uniroma1.it; ORCID: 0000-0001-5093-9495

Для цитирования: Fattori M. [Review of:] Robin Meyer. Iranian Syntax in Classical Armenian: The Armenian Perfect and Other Cases of Pattern Replication. Oxford: Oxford University Press, 2023. *Indo-Iranian Languages*. 2025. 1(2). P. 196–201.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.8

It has always been clear that Armenian-Iranian contact is an extremely interesting field of research for the study of language contact in general, but it has mostly remained a matter dealt with by specialists, due to the numerous philological difficulties that characterize the study of Armenian and, especially, Middle Iranian. This monograph is a very welcome exception to this trend, as it attempts to reconcile an up-to-date theoretical approach to language contact with issues usually discussed

© Marco Fattori, 2025

in a more traditional methodological framework, either leaning towards Iranian philology or Indo-European comparative linguistics.

This book is a reworked version of Robin Meyer's doctoral dissertation, defended at the University of Oxford in 2017. The study focuses on four syntactic structures of Classical Armenian which, according to the author, are the result of pattern replication from Western Middle Iranian. These structures are the periphrastic perfect, the *eżāfe*-like nominal relative clauses, the usage of *ink'n* 'self' as an intensifier and of *(e)t'ē* 'that' as a quotative marker. The book is articulated in 8 sections and an Appendix. After an introduction (1), a useful summary of the current notions on Armenian-Iranian contact is provided (2). Then, the author offers a review of the historical sources which can be useful for clarifying the language contact situation (3) and a theoretical introduction to the notions of morphosyntactic alignment and alignment change (4). After proposing the main hypothesis of the study, i.e. that the Armenian periphrastic perfect results from contact with Western Middle Iranian, the author presents a corpus study on the phenomenology of the periphrastic perfect in a selection of authors (5). The next section is dedicated to other possible cases of pattern replication: nominal relative clauses, intensifiers and quotatives (6). There follows a discussion on some general theoretical issues, where it is claimed that the contact situation between Armenian and Parthian is best described as a case of "superstrate shift" (7). The book ends with some conclusions (8) and an Appendix where the author formulates a new etymological hypothesis for the Armenian participial suffix *-eal*.

The lengthy sections 2–4 betray the fact that the work was conceived as a doctoral dissertation, as they do not spare exposing all the premises of the following discussion even when these are well-known facts among specialists. This can indeed be useful, and I myself have benefitted from reading sections 3 and 4, not being an expert in the subjects. Likewise, section 2 will surely be useful for non-specialists, even though, understandably, it sometimes depends on secondary sources which are not always updated as far as Iranological issues are concerned (see below). The most relevant shortcoming of section 2, which is worth mentioning as it affects the overall analysis of the contact situation proposed in section 7, is the failure to adequately emphasize that the bulk of Iranian loanwords must have entered Armenian before the Sasanian period

(224–651 CE). As has been unquestionably demonstrated ([Bolognesi 1960; Schmitt 1983 etc.]) the phonological profile of most of the Iranian loanwords in Armenian is very conservative compared to the state of Manichaean Parthian, attested from the 3rd century CE onwards. Thus, there can be no doubt that these loanwords entered Armenian some time before the 3rd century CE – reasonably at least one century earlier.[1]

The main hypothesis presented in the book is that the Armenian periphrastic perfect results from the replication of the Western Middle Iranian ergative past construction (for simplicity's sake, we are going to speak only of Parthian below). This idea is clearly based on the shared features between these two syntactic structures, and requires explaining as secondary inner-Armenian developments the aspects in which the two structures diverge. These are namely the optional active/transitive value of the Armenian *-eal* ptc., as opposed to the strictly passive/intransitive value of the Parthian past ptc., and the possibility for the copula to be inflected in the 3rd person singular regardless of the subject, whereas in Parthian the copula must always agree with the subject. The proposed hypothesis is indeed reasonable and supported by an abundant collection of data – which, however, could have been presented not only in the form of statistics but also as a larger selection of examples or, at least, of references to passages. This corpus analysis seems to confirm the later character of the transitive usage of the Armenian participle in *-eal* and of the non-standard type of periphrastic perfect with lack of agreement between subject and copula.[2]

---

[1] At p. 17, note c, the author suggests that the correspondence between Armenian *p, t, k*, and Parthian *b, d, g* in intervocalic position could be due to a secondary devoicing within Armenian rather than the loanwords entering Armenian prior to sonorization. This is hardly possible, as it would require that the same phoneme (e.g. *b*) was devoiced only in intervocalic position and not in initial position, and there is no apparent reason why this should have happened. Also, there are other archaic features in Iranian loanwords in Armenian which cannot result from an inner-Armenian development, such as the preservation of *xš* (with metathesis) contrasting with Manichaean Parthian *š*: e.g. Armenian *ašxarh* 'world, kingdom, region' vs. Manichaean Parthian *šahr* 'id.' < Old Iranian **xšaθra-*. See also [Fattori 2023a] on another archaic feature that cannot be regarded as secondary.

[2] The originally passive meaning of the participle in *-eal* would also find support in the author's new etymology of the suffix *-eal*, exposed in the Appendix, according

In my view, the problem in postulating a contact-induced change in such a circumstance is that we do not know the state of things prior to the beginning of the contact and, in fact, not even during the crucial stage of contact. A possibility which should have been taken into consideration is that Armenian had some kind of periphrastic structure involving the participle before getting in contact with Parthian, and that some divergences from the Parthian ergative past construction can be explained as a case of imperfect pivot matching. The hypothesis of this kind of convergence with pre-existing structures is envisaged in section 6 for the other assumed cases of pattern replication, and I see no good reason not to extend the author's reasonable conclusions to the periphrastic perfect as well: e.g. "With these latter constructions, however, it is difficult to determine to what extent this Iranian influence was instrumental in the creation of the patterns described, or whether it only aided developments that were already taking place language-internally" (p. 258).

Another point where I think the author chooses too clear-cut a solution, at the expense of the plausibility of his account of facts, is when he claims that the contact situation between Armenian and Parthian must be seen as an instance of "superstrate shift" (section 7.2). I believe that his analysis gives too much weight to historical-political and cultural evidence, which inevitably overrepresents the role of the ruling class. A more reliable way to reconstruct the linguistic dynamics of the Armenian-speaking community as a whole is to evaluate in detail all the known phenomena of linguistic interference happened between Armenian and Iranian. I do not always find the author's judgement in this respect fully convincing. For example, the assumption that "more intense borrowing, specifically of core vocabulary and derivational morphology, but also pattern replication must have taken place in the second half of this period, once the Armenian Arsacids had been politically separated from the Sasanians" (p. 243) can hardly be correct, as the bulk of Iranian loanwords in Armenian must date much earlier, before the advent of the Sasanian empire. Personally, I find it difficult to imagine that the degree of contact between Armenian and Iranian seen in Classical Armenian did not

to which it should go back to a verbal adjective based on the Proto-Indo-European passive present stem with the suffix *-*iḭe*/*o*-.

imply a very high rate of bilingualism in all layers of society, including the lower classes having Armenian as their native tongue. The phenomena I have dealt with in some recent studies seem to me easier to explain in a scenario of language maintenance [Fattori 2023a; Fattori 2024].

Besides these small points of disagreement, which would be alleviated by taking a more nuanced position, I believe that this book represents an important contribution to the field, which will have to be regarded as a reference work both for the rich and critically examined collection of the current notions on Armenian-Iranian contact and for the specific matters addressed in the study.

To conclude, I shall take the opportunity to point out some common notions and problems concerning Armenian-Iranian contact mentioned in the book, which I believe merit reconsideration:

p. 14 fn. 18: on the divergent outcome of Armenian *seaw* 'black' and *Šaw°* in personal names, see now [Fattori 2023b: 387–390], where a simpler explanation, not involving a different Iranian dialect source, is proposed.

p. 23–24: on the problem of alleged Eastern Iranian loanwords in Armenian, the existence of which I doubt, see now [Fattori 2024: 5 fn. 4].

p. 25 fn. 51: on the correspondence between Iranian and Armenian declensions in loanwords see now [Fattori 2023a].

p. 265 fn. 26: on Armenian *karem* and related matters, see now [Kölligan 2024: 364–366] and [Fattori 2024].

References

Bolognesi 1960 — G. Bolognesi. *Le fonti dialettali degli imprestiti iranici in armeno* [The dialectal sources of Iranian borrowings in Armenian]. Milano: Università Cattolica del Sacro Cuore, 1960.

Fattori 2023a — M. Fattori. Armenian Stem Classes and the Western-Middle Iranian Oblique Plural Case. *Studi e Saggi Linguistici*. 2023. Vol. 61. No. 1. P. 107–122. DOI: 10.4454/ssl.v61i1.326.

Fattori 2023b — M. Fattori. Contributions to Iranian Etymology I. Some Iranian Words in Greek Sources. *Orientalia*. 2023. Vol. 92. No. 3. P. 380–399.

Fattori 2024 — M. Fattori. Constructions in contact between Armenian and Iranian: Arm. *karem*, the Iranian "potential" construction, and marginal notes on Arm. *bawem* and *kari*. *Indo-European Linguistics*. 2024. Vol. 12. No. 1. P. 1–25. DOI: 10.1163/22125892-bja10035.

Kölligan 2024 — D. Kölligan. Complex predicates and light verb constructions in Classical Armenian. P. Cotticelli-Kurras, F. J. De Decker (eds). *Berthold Delbrück, Historical and Comparative Indo-European Syntax 1922–2022. Proceedings of the International Conference Delbrück Colloquium on Historical and Comparative Syntax of Indo-European, held in Verona on November 9–12, 2022*. Wiesbaden: Reichert, 2024. P. 351–370.

Schmitt 1983 – R. Schmitt. Iranisches Lehngut im Armenischen. *Revue des Études Arméniennes*. 1983. Vol. 17. P. 73–112.

Получено / received 22.07.2025 *Принято / accepted 29.07.2025*

[Review of:] **Simeon Polshin.** ***(Proto-)Indo-Iranian: historical phonology and basic lexicon.*** München: LINCOM, 2024. vi+111 pp. ISBN: 9783969391921.

Anton I. Kogan

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); kogan_anton@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-9220-4665

For citation: Kogan A. I. [Review of:] Simeon Polshin. (Proto-)Indo-Iranian: historical phonology and basic lexicon. München: LINCOM, 2024. *Indo-Iranian Languages*. 2025. 1 (2). P. 202–206.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.9

Антон Ильич Коган

Институт востоковедения РАН (Москва, Россия); kogan_anton@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-9220-4665

Для цитирования: Kogan A. I. [Review of:] Simeon Polshin. (Proto-) Indo-Iranian: historical phonology and basic lexicon. München: LINCOM, 2024. *Indo-Iranian languages*. 2025. 1 (2). P. 202–206.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.9

Simeon Polshin's book is an attempt to reconstruct Proto-Indo-Iranian basic vocabulary in addition to revising the existing reconstruction of Proto-Indo-Iranian phonology. It must be noted with regret that neither of these two goals can be considered successfully achieved.

In the Introduction, the author rightly notes that the material of only a small percentage of Indo-European languages is actively used in comparative linguistic studies and, not without reason, he calls this situation paradoxical. It should not, however, be forgotten that lexical data from different languages are not equally important for proto-language

© Anton I. Kogan, 2025

reconstruction. For example, Sanskrit, Avestan, and Old Persian, being chronologically closer to their common ancestor language, can provide a comparative linguist with a greater amount of valuable information than, say, Hindi, Modern Persian, or Pashto. Polshin does not seem to take this well-known fact into account, and this may be one of the reasons why his reconstructions are in many cases fundamentally flawed.

A separate section of the book addresses the classification of Indo-Iranian languages. The author's classificatory scheme is sharply at odds with the traditional scheme. The main point of discrepancy is the postulation of the branch called DNO and comprising Dardic, Nuristani, and the so-called "Outer" languages. The latter, according to Polshin, include some lects usually classified as Indo-Aryan, i. e., Hindko, Gujari, and Himachali, as well as one dialect (Ushojo), which is traditionally believed to be a local variety of Dardic Shina. As an argument for the existence of the DNO branch, Polshin cites a relatively large number of common lexical isoglosses. However, many, if not most, of these isoglosses seem to be extremely doubtful. Notably, lexicostatistical counts presented in [Kogan 2016] have shown that Hindko, Gujari, and Himachali must unquestionably be classified within the Indo-Aryan branch. The presence of common historical phonological innovations could be strong evidence for the genetic unity of the DNO group, but there is no mention of such innovations in the book.

The author's view of Proto-Indo-Iranian phonology differs from the generally accepted view in many respects. However, nowhere in the book will the reader find any argumentation against predecessors concerning a preference for particular reconstructions. Polshin seems to simply ignore much of the previous research. That being said, his "unorthodox" hypotheses in many cases look ill-founded and self-contradictory. To illustrate this, I will give some examples.

Polshin reconstructs the Indo-Iranian prototype of OIA *keśa-* 'hair' as **kēs̲*[1] and considers it a reflex of PIE **kes* 'comb' (pp. 59–60). Such reconstruction suggests, inter alia, that, contrary to the traditional

[1] The author's system of notation is a real challenge for the reader. Polshin does not follow the traditional way of representing reconstructed Proto-Indo-Iranian phonemes, and no clear explanations of the characters he uses are given in the book. For this reason, e.g., the exact phonological values of the underscored letters *d̲*, *l̲*, *n̲*, *r̲*, *t̲*, *s̲* remain obscure.

view, PIE **e* did not change to *a* in Proto-Indo-Iranian and Indo-Aryan.[2] On the other hand, OIA *daśa* 'ten' is derived by Polshin from PII **das*, which he believes to be a reflex of PIE **dek'm̥-t* (pp. 98–99).

PII **o* as reconstructed by Polshin has in Old Indian the reflex *o*, e.g., in *gola-* 'ball' < PII **gol* 'round', *doṣā-* 'evening'[3] < PII **dos* 'yesterday', but also as *a*, e.g., in *kaṇṭaka-* 'thorn' < PII **ko*(*n̲*)*ṯ*, *dharitrī* 'earth' < PII **dhor*.

According to Polshin, OIA *h* is a reflex of PII **z* in such words as *hari-* 'green' < PII **ziḻṭ* 'yellow', *hima-* 'snow' < PII **zim*, *hṛdaya-* 'heart' < PII **zerd*. In other lexemes, however, the Old Indian reflex of the same Proto-Indo-Iranian phoneme in the same position is held to be *j*: *jara-* 'old' < PII **zar*, *jambha-* 'tooth' < PII **zim*(*b*^{h}), *jānu-* 'knee' < PII **zōn*(*g*^{h}).

One cannot help asking: why does each of the aforementioned proto-phonemes have divergent reflexes in Old Indian? The list of examples like the ones above could be continued. The number of inconsistencies in Polshin's reconstruction is quite great.

The largest section of the book (pp. 27–110) includes an Indo-Iranian etymological database. It consists of a number of entries, each containing an English gloss, a Proto-Indo-Iranian reconstructed form, and some lexical material of textually attested as well as modern Indo-Iranian languages. The organizing principles of the database are not always clear. In almost every entry there are a lot of words which are clearly etymologically unrelated to the reconstructed prototype. The validity of many reconstructions is doubtful. In some cases, the author unreasonably separates lexemes traditionally considered to be cognates. For example, he postulates two Proto-Indo-Iranian roots with the meaning 'hand': **hāt*^{h} (> e.g., OIA *hasta-*, Hindi-Urdu *hāt*^{h}) and **das*(*t*) (> Av. *zasta-*, Pahlavi *dast*, etc.[4]). The reason for distinguishing two etyma here is hard to understand, given that the Old Indian and Old Iranian forms show impeccably regular sound correspondences.[5] In this and similar

[2] On the development of PIE vowels in Indo-Aryan and Iranian see, e.g., [Beekes 2011: 141].

[3] Not *dosìa*, as it stands in the book.

[4] Inexplicably, among the Iranian forms the author does not cite Old Persian *dasta-* 'hand', which has Pahlavi *dast* as a regular reflex.

[5] For the correspondence of Old Indian *h* to Avestan *z* and Old Persian *d*, cf. also, e.g., OIA *hiraṇya-*, Av. *zarańiia-*, Old Persian *daraniya-* 'gold'; OIA *ahaṃ*, Av. *azəm*, Old Persian *adam* 'I'; OIA *gūhatē* 'hides, conceals, covers', Av. *guzaēta* 'he would con-

cases Polshin seems to multiply entities beyond necessity. Most entries of the database contain a number of false etymologies, their total number being truly enormous.

The Indo-Iranian lexical material itself is not always reliable. Many words quoted by Polshin are very unlikely to exist in their respective languages. As a specialist in Kashmiri, I can say that such lexemes as, e.g., "*mašūr*" 'big',[6] "*barosụ*" 'count', "*kharab*" 'down', "*lyk*^{h}*un*" 'come', "*wạran*" 'black', "*ruz*" 'go', "*diny*" 'hand', "*bạṛ*" 'wide', "*buc*^{h}*ar*" 'rain', "*ḍnoṛụ*" 'stick', labelled in the book as Kashmiri, are totally absent from dictionaries and look like mere ghost words.[7] The same holds true for Av. "*aġarn*" 'day', "*kx*^{w}*ārə*" 'year', Bengali "*d*^{h}*rā*" 'fish', "*bnd̃*" 'near', "*sp*^{h}*r*" 'road', "*yātrā*" 'see', Indus Kohistani "*ān*" 'left', Sindhi "*knū*" 'dog',[8] "*ng*^{h}*āx*" 'eye', "*mk*^{h}*ī*" 'head', "*xāt*^{h}*ī*" 'person', "*jād̃*" 'heart', and great many other lexical items.

Another serious drawback of Polshin's database is the presence of numerous typos. Some of them can seriously mislead the reader, e.g., the Hindi-Urdu word *bāyā̃* 'left' appears in the book in two different variants: "*bājā*" and "*bāyām̆*" (p. 69). The former variant, which is undoubtedly a typo, is labelled as Urdu, whereas the latter one, being a transliteration of Devanagari, is presented as Hindi. This gives the false impression that Hindi and Urdu are two different, albeit related Indo-Aryan languages, whereas in reality they are, as is widely known, the two literary styles

ceal', Old Persian *apa-gaudaya* 'you should hide'. For more details, see, e.g., [Johnson 1917: 77].

[6] Here and below, I cite Polshin's pseudowords in quotation marks.

[7] It seems appropriate to quote here the true Kashmiri equivalents of Polshin's fictional forms. They are: *boḍ* 'big', *gənzɨrāwun* 'count', *bɔn* 'down', *yun* 'come', *kruhun* 'black', *gachun* 'go', *athɨ* 'hand', *khol* 'wide', *rūd* 'rain', *hət, lūr* 'stick'.

[8] The number of non-existent lexical items labelled as Sindhi is especially great. Many real Sindhi words are cited in distorted transcription, often without vowels. The author explains this by saying that "Sindhi short vowels are not visible in its Perso-Arabic script" (p. 18). This is, however, a lame excuse. In a number of dictionaries of Sindhi and English, the Sindhi material is given not only in Perso-Arabic but also in Roman and/or Devanagari script. See, e.g., [Lekhwani 2001; Rohra et al. 2011]. It should be noted that Sindhi is not the only language whose material is sometimes transcribed in this strange "vowelless" manner. Cf. the above-cited Bengali pseudowords "*bnd̃*" 'near' and "*sp*^{h}*r*" 'road'. I wonder how Polshin would explain these, given the fact that Bengali is not written in the Perso-Arabic consonantal script.

of the same spoken language, sharing common basic vocabulary and identical in terms of historical phonology.

In general, Polshin's book gives the impression of a work done in a slipshod way and hardly possesses any scholarly value. The author has set ambitious goals for himself but through incompetence has totally failed to achieve them. Perhaps, the only worth of the book under review is the fact that it once again corroborates the well-known idea: no research can be successful if the researcher is ignorant of past knowledge.

Abbreviations

Av. — Avestan; OIA — Old Indo-Aryan; PIE — Proto-Indo-European; PII — Proto-Indo-Iranian.

References

Beekes 2011 — R. S. P. Beekes. *Comparative Indo-European linguistics: An Introduction.* 2nd edn. Amsterdam: John Benjamins, 2011.

Johnson 1917 — E. L. Johnson. *Historical grammar of the ancient Persian language.* New York; Cincinnati; Chicago: American Book Company, 1917.

Kogan 2016 — A. Kogan. Genealogical classification of New Indo-Aryan languages and lexicostatistics. *Journal of Language Relationship.* 2016. Vol. 14. Iss. 4. P. 227–258.

Lekhwani 2001 — K. Lekhwani. *Basic Sindhi-English dictionary.* Pune: Prakash Publications, 2001.

Rohra et al. 2011 — S. Rohra, S. Bijani, S. Gurnani. *Standard trilingual dictionary (Sindhi, Hindi, English).* Adipur: Indian Institute of Sindhology, 2011.

Получено/received 27.05.2025 *Принято/accepted 10.07.2025*

Научное издание

Индоиранские языки. 2025. — Том 1. № 2. — 208 с.

Подготовка оригинал-макета
О. В. Шакиров

Корректор
В. В. Салий

Распространяется бесплатно

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru https://iling.spb.ru

Подписано в печать 01.10.2025. Формат 60×90/16. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 13
9450922@gmail.com

Тираж напечатан 15.10.2025

Материалы журнала доступны в электронном виде по ссылке:
https://indo-iranian.org/iil/issue/archive